

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2019

№ 15

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Chairperson

О.И. Блинова (Томск, Россия) –
зам. председателя

Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) –
Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk,
Russia) – Executive Editor

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)

В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)

Valentin Ye. Gol'din (Saratov,
Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Е.В. Иванцова (Томск, Россия)

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk,
Russia)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Irena Janyšková (Brno, Czech
Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Белякова С.М. Диалектный словарь как вид сверхтекста	5
Булыгина Е.Ю., Гарбуль И., Трипольская Т.А. Метафорические глаголы речевого поведения в русском и итальянском языках: семантико-прагматический и лексикографический аспекты	17
Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Концепт « <i>грех</i> » в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры	36
Реброва Н.Е. Подвижность пометы <i>verhüllend</i> как способ лексикографической фиксации реальных и потенциальных эвфемизмов	60

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Андрианова Д.В. Изменение лексикографических принципов представления фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Большом академическом словаре русского языка»	71
Баланчик Н.А., Баланчик Н.С., Пушкарева И.А. Опыт лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса в начале XXI века	83
Казакова О.А., Краевская И.О., Фрик Т.Б. Учебный словарь по профессиональному русскому языку (технический профиль) для студентов из Китая: макро- и микроструктура, лингводидактический потенциал	104
Резанова З.И. Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: разметка отклонений от речевого стандарта	127

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гарбуль Л.П. О роли исторических словарей в исследовании межславянских языковых контактов	141
Кочергина К.С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы	154

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Хроленко А.Т. «Хорошо бы составить словарь былин...» (И.А. Оссовецкий о фольклорной лексикографии)	174
Сведения об авторах	188

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Belyakova S.M. The Dialect Dictionary as a Kind of Supertext	5
Bulygina E.Yu., Garbujo I., Tripolskaya T.A. Metaphorical Verbs of Speaking in Russian and Italian: Semantic-Pragmatical and Lexicographical Aspects	17
Radbil T.B., Saygin V.V. The Concept “Grekh” (“Sin”) in the Context of the Lexicographic Description of Key Concepts of Russian Culture	36
Rebrova N.Ye. The Mobility of the Label <i>Verhüllend</i> as a Tool of Lexicographical Reflection of Actual and Potential Euphemisms	60

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Andrianova D.V. The Changes in the Lexicographic Principles of Representation of Phraseological Units and Stable Word Combinations in the <i>Dictionary of the Modern Russian Literary Language</i> and in the <i>Large Academic Dictionary of the Russian Language</i>	71
Balanchik N.A., Balanchik N.S., Pushkareva I.A. An Experience of a Lexicographical Representation of the Kuzbass Russian Subdialects in the Early 21st Century	83
Kazakova O.A., Kraevskaya I.O., Frik T.B. A Learner’s Dictionary of Russian for Specific (Technical) Purposes for Students from China: Macro- and Microstructure, Linguodidactic Potential	104
Rezanova Z.I. The Oral Speech Corpus of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: The Marking of Deviations from the Speech Standard	127

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Garbul’ L.P. On the Role of Historical Dictionaries in the Study of Inter-Slavic Language Contacts	141
Kochergina K.S. The Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Examination	154

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Khrolenko A.T. “ <i>It Would Be Great to Compile a Dictionary of Bylina</i> ” (I.A. Ossovetsky About Folklore Lexicography)	174
Information About the Authors in Russian	188

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'28(03)

DOI: 10.17223/22274200/15/1

С.М. Белякова

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ВИД СВЕРХТЕКСТА

Выдвигается гипотеза, в соответствии с которой диалектный словарь, совмещающий в себе признаки толкового и энциклопедического, квалифицируется как сверхтекст особого вида. Он состоит из однотипных текстов (словарных статей), обладает когерентностью, имеющей пространственное и временное измерения. Характеризуясь кросс-персональностью, словарь в то же время отражает обобщенную личность диалектоносителя с ее нравственными установками и жизненными ценностями. Имеет особенности в коммуникативной рамке, является условно закрытым типом сверхтекста.

Ключевые слова: диалектный словарь, сверхтекст, когерентность, кросс-персональность, коммуникативная рамка.

Любой диалектный словарь, вышедший из печати, является результатом огромного труда не только его составителей, но и собирателей языкового материала – студентов, аспирантов, сотрудников факультета. Однако публикация такого словаря, завершая один этап работы, тем самым начинает новый. Этот следующий этап связан с необходимостью оценки и интерпретации лексикографического издания. И если оценка – это прерогатива коллег и других пользователей словаря, то его рассмотрение в качестве источника дальнейших научных изысканий становится очередной задачей для самих авторов.

Мы полагаем, что одним из возможных путей интерпретации материалов словаря является рассмотрение его в качестве своеобразного сверхтекста. Понятие сверхтекста активно используется не только в литературоведении, где оно возникло, но и в лингвистике и культурологии. Литературоведческое изучение и интерпретация данного явления, по свидетельству исследователей, начались с работ В.Н. Топорова, посвященных «петербургскому тексту» русской литературы [1]. Далее это направление развивалось в трудах Л.А. Борботько [2], А.Г. Лошакова [3], О.И. Лыткиной [4] и др. В рамках литературоведческой традиции феномен сверхтекста понимается как «ряд отмечен-

ных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования» [3]. Основными качествами этого феномена В.Н. Топоров считал кросс-жанровость (сочетание разных жанров), кросс-темпоральность (использование различных временных характеристик), кросс-персональность (принадлежность разным авторам) [1].

Однако следует подчеркнуть первостепенную важность тех признаков, которые позволяют рассматривать совокупность текстов как некую общность (презумпция целостности). Среди них литературоведы называют принципы нелинейности, контекстуальности, центрации актуализируемых смыслов [1]. Целостность (когерентность) в лингвистике обычно рассматривается в пределах одного текста, тем не менее вполне возможно говорить о ней и на уровне свертхтекста.

Феномен свертхтекста исследуется в лингвистических работах Н.С. Болотновой [5], Н.А. Купиной и Г.В. Битенской [6], Т.Е. Литвиненко [7] и др.

Н.В. Данилевская с позиций лингвиста определяет свертхтекст как «совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это *целостное* образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов). Свертхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата» [8. С. 632]. Далее она указывает, что свертхтекст является единицей культуры.

В работах лингвистов Н.А. Купиной и Г.В. Битенской дается типология свертхтекстов, осуществляемая по трем признакам: 1) закрытость / открытость, 2) вид коммуникативной рамки, т.е. отражение точки зрения адресата / адресанта, 3) степень структурной определенности (однотипно структурированные / неоднотипно структурированные) [6]. Представляется, что среди этих критериев имеются формальные (первый и третий из перечисленных) и содержательные (второй). Данная типология может быть дополнена характеристикой текстов внутри свертхтекста. Они могут представлять собой собственно тексты или текстоиды (в терминологии Н.А. Купиной и Г.В. Битенской). Кроме того, возможно применение признака степени коге-

рентности таких сверхтекстов, что коррелирует со степенью структурной определенности, но все же, на наш взгляд, составляет особый критерий.

По нашему мнению, с опорой на эти теоретические положения можно квалифицировать толковый диалектный словарь как особый тип сверхтекста. Наверное, многим лингвистам или просто пользователям такого рода словарей знакомо смутное ощущение некой внутренней целостности лексикографического труда, образно выраженное словами С.Я. Маршака: «Нет, не словарь лежит передо мной, а древняя рассыпанная повесть». Несколько иначе, но по сути о том же сказал и известный лексикограф В.В. Морковкин, назвавший словарь «целостной информационной системой» [9. С. 36]. Л.Г. Бабенко, анализируя определенный вид словарей – идеографические, считает возможным характеризовать их как текст. При этом она указывает на то, что в таком словаре проявляются определенные текстовые категории: «...целостность, завершенность, информативность, концептуальность (содержательные категории), связность, членимость, структурность (формальные категории), прагматическая направленность, антропоцентричность (функциональные категории)» [10. С. 340]. Безусловно, разделяя эту точку зрения и совпадая с Л.Г. Бабенко в общем направлении размышлений, мы считаем, однако, что речь может идти не только об идеографических словарях, но и о других типах лексикографических трудов, а для такой их трактовки более подходит термин «сверхтекст».

Что же делает диалектный словарь «повестью», т.е. сверхтекстом? И что может дать языковеду такая интерпретация? В данной статье эти вопросы рассматриваются на материале двухтомного «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» [11], вышедшего из печати в 2014 г. Он представляет собой тип традиционного диалектного словаря, охватывающего значительную территорию и совмещающего в себе признаки толкового и энциклопедического. Как большинство лексиконов такого рода, это словарь дифференциального типа. Период фиксации диалектного материала – вторая половина XX в.

Посмотрим, насколько диалектный словарь (при всей своей специфичности) соответствует выработанным в филологической науке критериям выделения сверхтекстов и как он вписывается в их типологию.

Словарь обладает целостностью (когерентностью) не только в силу того, что является совокупностью элементов (словарных статей),

но и потому, что эти элементы соотнесены между собой и в определенной мере взаимозависимы. Их типовые структуры традиционны, так как выработаны поколениями лексикографов, а также продиктованы особенностями материала, например, категориальной принадлежностью лексем, что всегда оговаривается в предисловии словаря. Состав словника неизбежно демонстрирует как определенную тематическую направленность, так и некоторые этические и эстетические оценки окружающей действительности. Если же говорить о степени когерентности, то, пожалуй, она не столь велика (по сравнению с другими типами сверхтекстов, например, поэтического цикла или сборника научных статей, объединенных общей тематикой). Однако это предположение нуждается в более тщательном изучении.

Соотношение адресанта и адресата имеет в нашем случае свою специфику. Применительно к словарю (любому) можно говорить о двух уровнях авторства. В региональном словаре первый из них – это коллективный диалектоноситель («народ»), создатель минимальных текстов, используемых в качестве иллюстраций. В конечном счете он определяет и состав словника. В совокупности (целостности) микротекстов и словника, безусловно, отражается мировосприятие сельского жителя, носителя традиционной культуры, особенности его материального существования и нравственные константы. Следует подчеркнуть и особую направленность говорящего на собеседника, включение его в орбиту своей жизни, о чем справедливо пишут такие исследователи, как В.Е. Гольдин [12] и Т.А. Демешкина [13]. См., например: «Диалектная речь как форма устной речи имеет диалогическую природу, поэтому велика ориентация на другого человека. Этот “другой” является не только адресатом речи, но и возникает в речи адресанта как участник ситуации, которую воспроизводит в данный момент говорящий, перенося ее в текущий момент речи» [Там же. С. 273].

Второй уровень авторства формирует автор-составитель, также являющийся коллективным субъектом с общей научно-теоретической позицией, отраженной в концепции словаря. Адресат здесь представляет собой достаточно широкую зону: от лингвиста-диалектолога или этнографа до каждого любителя русской словесности, «вступающего в диалог» с лексикографическим трудом.

То, что диалектный словарь является единицей культуры, представляется очевидным и не нуждается в доказательствах. Любопыт-

ной переключкой с первоначальной литературоведческой трактовкой сверхтекста выступает то обстоятельство, что его системообразующим признаком был локальный фактор («топосные сверхтексты»), этот же фактор – основа любого регионального словаря.

Обратимся к типологии сверхтекстов, предложенной Н.А. Купиной и Г.В. Битенской и, как было сказано выше, несколько уточненной нами. В соответствии с нею, диалектный словарь можно назвать условно закрытым сверхтекстом. В его основе лежит алфавитный порядок размещения словарных статей, следовательно, он имеет маркированный конец, характеризуясь завершенностью. В то же время в словарь может быть введен новый диалектный материал, так как по отношению к живому языку (а тем более диалекту) мы никогда не можем сказать, что взяли «всё». В техническом смысле такое дополнение вполне осуществимо при переиздании словаря, а также в том случае, если лексикографический труд представлен в электронном виде, что в настоящее время не является чем-то исключительным.

Вопрос о коммуникативной рамке такого словаря частично уже освещен нами выше. Добавим здесь, что, с одной стороны, это неавторский сверхтекст, соотносящийся в то же время с «обобщенно-анонимным образом автора» – создателя минимальных текстов, а, с другой стороны, он имеет конкретный авторский коллектив, который «сконструировал» данный словарь. Адресат такого словаря весьма широк, но нельзя сказать, что он является «максимально обобщенным».

С точки зрения «степени структурной определенности» тексты данного сверхтекста, понимаемые как словарные статьи, безусловно, однотипно структурированы. Можно охарактеризовать их как «текстоиды», поскольку они вряд ли могут существовать автономно (разве что использоваться в учебных целях).

В свое время нами была предложена методика тематического объединения контекстов разных словарных статей с целью создания «квазитекстов» [14] и их дальнейшего исследования, в частности, выявления модальной общности.

Приведем пример подобного «квазитекста» с тематикой сбора кедровых шишек.

Он хорошей был шишешник, много сбивал шишок-то, быстро лазил с одной кедров на другую.

Шишкар хорошо место знат, знат жо, на каку лизёт кедров.

А как зацнёт народ шишкарить, шишковать-то, дак толькё лес гудит.

А шишкарили, били шишку-ту в одно как есь времё.

Кедрач-от берегчи надо и раньше время не шишкарничать, не шишкарить, вырашывавать кедру-ту.

Ране шибко запрешшалосся не в срок чигать шишки, нехто не покастили.

Не надо покастить шишки раньше время. Бейте шишки в срок, а то раньше время ронжа растаскат.

Да теперь не шибко соблюдают, чечяс не шибко ждут шишкособя, до сроку всё росташишат.

Данный «квазитекст» имеет свою тему, разворачивается в определенный сюжет, отражает модальность запрета / разрешения, указывает на регламентацию поведения человека в зависимости от природных условий (*в одно время, раньше время, до сроку*), а также на изменение поведения людей в настоящее время по сравнению с традиционным укладом (оппозиция *ране – теперь, чечяс*). Таким образом, можно говорить о реализации «принципа смысловой центрации – выдвижения в качестве приоритетных тех или иных смысловых установок, цельностей, которые определяют специфику “внутренней жизни” свертхтекста» [3].

Тщательное изучение диалектного словаря, в особенности при интерпретации его в качестве свертхтекста, позволяет прийти к выводам о мировоззренческих категориях обобщенного носителя изучаемого диалекта. Среди них пассаизм, неагентивность, особенности отражения личного пространства, коммуникативная «тактика скромности», отражающая, по нашему мнению, стремление не искушать судьбу, не выделяться из своей социальной среды, стереотипность поведения, точность и детализированность описания объекта в ситуации речевого общения.

Так, пассаизм проявляется в наличии значительного числа лексем, репрезентирующих прошедшее время, их частотности в текстах (и микротекстах), многообразии семантических оттенков, о чем нам приходилось писать ранее [15]. Это легко объяснимо, так как значение прошлого особенно велико для традиционного общества по причине повторяемости основных этапов существования личности и коллектива. Представления о прошлом находят отражение в иррациональной модальности высказываний. Такая модальность соотносится

с использованием темпоральных сдвигов и алогизмов (*искать вчерашний день; нужен, как исподки в Петровки*), наименований демонических существ и фольклорных персонажей (*когда черти ещё в кулачки не били; при царе Горохе / Косаре / Копыле*).

Неагентивность может отражаться в диалектном дискурсе посредством использования слов, относящихся к категории состояния (*великотно, ведро, вчисте, гаведно, глухо* «душно», *гнусно* «о большом количестве комаров, оводов», *дивья, морошно* и др.). См., например, следующие контексты: *Ихны дети в школу ходят, так всегда вчисте, воротнички белые, ботиночки начищены. // Как она лежит здесь, шибко глухо у вас, нет ли чё ли форточки-то? // Дивья тебе, дети-то часто приежсают да помогают. // Дивья чичяс жить-то, хорошо. // Второй день морошно, а дожжа нету, така темнота шитса-та.*

Более широкое «личное пространство» диалектоносителя, или «личная сфера говорящего» (Ю.Д. Апресян), находит отражение в такой черте народного речевого этикета, как употребление преимущественно местоимения *ты* и обращение к человеку только по имени (или только по отчеству – к старшим собеседникам). Чрезвычайно интересен пример народной мотивации такого обращения, зафиксированный студенткой Ю. Мусиной в 2007 г. в речи носителя диалекта из с. Маслянское Сладковского района Тюменской области: «*Исус Христос сказал: “Меня не называют на вы, и никого не называют на вы, это неправильно”*».

Коммуникативная «тактика скромности», выражающаяся в частом использовании диминутивов, о которой пишет Р.Н. Порядина [16], может, на наш взгляд, быть интерпретирована как проявление более общей тенденции – стремления диалектоносителя не выделяться из своего окружения, а также интуитивного ощущения опасности, исходящей от непредсказуемой внешней силы – судьбы, которую не следует искушать.

Важное значение имеет и регламентация жизни человека в сельском социуме, в том числе и при помощи понятия «Срок», отражающего природные и социальные условия. В словаре это воплощено в лексических и фразеологических единицах, оценивающих совпадение / несовпадение со сроком, отклонение от него в ту или иную сторону: *впору, раным-рано, ворано, до время, до сроку, раньше время, поздно, вопоздо, после время, к шапошному разбору (прийти), разнопорый, выпороть* и др.

Точность и детализированность описания объекта проявляется в многочисленных лексемах (прилагательных и наречиях) со значением неполноты проявления признака или, напротив, высшей степени его проявления. Первое значение выражается при помощи префикса во-: *вокоротковатой, водлинной, вослабкой, вотугой, вобело, вобусо, вобольшо, вогоряче, вогрубо* и т.п. См., например, следующие контексты: *Юбка-та вокоротковата, куды в ей пойдёшь? // Вослабкой стал ботинок-от, росхлябалса. // Занавески-те на окнах у те вобело, народ-от осудят. // Котят вобусо не люблю. // Чё-ненабудь ответит мне-ка вогрубо, а я упеть ночь не сплю.* Значение высшей степени проявления признака передается при помощи суффиксов -ащ-/-ящ-, -еющ-/-ающ-: *богатыщий, богатеющий, кислящей, кисляющей, крупняющей, страшняющей: Богатеющий человек был Медведев. // До чё кислящей стал квас-от, душу воротит. // Лук-от у те крупняющей вырос.*

Таким образом, представленный анализ диалектного лексикографического труда – «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» – позволяет прийти к следующим выводам. Данный словарь, как и подобные ему, может быть квалифицирован как особый сверхтекст. Он состоит из однотипных текстов (словарных статей), обладает когерентностью (целостностью), имеющей пространственное и временное измерения. Характеризуясь кросс-персональностью, словарь в то же время отражает обобщенную личностность диалектоносителя с ее нравственными установками и жизненными ценностями. В таких текстах проявляется как тематическая, так и модальная общность, позволяющая объединять их в «квазитексты» с целью более точного описания их модальности. При этом степень когерентности представляется не столь высокой, как у других типов сверхтекстов.

Есть и другая специфика такого вида сверхтекста. Это особенности коммуникативной рамки, т.е. отражения позиций коллективных адресанта и адресата, двойственная природа первого из них. При этом и составители словаря, и адресат, безусловно, воспринимают его как нечто целостное. Это условно закрытый сверхтекст со значительной степенью структурной определенности, несмотря на то, что его составляющими выступают не тексты, а текстоиды. Однако их системные качества позволяют видеть в них модель целого – сверхтекста словаря. И формальные, и содержательные критерии дают основание

для отнесения словаря к классу сверхтекстов, хотя при этом очевидна его специфика.

Дальнейшее рассмотрение диалектного словаря в этом ракурсе предполагает его идеографическую интерпретацию, а также исследование соотношения его составляющих: текстоиды – «квазитексты» – сверхтекст и их роли в отражении актуализированной реальности.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство, 2003. 616 с.
2. *Борботько Л.А.* О разграничении понятий «метатекст», «паратекст», «интертекст» и «сверхтекст» (на материале современных пьес) // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». 2011. № 2. С. 19–23.
3. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров : МПГУ, 2008. 48 с. URL: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-20133> (дата обращения: 28.03.2018).
4. *Лыткина О.И.* Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 607–610.
5. *Болотнова Н.С.* Основы теории текста : пособие для учителей и студентов-филологов педагогического университета. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. 98 с.
6. *Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
7. *Литвиненко Т.Е.* Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории языка. Иркутск : ИГЛУ, 2008. 308 с.
8. *Данилевская Н.В.* Сверхтекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 632.
9. *Морковкин В.В.* Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
10. *Бабенко Л.Г.* Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М. : Изд-во МГУ, 2010. С. 340–341.
11. *Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С.М. Беляковой.* Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014.
12. *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
13. *Демешкина Т.А.* Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку : сб. ст. / под ред. Е. Malenova, O. Ushakova. XI. Brno, 2014. С. 268–277.

14. Белякова С.М. Диалектоноситель и современная языковая ситуация // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 2002. С. 34–39.

15. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 264 с.

16. Порядина Р.Н. Пространственные модели в языке (на материале диалектного модификационного словообразования) // Филологические исследования. Томск, 2000. С. 138–142.

The Dialect Dictionary as a Kind of Supertext

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 5–16.

DOI: 10.17223/22274200/15/1

Svetlana M. Belyakova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: smbelyakova@gmail.com

Keywords: dialect dictionary, supertext, coherence, cross-personality, communicative frame.

This article presents a hypothesis according to which the dialect dictionary, which combines the attributes of explanatory and encyclopedic dictionaries, is qualified as a supertext of a special type. The problem is examined on the basis of the following lexicographic source: *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast: in 2 vols] [11]. The analysis of the dictionary integrity is based on the concept of “supertext”, existing in the Russian science in its literary and linguistic interpretation.

The presented analysis of the dialect lexicographic work has allowed to come to the following conclusions. This dictionary, as well as ones similar to it, can be qualified as a special supertext. It consists of the same-type texts (dictionary entries), it has a coherence (integrity) with a spatial and temporal dimension. The dictionary reflects the generalized personality of the dialect speaker with his/her moral attitudes and life values and at the same time it has a cross-personality.

The interpretation of the dialect vocabulary as a supertext gives the opportunity to come to a conclusion about the worldview categories of the generalized speaker of the studied dialect. Some of the categories are passeism, non-agentivity, special aspects of personal space reflection, the communicative “modesty tactics” which reflects naive fatalism and a tendency not to blend in, stereotyped behavior, accuracy and detailed description of the object in the case of verbal communication.

In such texts, both thematic and modal commonness is manifested, allowing to combine them into “quasi-texts” in order to describe their modality more accurately. In this case, the degree of the coherence is not as high as that of other types of supertexts.

Another specificity of this kind of supertext is the communicative framework peculiarity, i.e. reflecting the positions of the collective addresser and addressee, the dual nature of the former. Under these circumstances, the compilers of the dictionary and the addressee definitely perceive the text as something integral. This is a conditionally closed supertext with a significant degree of structural certainty, in spite of the fact that

its components are not texts, but textoids. However, their systemic qualities allow to see the model of a whole in them – the dictionary supertext. Both formal and substantive criteria provide a basis for classifying the dictionary as a class of supertexts taking into account its specifics. Further consideration of the dialect dictionary as a supertext implies its ideographic interpretation.

References

1. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected Works]. St. Petersburg: Iskustvo.
2. Borbot'ko, L.A. (2011) On differentiating the terms metatext, paratext, intertext and hypertext (based on contemporary drama). *Vestnik MGOU. Ser. "Lingvistika" – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 2. pp. 19–23. (In Russian).
3. Loshakov, A.G. (2008) *Sverkhtekst: problema tselostnosti, printsipy modelirovaniya* [Supertext: the problem of integrity, the principles of modeling]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kirov. [Online] Available from: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-20133>. (Accessed: 28.03.2018).
4. Lytkina, O.I. (2010) The typology of topos supertexts in the Russian language picture of the word. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 607–610. (In Russian).
5. Bolotnova, N.S. (1999) *Osnovy teorii teksta* [Fundamentals of the theory of the text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
6. Kupina, N.A. & Bitenskaya, G.V. (1994) *Sverkhtekst i ego raznovidnosti* [Supertext and its varieties]. In: Bitenskaya, G.V. et al. *Chelovek – Tekst – Kul'tura* [Man – Text – Culture]. Yekaterinburg: AO "Poligrafist".
7. Litvinenko, T.E. (2008) *Intertekst v aspektakh lingvistiki i obshchey teorii yazyka* [Intertext in aspects of linguistics and the general theory of language]. Irkutsk: ISLU.
8. Danilevskaya, N.V. (2003) *Sverkhtekst* [Supertext]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
9. Morkovkin, V.V. (1987) *Ob ob'eme i sodержanii ponyatiya "teoreticheskaya leksikografiya"* [On the scope and content of the concept of "theoretical lexicography"]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 33–42.
10. Babenko, L.G. (2010) [Dictionary as text (on the material of ideographic dictionaries of the Russian language)]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. Proceedings of the IV International Congress of Researchers of the Russian Language. Moscow: Moscow State University. pp. 340–341. (In Russian).
11. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast: in 2 vols]. Tyumen: Tyumen State University.
12. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.

13. Demeshkina, T.A. (2014) Vektory razvitiya sovremennoy russkoy dialektologii [Vectors of the development of modern Russian dialectology]. In: Malenov, E. & Ushakov, O (eds) *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of teaching Russian]. Is. XI. Brno: Masarykova univerzita. pp. 268–277.

14. Belyakova, S.M. (2002) Dialektonositel' i sovremennaya yazykovaya situatsiya [Dialect speaker and the modern linguistic situation]. In: Sirotkina, T.A. (ed.) *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic regional studies]. Perm: Perm State Pedagogical University.

15. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [The image of time in the dialect picture of the world (on the material of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast)]. Tyumen: Tyumen State University.

16. Poryadina, R.N. (2000) Prostranstvennye modeli v yazyke (na materiale dialektного модификационного словообразования) [Spatial models in the language (on the basis of dialectal modifying word-formation)]. In: Blinova, O.I et al. (eds) *Filologicheskie issledovaniya* [Philological studies]. Tomsk: [s.n.].

УДК 81'373+81'384

DOI: 10.17223/22274200/15/2

Е.Ю. Булыгина, И. Гарбуйо, Т.А. Трипольская

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Исследуется метафорическая интерпретация процесса говорения и способы лексикографирования метафоры в русских и итальянских словарях. Выявляются основные тенденции в развитии национально-специфических метафорических сюжетов. В разных языках в процессах метафоризации востребуются различные признаки одного и того же предмета, поэтому экспликация оснований переноса наименования актуальна для семасиологов и лексикографов. Изучаются глаголы говорения, образованные от наименований звуков, издаваемых животными (rigolare – пищать, miagolare – мяукать).

Ключевые слова: сопоставительная лексикология, лексикография, метафора, национально-культурный компонент, глаголы речевого поведения.

В статье исследуются метафорическая интерпретация речевого поведения и способы отображения метафорического потенциала языка, а также механизмы регулярной многозначности, представленные в разных лексикографических традициях.

Применительно к метафорическому значению проблема лексикографирования максимально полной информации о языковом знаке включает необходимость / возможность экспликации механизма метафоризации, представляющего особенности метафорического (логического и мифологического) освоения мира разными народами. В частности, это касается отражения в словаре оснований для переноса наименования, осмысления релевантных для говорящих признаков, которые увязывают в картине мира социума объекты, относящиеся к разным тематическим областям. Известно, что в разных языках в процессах метафоризации могут быть востребованы различные признаки одного и того же предмета, поэтому экспликация оснований метафорического переноса актуальна для исследователей и пользователей языка.

Метафора входит в зону прагматически маркированной лексики, при сопоставительном исследовании которой выявляется национально-культурный компонент в его связях и взаимодействии с другими

компонентами прагматической семантики: эмоционально-оценочным, гендерным, возрастным, социальным (статусным) и др. Актуальными для теоретической и практической лексикографии являются вопросы семантизации этой коммуникативно значимой информации.

Обсуждая вопросы о необходимой и достаточной информации о метафорическом значении в толковых словарях, обратимся к опыту разных лексикографических традиций. В настоящей статье рассматриваются метафорические глаголы говорения, которые образованы от наименований звуков, издаваемых животными (*щебетать, мычать, ворковать; pigolare – пицать, abbaiare – лаять, miagolare – мяукать*) в русском и итальянском языках.

В силу своей значимости лексика, репрезентирующая звучание вообще и говорение в частности, неоднократно выступала объектом изучения в отечественной лингвистике: большинство работ посвящено анализу ядерной части лексико-семантического поля «Звучание». Исследование лексем с семантикой звучания в русском языке проводилось в следующих аспектах: словообразовательном (А.Н. Тихонов и др.), лексико-грамматическом (М.А. Шелякин, А.Н. Тихонов и др.), фоносемантическом (С.В. Воронин, И.Г. Рузин, С.С. Шляхова и др.), лексико-семантическом (Н.А. Мишанкина, Н.А. Сколотова, Е.Л. Голубева, Г.В. Степанова, Л.М. Васильев, Т.Д. Сергеева и др.).

В современной итальянской лингвистике представлены в основном обзорные работы по теории метафоры [1], междисциплинарные [2] и специальные исследования метафоры как элемента художественного текста [3], как составляющей семантической системы языка и картины мира [4–7]. Специальных исследований по метафорам речевого поведения не предпринималось. Настоящая работа восполняет эту лауну.

Когнитивная исследовательская парадигма дает возможность по-новому взглянуть на звучание как на способ восприятия мира и, следовательно, как на одну из возможных его моделей, воплощенных в языке. В центре внимания когнитивной лингвистики оказывается человеческое мышление в его соотношении с языком (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Д. Герартс, А. Ортони, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Вежбицкая, Р.М. Фрумкина, Е.М. Кубрякова, Е.В. Рахилина, В.З. Демьянков и др.). В этой исследовательской парадигме метафора понимается как некий познавательный процесс и способ осмысления мира [8]: причиной возникновения метафоры является сопоставление семантических концептов, в значительной сте-

пени несопоставимых человеческим разумом, путем определенных ментальных операций. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна репрезентировать сходство предметов, а с другой стороны, несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл. Она основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на логическом сходстве. «Область-источник» и «область-цель» не связаны по своему существу [9. С. 387–415]. Добавим, что это сходство часто приписываемое, а не реально выявленное.

Описание метафоры как существенного элемента языковой картины мира целесообразно осуществлять в сопоставительном аспекте, который позволяет выявить как национально-культурный феномен то, что в пространстве одного языка представляется не специфическим и не привлекающим внимание исследователя.

Контрастивный анализ, опирающийся на результаты предварительного системно-структурного описания, предполагает исследование семантики и функционирования не отдельных лексем, а целостных фрагментов лексической системы. Последнее позволяет вывить лексические и семантические лакуны, полное / частичное совпадение или несовпадение семантического объема языковой единицы, степень языковой детализации в интерпретации внеязыковой ситуации, а также значимость элементов лексической парадигмы. Е.В. Рахилина, анализируя задачи, методы и результаты современных типологических исследований в области лексики, пишет: «Для каждого семантического поля составлялись списки слов, покрывающих это поле в данном языке, и сопоставлялись контексты их употребления. Последующий семантический анализ позволяет получить информацию о значениях, когнитивно важных для носителей естественного языка <...>» [9. С. 10].

В данной статье описание системы метафорических значений было осуществлено на основе материала, извлеченного из:

– русских и итальянских лексикографических источников¹;

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4 (ТСУ–1935); Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984 (МАС); Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с. (ТСОШ–1999); Активный словарь русского

– материалов языковых корпусов¹.

Лексикографическая фиксация метафорических значений в указанных словарях является неполной и непоследовательной.

В разных источниках по-разному представлены метафорические глаголы речевого поведения. В таких словах, как *бrehать*, *ворковать*, *каркать*, *крякать*, *кудахтать*, *лаять*, *мурлыкать*, *мычать*, *огрызаться*, *пищать*, *реветь*, *ржать*, *рычать*, *рывать*, *скулить*, *стрекотать*, *урчать*, *щебетать*, *трещать*, *гоготать*, *шипеть*, *фыркать*, *галдеть*, метафорическое значение, характеризующее человеческую речь, представлено в русских словарях. Ср.:

Квакать 1. Издавать звуки, похожие на «ква-ква» (о лягушке) // Издавать звуки, напоминающие кваканье лягушки. 2. Перен. Разг.-сниж. Говорить пустое, ненужное (ТСЕ); **квохтать** = **клохтать**. Обл. 1. О курах и других птичьих самках: **издавать короткие и громкие звуки** <...>. 2. Перен. О человеке: жаловаться, ворчать, охать (фам.) (ТСУ); **бrehать**. Прост. 1. Лаять. 2. Перен. Лгать, клеветать. *Что ты на меня бrehешь? Неправда, бrehут они* (ТСУ).

В ряде случаев словари фиксируют лишь представление о человеке, напевающем или выражающем эмоциональное состояние, издающем звуки, сходные со звуками животных, но пока еще не речевую характеристику:

Мурлыкать. Разг. 1. О кошках: тихо урчать. 2. Перен. (обычно в сочетании со словами: «себе под нос»). **Тихо, еле слышно напевать** (разг. шутил.). *Мишка всю дорогу мурлыкал песни*. Шлхв. (ТСУ); **крякать** 1. Издавать кряканье (об утке). 2. **Издавать отрывистые горловые звуки (в знак выражения какого-н. чувства; разг. фам.)**. *Пьет водку и крякает от удовольствия* (ТСУ).

языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1, 2. (АСРЯ); Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ; Астрель, 2006; Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М. : АСТ; Астрель, 2002. Т. 1. (РАС); Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М. : ЭКСМО, 2009; Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano. Rizzoli Larousse. 2006 (DISC), Grande dizionario italiano dell'uso / ideato e diretto da Tullio De Mauro. Torino : UTET, ©1999–2000 (GRADIT); Словарь TRECCANI (<http://www.treccani.it/vocabolario/>).

¹ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.06.2018) и газетного корпуса итальянского языка Repubblica.it. URL: ricerca.repubblica.it/ (дата обращения: 17.06.2018).

Словари достаточно последовательно отражают связь производящих и производных метафорических значений следующим образом: а) через оттенок значения (**квакать** 1. <...> // Издавать звуки, напоминающие кваканье лягушки), б) через «промежуточное» самостоятельное значение (**мурлыкать** <...> 2. Издавать отрывистые горловые звуки (в знак выражения какого-н. чувства; разг. фам.), в) путем введения в дефиницию прямого значения описания звуков, издаваемых животными (**квакать** 1. Издавать звуки, похожие на «ква-ква» (о лягушке)).

В ряде случаев наблюдается избыточная актуализация мотивирующего признака. Однако речь идет об акустическом сходстве звуков или об их дифференциальных признаках, тогда как оценочный вектор, формирующий метафорическое значение, никак не отражается в словарной дефиниции.

Речевая практика свидетельствует о дальнейшем развитии семантической структуры слова и появлении переносного значения, описывающего речевое поведение человека и отражающего процесс развития регулярной многозначности под влиянием системных отношений внутри лексической парадигмы.

Ср.: *Наверное, товарищ Панкевич думает, что мы зря избавились от профессора, — продолжала мурлыкать Марина, — наверное, он по нему скучает...* (К. Шаинян. Бог из машины (2014)); *Я могу сказать вам это только совсем на ухо, — продолжала мурлыкать Катя Ивановна* (М. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924)); *Тогда бы не каждый решился мурлыкать вам в ухо во время пения какой-нибудь знаменитой певицы, хлопать или шикать в театре, наперекор общему мнению, наступать на ноги без извинения, говорить на ваш счет дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно распространять клевету намеками* (Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849)).

Таким образом, по данным НКРЯ, глагол **мурлыкать** реализует следующие метафорические смыслы: *говорить нежным, грудным голосом, пытаться убедить собеседника в чем-либо или соблазнить его* (чаще о женщине); *говорить, будучи умиротворенным и довольным* (о женщине и о мужчине).

Однако наличие метафорической семантики у глаголов, которые обозначают звуки, издаваемые животными, русские толковые словари отражают непоследовательно. У лексем *кукарекать*, *мяукать*, *свистеть* и др. образные производные значения не фиксирует ни один из

словарей; а в словах *блеать, выть, гавкать, жужжать, заливаться, квохтать, клохтать, курлыкать, зудеть, гудеть, рыкать, тявкать, хрюкать, чирикать* и *цокотать* метафорическое значение представлено эпизодически.

Итальянские словари, в отличие от русских, достаточно последовательно регистрируют переносные значения у глаголов, которые обозначают звуки, издаваемые животными: *belare* (*блеать*), *mugolare* (*выть, пищать, скулить*), *guaire* (*скулить*), *miagolare* (*мяукать*), *muggiare* (*мычать*), *rigolare* (*пищать*) «говорить жалостливо, плакать, хныкать, всхлипывать»; *abbaiare* (*лаять, гавкать, брехать*), *ruggire* (*рычать*), *ringhiare* (*рыкать*) «говорить со злостью, в порыве гнева» и др. Лишь небольшая часть метафорических значений словарями не зафиксирована, например: *uggiolare* (*выть, скулить*) в значении «говорить жалостливо, сопровождать речь всхлипами, плачем» и *nitrire* (*ржать*) в значении «говорить резко, пронзительно, неприятно».

В этих лексических фрагментах нет количественного соответствия в силу того, что звуковая картина мира по-разному детализирована в двух языках: *чирикать* и *щебетать* в русском соответствуют *garrire* в итальянском, а *брехать, лаять, гавкать* и *тявкать* соответствуют словам *abbaiare* / *latrare* и др.; метафорические значения же *гоготать* и *галдеть* не являются синонимами, однако в итальянском языке они соотносятся с одним глаголом *schiamazzare* на основе общих сем громкости, резкости звука и часто неуместности речи; в ряде случаев в итальянском языке два (реже три) слова обозначают понятие, выраженное в русском языке одним словом. Например, *ragliare* и *bramire* соответствуют русскому *реветь, gracchiare* и *crocidare* – *каркать*.

О качественном соотношении исследуемых лексем речь пойдет дальше.

Если говорить о метафорообразующих признаках, то они вполне соотносимы в русском и итальянском языках: темп; понятность, разборчивость речи; достоверность / недостоверность речи; характер эмоциональной окраски речи; информативность / бессмысленность высказывания; многократное повторение одного и того же; уместность / неуместность высказывания; интенциональная характеристика высказывания – и не противоречат коммуникативным максимам Н.Р. Grice [10].

Глагольные метафоры речи имеют двойную семантическую мотивацию: метафорическое представление процесса говорения определя-

ется как минимум двумя факторами: 1) как мы слышим «животный мир», а слышат русские с итальянцами (и не только итальянцами) его по-разному (большинство звуков, издаваемых животными, воспринимаются носителями исследуемых языков неодинаково). Исключение составляют только «мяу» (miao) и «бе-е» (be-e); 2) существенную роль в становлении глагольной метафоры речи играет система зооморфных характеристик человека, которые являются многомерными, комплексными смысловыми единицами: в рамках одной национальной звуковой картины мира существуют варианты звукообразов и поведенческих образов, связанных с одним и тем же животным, что способствует образованию нескольких метафор, несущих в себе разные речевые характеристики – мы имеем дело с семным и семантическим варьированием лексемы.

Покажем это на примере глаголов *блеять* и *belare*:

блеять – издавать блеяние; **Блеяние** – крик овец и коз (МАС). Сходное толкование представлено в ТСУ. Только в Словаре Т.Ф. Ефремовой дается второе значение, однако признаки речевой метафоры не раскрываются: Блеять 2. Разг. **Издавать звуки, напоминающие блеяние.**

Видим, что собственно речевой характеристики не представлено: не указывается, какова речь и каков говорящий.

В «Активном словаре русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна фиксируется факт образного употребления, но без указания особенностей «блеющей» речи: Блеять – **Издавать голосом протяжные слегка дрожащие звуки** (об овцах и козах). Образные употребления применительно к речи человека: *Вот возьмут вам за глотку наши чекисты, заверещите тогда, будете блеять, что мы, мол, ничего не говорили* (И. Шкловский).

Аналоги: лаять, мекать, мычать, мяукать, ржать, хрюкать.

Дериваты: заблеять, проблеять, блеяние, бе-е-е, ме-е-е (АСРЯ).

Метафорические характеристики глагола складываются из звуковых особенностей и представлений человека о животном, издающем протяжные, слегка дрожащие звуки.

Толковые словари практически не фиксируют метафорический потенциал зоонима *овца*: в ТСУ дается устойчивое выражение *заблудшая овца*. От библейского образа овцы, отбившейся от стада (ритор.) О беспутном, сбившемся с правильного пути человеке. Ср.: в Иллюстрированном толковом словаре современного русского языка

В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной: **Овца** // уменьш. ласк. Овечка *прикинуться невинной овечкой*. В РАС же вполне очевидно выделяется две группы ассоциаций: 1) **глупая** (балда, дура, тупая дурак, глупый человек, глупость, дебил, тупица, тупой, тупость) и 2) **беззащитная** (безобидная, безответная, забитость, послушная, безгласная, бедная).

Кроме того, овца ассоциируется с трусостью (трусливая, трусость, страх), является бранным словом (обзывательство, овца паршивая) и соотносится с девушкой, женщиной (девица) (РАС, 2002, 1 том)¹.

Указанные ассоциации способствуют развитию следующих характеристик лица женского пола, демонстрируя динамические процессы в метафорической системе разных форм русского национального языка: «Овца. 2. Разг., пренебр. О робком, безответном человеке»². «Овца. 1. Мол. пренебр. Девушка, женщина. *Передай этой овце привет от меня* (СМЖ, с. 50 + Елистратов, с. 292; Югановы, с. 152). 2. Угол.; мел. Пренебр. или ирон. Свидетельница (ТСУЖ, с. 120; Балдаев), 1, с. 288). 3. Угол. пренебр. Жертва преступления (Балдаев, 1, с. 288)»³.

Корпусный анализ зооморфизма *овца* позволяет подтвердить, что обозначенный жаргонными словарями вектор метафоробразования характерен и для русского литературного языка: семантика «робкий, безответный, жертва, напуганный» и т.д. регулярно реализуется в коммуникативной практике. Учитывая названные характеристики зооморфизма, попытаемся выявить семантико-прагматический потенциал глагола речи *блеять*, лексикографически не до конца осмысленного. Проиллюстрируем развитие семантической структуры полисеманта, включающего самостоятельные метафорические значения и / или его оттенки.

• **Говорить / смеяться голосом, похожим на блеяние (блеяние – прерывистый, жалобный звук)**

Будяев начинал *блеять*, как умирающий от изнеможения баран (А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый мир. 2001); *Я уже давно смеялся каким-то дрожащим козлиным смехом – я представлял себе дуэль без штанов, а в горле у меня закипали слезы. Оказывается, над Гамлетом (над Гамлетом!) можно было смеяться. Я перестал блеять и посмотрел на него* (М. Анчаров. Сода-солнце (1970–1980)).

¹ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М. : АСТ; Астрель, 2002. Т. 1 (РАС).

² Первый толковый БЭС. М. ; СПб. : РИПОЛ-НОРИНТ, 2006.

³ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : НОРИНТ, 2001.

• **Говорить неразборчиво, невнятно, смущенно, неуверенно, со страхом, виноватым, извиняющимся голосом**

И это значит, я говорю плохо, и от смущения начинаю еще хуже блять и мычать (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // Звезда. 2001); *Перестав блять, она испуганно глазела на людей* (Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968–1997)); *Аристо начал, было, что-то блять, но Энцо оборвал его* (Г.Ф. Грин. Кетополис Киты и броненосцы (2001)); *Просто помогал людям. – Короче, хватит блять, благодетель хренов! – Шальной подвинул к Тарасюку бумагу и карандаши* (А. Ростовский. Русский синдикат (2000)).

• **Говорить излишне мягко, интеллигентно, без полемического напора**

А если мы будем млет и блять – читать будут только «Завтра» (А. Минкин. Я никого не пачкаю. Люди пачкаются сами. Я просто включаю свет (1995) // Общая газета, 1995.07.26).

• **Говорить раболопно, подобострастно**

У Макса Штирнера есть один циничный, но меткий афоризм: – Предоставьте овцам свободу слова: все равно, они будут только блять. Слишком долго наша интеллигенция исповедовала и проповедовала «оппозицию, как мировоззрение», чтобы не пришла Немезида. Видно, слишком уж односторонне и однообразно пользовалась она своей относительной свободой, раз история подикутила над ней такую неслыханно злую шутку. «Довольно-де блять о высшей политике» (Н.В. Устрялов. Россия (У окна вагона) (1926)).

По данным НКРЯ, доминирующим является значение «говорить неуверенно, тихо, неразборчиво, невнятно, испытывая смущение или страх, униженно оправдываться». Рассматриваемая метафора представляет собой сложный семантический комплекс, актуализируя, кроме речевой характеристики, значение поведения и моральных качеств человека (своего рода совмещенный предикат): «безропотность, беззащитность, безответность, забитость». Все эти смыслы сочетаются с разной степенью негативной оценки.

Отметим, что зооморфизмы *коза, козел* в формировании речевой метафоры практически не участвуют, употребляясь как ругательства. Исключение составляет выражение *козлиный смех* – блеющий, дребезжащий звук.

В итальянском языке глагол **belare** (блять), также опирающийся на междометие бе-е и на соответствующий зоообраз, вступает в си-

нонимические отношения с глаголами *guaire* (скулить – о человеке – жалобно плакать, жаловаться) и *miagolare* (мяукать – хныкать, жаловаться) и реализует следующее метафорическое значение: «говорить жалобно, плакать, хныкать, всхлипывать», что, как видим, семантически не совпадает (особенно в оценочной составляющей) с речевым глаголом в русском языке: *блеять* – «говорить неуверенно, тихо, неразборчиво, вызывая раздражение или жалость».

Ср.: **belare**

[**be-là-re**] **v.intr.** (aus. *avere*; *bèlo* ecc.) [**sogg-v**] **1.** Emettere belati: *le pecore belano* (Издавать блеяние: овцы блеют). **2.** fig. Esprimersi con voce lamentosa; cantare in maniera sdolcinata: *il coro belava pietosamente* (Перен. Говорить что-л. жалобным голосом; петь приторным голосом); Belato (блеяние) [**be-là-to**] **s.m.** (DISC)

Чтобы понять логику развития метафоры речи, обратимся к итальянскому зооморфизму *pecora*. Ср.:

Pecora (овца)[**pè-co-ra**] **s.f.**

1. (**m. ariete o montone**) Mammifero ruminante di media grandezza, diffuso in tutti i paesi del mondo e allevato per il latte, la carne e la lana; nella lingua comune, si intende l'individuo adulto di sesso femminile: *un gregge di p.*; *tosare le p.* || fig. **p. nera**, persona che all'interno di un gruppo si distingue dagli altri per caratteristiche negative ((овен или баран) Жвачное млекопитающее средней величины, распространенное во всех странах мира, выращиваемое для получения молока, мяса и шерсти; в разговорном языке употребляется для обращения к взрослому субъекту женского пола: стадо овец, стричь овец || перен. Черная овца, человек, который внутри группы отличается от других негативными характеристиками) (DISC).

2. fig. Persona sciocca, stupida, oppure paurosa, codarda: *comportarsi da p.*; persona sotto messa e servile: *fare la p. con i potenti* (Глупый, беспомощный человек или боязливый, трусливый: вести себя как овца; покорный и по-рабски угодливый человек: вести себя как овца с сильными мира сего (с теми, кто имеет власть)) (DISC).

3. (**spec. pl.**) Nel l. religioso, fedeli, più freq. in forma dim. (*pecorelle*) (В религии христиане чаще используют в уменьшительно-ласкательной форме (овечка) (DISC).

Как видим, полисемная метафора явно тяготеет к образованию самостоятельных переносных значений.

Как мы видим, в итальянской картине мира овца тоже воспринимается как **глупое, покорное, беспомощное животное**. Последние смыслы являются донорами для выводных сем «угодливость» и «трусость». Ср.: в итальянском языке есть поговорка *fare la pecora* (вести себя как овца), которая обозначает *seguire ordini senza fare domande* (выполнять приказы, не задавая вопросов), а также существительное *pecorone*, которым итальянцы часто называют робкого, безынициативного человека, конформиста: *una banda di pecoroni* (стадо баранов, о людях). Все эти смыслы сопровождаются негативной оценочной семантикой разной степени категоричности.

Акустические характеристики звуков, издаваемых животными, а также зоообраз в сознании говорящих порождают следующие метафорические смыслы глагола *belare*, которые отражают толковые словари:

• **Издавать долгий, протяжный плач; пение, приторная и жалобная декламация**

1. Verso tipico delle pecore e delle capre (*типичный звук, издаваемый овцой или козой*); 2. fig. Lamento, piagnisteo; canto, recitazione sdolcinati e lamentosi (Перен. Вопль, долгий, протяжный плач; пение, приторная и жалобная декламация) (DISC).

Отметим, что в фигуральном значении лексикографы объединили речевые (приторная и жалобная декламация) и неречевые (пение, плач) характеристики, обусловленные сходством с блеющими звуками.

В итальянских контекстах достаточно часто встречается значение, редкое в русском языке: «плакать, оплакивать кого-то или что-то». Например: ...*Malù, che bela il suo rimpianto per le campagne perdute...* (...*Малу бляла, оплакивая потерянные деревни...*) Bevilacqua A. *Un cuore magico*, 1993. Или: *Quell'uguale belato era fraterno al mio dolore* (Такое же бляение было сродни моей боли) (Saba U. *La capra*: in «*Poeti italiani del novecento*», 1979).

• **Издавать неприятные, неблагозвучные звуки**

Данное значение, закрепленное в итальянских словарях, не является частотным: *Non posso perdere tempo con lei», risponde con belare cacofonico, e chiude la comunicazione* (*Я не могу терять с вами время», – отвечает он, неприятно и невнятно бляя, и завершает общение*) (La Repubblica – 31 dicembre 2006 – pagina 15 sezione: TORINO).

• **Говорить мягко, уступчиво в противоположность жесткому тону собеседника**

A meno che lo Stato non voglia fare la voce grossa coi fumatori e belare coi lanciatori di molotov (Если только государство не хочет говорить грубым голосом с поджигателями и не хочет блять с метателями «Коктейля Молотова» (бутылка с зажигательной смесью)) (La Repubblica – 31 gennaio 1994 – pagina 35 sezione: SPORT).

• **Говорить растерянно, неуверенно, жалким тоном**

Avevo visto Fitto forte e ruggente come un leone. Ora l' ho visto un po' belare (Я видел Фитто сильным и ревушим как лев. Только что я его видел слегка бляющим) (La Repubblica – 26 marzo 2005 – pagina sezione: FORUM)

Здесь говорящий, благодаря употреблению двух антонимичных глаголов *реветь* и *блять*, отражает изменения в поведении, произошедшие с итальянским политиком Рафаэлле Фитто: он противопоставляет образ уверенного, отлично контролирующего ситуацию министра с тем, каким он его видел в последнее время: неуверенным, растерянным, не могущим подобрать нужные слова, чтобы точно и ясно выразить мысль.

Как видим, русский глагол *блять* и итальянский *belare*, опираясь на общую звуковую основу, развивают нетождественные в денотативном и коннотативном плане значения: «говорить жалобным, плачущим голосом» (ит.) и «говорить неразборчиво, невнятно, неуверенно, смущаясь» (рус.). Однако дальнейшее сémное и сémантическое варьирование ведет к сémантическим сближениям и расхождениям: о неуверенной, смущенной, излишне мягкой, трусливой, раблепной манере говорения в обоих языках; о приторной и жалобной декламации в итальянском и о козлином смехе и голосе в русском.

Выделенные признаки обычно объединяются, формируя объемную (сложную) характеристику речи по нескольким параметрам. Можно попытаться наметить подобные комплексы признаков, которые связаны между собой каузальными связями, с точки зрения говорящих: слишком быстрый / медленный темп речи ведет к непониманию адресатом смысла высказывания; прерывистый, тихий голос – к неуверенности говорящего; быстрая речь предполагает эмоциональный фон (волнение, злость, радость, нежность, страх и пр.), скорость связывают с неразборчивостью речи, с неглубоким содержанием, путаницей и многократным повтором. При всем многообразии смыслового варьирования оценка остается негативной и в русском, и в итальянском языках.

По предложенной выше схеме семантико-прагматического сопоставительного анализа исследованы и другие единицы поля говорения (зооморфизмы и глаголы речи в их соотношении). В результате можно выделить разные типы соотношения метафорических глаголов речи в двух языках.

1. Случаи относительно полного семантического совпадения:

- *Guaiare* – *выть*, *скулить*, *uggiolare* – *скулить* в значении «говорить жалостливо, плакать, хныкать, всхлипывать».

- *Ronzare* – *жуужжать*, *гудеть* в значении «говорить назойливо, непрерывно, длительно, настойчиво».

- *Abbaire* – *лаять*, *digrignare* – *огрызаться*, *rugpire* / *ringhiare* – *рычать*, *рыкать* в значении «говорить со злостью, в порыве гнева; говорить раздраженно, враждебно».

- *Cicalare* / *cicaleggiare* – *стрекотать*, *трещать* в значении «говорить быстро и непрерывно о чем-то незначительном» (о детях и молодых девушках).

- *Tubare* – *ворковать* в значении «говорить ласково, нежно, вполголоса» (обычно о влюбленных).

- *Grugnire* – *хрюкать*, *belare* – *блеять* в значении «неразборчиво говорить, когда внимание слушающего отвлекается на произносительные особенности говорящего».

- *Cinguettare* – *чирикать*, *щебетать* (употребляется по отношению к детям в значении «говорить быстро, тонким, пронзительным голосом; говорить возбужденно и весело»).

- *Gracidare* – *квакать*, *крякать* употребляются в значении «говорить глупости, не к месту», а также «говорить пронзительно, неприятно». В обоих языках на первый план выступают семы «пронзительный, неприятный характер голоса» и «бессодержательная, глупая речь». Отметим, что в итальянском языке, в отличие от русского, *gracidare* в значении «издавать пронзительный звук» часто встречается в сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими разные технические устройства (радио, микрофон и т.п.): *Gracida il microfono del dj: «A gentile richiesta, Tango della gelosia»* (Скрипит микрофон ди-джея: «По специальному заказу, песня «Tango della gelosia») (La Repubblica – 25 maggio 2007 – pagina 1, sezione PRIMAPAGINA).

2. Случаи частичного семантического совпадения связаны 1) с разным семантическим объемом полисеманта: в одном языке есть

метафора о смехе / плаче / вопле, а в другом имеется уже и речевая характеристика; 2) в разных языках фиксируются разные речевые характеристики: от сходной звуковой семантики появляются разные выводные семы, характеризующие различные качества речи и поведения человека.

• *Schiamazzare* – галдеть, гоготать, кудахтать в значении «шуметь, говорить развязно, часто неуместно, сильно смеяться». В русском языке у глагола *гоготать* обычно реализуется значение «неуместно, громко смеяться», у глагола *галдеть* – «шуметь, говорить громко и развязно, перебивая друг друга», у глагола *кудахтать* – «о взволнованной, суетливой, беспокойной речи». Отметим, что в итальянском языке указанные смыслы концентрируются вокруг семантического стержня «громкое проявление речевого и неречевого поведения» в границах одного слова, а в русском языке наблюдается дифференциация значений и закрепление речевых / поведенческих характеристик за отдельными лексемами.

• *Miagolare* – мяукать, *pigolare* – плакать соотносимы в значении «говорить жалостливо, плакать».

В итальянском языке глагол *miagolare* в переносном значении применим к любому говорящему, в то время как *pigolare* – прежде всего к ребенку: «*Ho sbagliato, non volevo finisce così*», – *miagola all'indirizzo di Dani Pedrosa giustamente detto Paperino, il compagno di squadra* («Я ошибся, я не хотел, чтобы все так закончилось», – хныкал одноклубник перед Дани Педроса, конечно же, называемом Паперино) (La Repubblica.it – 26 settembre 2013, Marquez, il pericoloso vi...); *Sento il pigolare delle scolaresche in fregola per le vacanze* (Слышу жалобный шум школьников, которые страстно желают начало каникул) (La Repubblica – 07 agosto 2011 – pagina 1 sezione FIRENZE).

Кроме того, контекстный анализ показывает, что глагол *pigolare* нередко используется в значении «настоятельно, надоедливо просить» и данное значение не содержит указания на возраст: *Dice Giordana: «Vorrei fare un rovesciamento concettuale, non si tratta di lamentarsi o di pigolare aiuti come dice Zeffirelli...»* (Джордана говорит: «Я хотел бы совершить концептуальный переворот, речь не о том, чтобы жаловаться или хныкать, выпрашивая помощь, как говорит Дзеффирелли»)... (La Repubblica – 15 ottobre 2005 – pagina 55, sezione SPETTACOLI)

Следует также отметить, что глагол *miagolare* в итальянском языке употребляется в значении «говорить, напевать что-либо слабым или

дрожащим голосом», что в русском языке можно передать через глагол *мурлыкать* (*fare le fusa*): *Il silenzio rotto soltanto dal ronzio dell'aria condizionata o dalla radio del bardi sotto che miagola Despacito* (Молчание нарушено лишь шумом кондиционера или радио в баре внизу, которое **мурлыкает** песню *Despacito*) (La Repubblica, 30 luglio 2017, L'estate di Don Chisciotte).

В русском языке значение «плакать, говорить писклявым голосом; жалобно и плаксиво» связано с глаголом *пищать*, который употребляется в основном по отношению к детям – «плакать» и «жаловаться»: *Как ребяенок народится да как начнеть по ночам **пищать**, тут из них, из мужиков, вся поганая порода наружу лезть!* (И. Муравьева. Ляля, Наташа, Тома, 1991); *Девочка не давалась, начав **пищать** тонким, жалким голосом, на одной ноте, как заяц* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2. 1988); «жалобно упрашивать»: *А уж потом весь Лицей стал **пищать**, чтоб пригласили к нам Филиппа Ривьера!* (Г. Полонский. Роль в сказке для взрослых, или «Таланты и Полковники». 1970–1980). Применительно к женщинам глагол *пищать* реализует семантику «проявлять разные чувства особым писклявым голосом»: *Он любил повторять: «Предоставьте барышням **пищать**: Ах, как мне нравится!* (М.Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // Звезда. 2003); а применительно к взрослым – «жаловаться, проявляя слабость»: *«**Не пищать!**» Этот зазорный лозунг помогал комсомольцам 50-х* (С. Козлов. «Не пищать!» // Правда. 2004.10.29).

Глагол *мяукать* обозначает речь взрослого человека, чаще женщины, стремящейся соблазнить мужчину, привлечь к себе внимание; а также говорящей пошлые и банальные вещи (с точки зрения мужчины). Ср.: *И вот свои строки она начала дико **мяукать**, строки признания мне в любви* (С. Шаргунов. Ура! 2003); *Я еду тихо, но не останавливаюсь, потому что знаю по опыту, как это опасно: набегит банда проституток, хорошенькие, юные девочки распахнут дверцы, влезут в машину, начнут щебетать, **мяукать**...* (А. Ким. Белка. 1984); *Это тебе не мышей мучить и не подружкам пошлости **мяукать**...* (А. Дмитриев. Голубев. 1988).

Частичное семантическое совпадение наблюдается и у других глаголов рассматриваемой группы: *gracchiare* – *каркать*; *ragliare, bramiare* – *реветь* в значении «говорить резко, пронзительно, неприятным голосом»; *ragliare*, в отличие от русского глагола *реветь* «говорить грубым зычным голосом», иногда употребляется в значении «го-

ворить или писать глупости» (данное значение связано с образом осла, которому итальянцы приписывают глупость); *fischiare* – *свистеть* в значении «судить, не одобрять, порицать». В русском языке данное значение используется у глагола *освистать* / *освистывать*, а от глагола *свистеть* самая распространенная метафора – «врать».

3. Случаи полного семантического несовпадения

В качестве примеров полного семантического несовпадения приведем русский глагол *блехать* и итальянские глаголы *abbaiare* «блехать, лаять» и *latrare* «гавкать, тявкать». В этих глаголах преобладают характеристики произносительных особенностей, на которые наслаиваются поведенческие.

Блехать развивает только одно метафорическое значение «лгать, клеветать» (например: *Что ты на меня блеешь? Неправда, блещут они* (ТСУ)), не зафиксированное в итальянском, в то время как *abbaiare* и *latrare* развивают семантику «говорить со злостью, в порыве гнева». В русском же языке это последнее значение передается при помощи глаголов этого же синонимичного ряда, таких как *лаять* «ругать/ся, бранить/ся» и *гавкать* «ругать, огрызаться в ответ» (ТСУ); дополним это значение статусным компонентом: «адресат выше по статусу, чем говорящий». Таким образом, семантическое несовпадение наблюдается у глагола *блехать*, а в целом синонимические ряды вполне соотносимы в двух языках.

Подведем итоги: результаты метафорообразования в русском и итальянском языках в существенной мере зависят от восприятия звуков, издаваемых животными, и от семантико-прагматической характеристики зооморфизма, причем в ряде случаев доминирует зообраз (*блехать*), в других ситуациях, когда зооморфизм находится на периферии метафорической системы, направление метафорическому процессу задает характер звуков: *проквкать*, *прокрякать* и др. – «не к месту, глупо, раздражающе говорить».

Результаты анализа фрагментов метафорической картины мира двух языков могут быть лексикографически интерпретированы и представлены в Базе данных прагматически маркированной лексики [11, 12], разработанной коллективом лингвистов Новосибирского государственного педагогического университета. В ней фиксируется, кроме оценочного, гендерного, возрастного и статусного компонентов, и национально-культурный, выявляемый только путем специального сопоставительного анализа.

Литература

1. *Casadio C.* Itinerario sulla metafora. Aspetti linguistici, semantici e cognitive. Roma : Bulzoni, 1996. 157 p.
2. *Danesi M.* La metafora nel pensiero e nel linguaggio. Brescia : Editrice La Scuola, 2003. 167 p.
3. *Ghiazza S.* La metafora tra scienza e letteratura. Firenze, Le Monnier, 2005. 483 p.
4. *Casadei F.* Alcuni pregi e limiti della teoria cognitivista della metafora // *Lingua e Stile*. XXXIV. 1999. № 2. P. 167–180.
5. *Danesi M.* Lingua, metafora e concetto. Vico e la linguistica cognitiva. Bari : Edizioni dal Sud, 2001. 136 p.
6. *Nicole S.* La cognizione metaforica. Concetti, metafore e immaginazione, Giovanni Fioriti Editore. Roma, 2005. 122 p.
7. *Мусси В.* Глагольная метафора в русском и итальянском языках (на материале русских и итальянских глаголов с «энтомологическим» значением) // *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 3. С. 167–176.
8. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 358–386.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
10. *Рахилина Е.В.* Introducción. O moskovskoy leksiko-tipologicheskoy grappe (MLEXT) // *Tipologíalexica*. Granada: Edita: Jizo Ediciones. 2013. P. 9–16.
11. *Grice H.P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics* // ed. by P. Cole and J.L. Morgan. N.Y. : Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
12. *Басалаева Е.Г.* Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6. С. 112–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.09>
12. *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06>

Metaphorical Verbs of Speaking in Russian and Italian: Semantic-Pragmatical and Lexicographical Aspects

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 17–35.

DOI: [10.17223/22274200/15/2](https://doi.org/10.17223/22274200/15/2)

Elena Yu. Bulygina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Ilaria Garbujo, Catholic University of the Sacred Heart (Milan, Italy). E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

Tatiana A. Tripolskaya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Keywords: comparative lexicology, lexicography, metaphor, national-cultural component, Russian pragmatically marked lexicon database.

The article is devoted to the study of the metaphorical interpretation of extralinguistic reality and ways of a lexicographic display of metaphorical meanings in explanatory dictionaries of different languages.

The study reveals the common and the different in the metaphorical picture of the world, which allows outlining the main trends in the development of nationally specific metaphorical plots. In the processes of metaphorization, different languages claim various attributes of the same object; therefore, the explication of the bases of a metaphorical transfer is relevant for semasiologists and lexicographers.

Metaphor is in the zone of pragmatically marked vocabulary, so a comparative study reveals a national cultural component in its interaction with other components of pragmatic semantics. Questions of semantization of communicatively meaningful information are relevant for theoretical and practical lexicography.

The article deals with metaphorical verbs of speaking formed from the names of sounds produced by animals (chirping, mumbling, cooing; pigolare – singing, abbaiare – barking, miagolare – meowing) in Russian and Italian.

Dictionaries fairly consistently reflect the relationship between producing and derived meanings actualizing the similarity of the sounding (laughter, crying, voice features), but the semantics of speaking is rarely recorded in Russian dictionaries and is slightly more consistent in Italian. The authors focus on the acoustic similarity of sounds or their differential signs, whereas the estimated vector forming a metaphorical meaning is not reflected in the dictionary definition.

Metaphor-forming signs are fully correlated in the two languages: tempo, intelligibility, legibility of speech, authenticity/unreliability of speech, character of emotional coloring of speech, pithiness/senselessness of the utterance, repetition of the same, relevance/inappropriateness of the utterance, intentional characteristics of the utterance; and they do not contradict the communicative maxima of H. Paul Grice.

Verbal speech metaphors have a double semantic motivation: the metaphorical representation of the process of speaking is determined by at least two factors: (1) how we hear the “animal world”, but we hear it differently from the Italians (and not only the Italians). The only exception is “miao” and “be-e”; (2) the system of man’s zoomorphic characteristics, which are multidimensional, complex semantic units, play an important role in the development of the verbal metaphor of speech.

As a result of the study, the authors distinguish different types of correlation of metaphorical verbs of speech in the two languages: (a) a relatively complete semantic coincidence; (b) a partial semantic coincidence; (c) a complete semantic mismatch. A partial coincidence of the metaphorical meaning in the two is the most common.

The results of the analysis of fragments of the metaphorical picture of the world of the two languages can be lexicographically interpreted and presented in the database of pragmatically labeled vocabulary, which fixes evaluation, gender, age, status components, and a national-cultural one revealed only through a special comparative analysis.

References

1. Casadio, C. (1996) *Itinerario sulla metafora. Aspetti linguistici, semantici e cognitive*. Roma: Bulzoni.
2. Danesi, M. (2003) *La metafora nel pensiero e nel linguaggio*. Brescia: Editrice La Scuola.
3. Ghiazza, S. (2005) *La metafora tra scienza e letteratura*. Firenze: Le Monnier.
4. Casadei, F. (1999) Alcuni pregi e limiti della teoria cognitivista della metafora. *Lingua e Stile*. XXXIV (2). pp. 167–180.
5. Danesi, M. (2001) *Lingua, metafora e concetto. Vico e la linguistica cognitiva*. Bari: Edizioni dal Sud.
6. Nicole, S. (2005) *La cognizione metaforica. Concetti, metafore e immaginazione*. Roma: Giovanni Fioriti Editore.
7. Mussi, V. (2012) Verbal metaphor in the Russian and the Italian language (based on Russian and Italian verbs with an “entomological” meaning). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 167–176. (In Russian).
8. MacCormac, E.R. (1990) Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive theory of metaphor]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
9. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
10. Rakhilina, E.V. (2013) Introducción. O moskovskoy leksiko-tipologicheskoy gruppe (MLEXT) [Introduction. On the Moscow lexico-typological group (MLEXT)]. In: Tirado, R.G. & Votyakova, I.A. (eds) *Tipologialexica*. Granada: Edita: Jizo Ediciones.
11. Grice, H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and semantics*. Vol. 3. N.Y.: Academic Press.
12. Basalaeva, E.G. (2016) The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
12. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.17223/22274200/15/3

Т.Б. Радбиль, В.В. Сайгин

КОНЦЕПТ «ГРЕХ» В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Освещаются проблемы лексикографического описания ключевых концептов русской культуры в словарях нового типа – лингвокультурологических словарях концептов. Цель исследования – раскрыть принципы лексикографической репрезентации концептов на примере описания концепта «грех». Анализируется словарная статья «грех» предлагаемого словаря концептов. Описание концепта в словаре носит комплексный характер, включая не только собственно лингвистические, но и внеязыковые данные.

Ключевые слова: концепты русской культуры, учебный словарь концептов, концепт «грех», русский язык.

Введение

В статье освещаются проблемы лексикографического описания ключевых концептов русской культуры в словарях нового типа – лингвокультурологических словарях концептов.

Работа над составлением словарей нового типа – лингвокультурологических тезаурусов, словарей «языка культуры», идеографических словарей и пр., начало которой принято связывать с фундаментальным трудом академика Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997) [1], в последнее время отличается значительной активизацией, что, на наш взгляд, связано с выходом отечественной лексикографической традиции на новые рубежи познания и комплексного описания явлений языка в тесной связи с национальной культурой и национально обусловленным взглядом этноса на мир, объективированным в языке. В этой связи следует отметить появление таких значимых лексикографических изданий, как «Полный словарь диалектной языковой личности» (2006–2012) [2] – уникальный проект томских лексикографов, «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» (2010) [3] – результат работы ученых Уральского госуниверситета под руководством Л.Г. Бабенко, «Рус-

ский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» (2011) [4] – последний проект выдающегося лексикографа, академика РАН Н.Ю. Шведовой.

В настоящее время учеными Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского также накоплен определенный опыт в составлении разного рода словарей концептов – прежде всего это учебные словари. Достаточно назвать продолжающиеся издания «Словаря концептов народной сказки» [5], учебного комплексного лингвокультурологического словаря «Человек и его внутренний мир» [6] и недавно начатый проект словаря социально значимых концептов современной русской культуры (описываются концепты типа *патриотизм, гуманизм, демократия* и пр. в новейшем русском языковом сознании).

Предлагаемый словарь отличается от упомянутых выше опытов составления концептоориентированных словарей ориентацией на комплексную модель описания небольшого количества избранных для детального лексикографирования концептов, включающую экстралингвистический и собственно лингвистический компоненты (последний в свою очередь содержит расширения, связанные с включением описания парадигматических, синтагматических и деривационных связей концепта), наличием графического схематического представления смысловой структуры анализируемых концептов, расширенной зоной иллюстративного материала современных употреблений репрезентантов концепта. Эти отличия обусловлены лингводидактической направленностью словаря, связанной в том числе и с присутствием в словаре системы вопросов и заданий для обучающихся и пр.

Цель, методы и материал исследования

В настоящей работе обсуждается идея учебного словаря концептов русской культуры, который еще находится в стадии разработки.

Цель исследования – раскрыть принципы лексикографического описания концептов русской культуры на примере концепта «грех», проанализированного нами в наших предыдущих работах [7]. На данном этапе работы предполагается описание самого концепта «грех» как базового для концептов соответствующего концептуального поля, а также основных концептов, образующих с данным концептом, согласно нашим ис-

следованиям, устойчивые концептуальные связи: концептов «искупление», «покаяние» (вместе с его синонимическим коррелятом «раскаяние»), «добродетель» (вместе с его антонимическим коррелятом «порок»). В дальнейшем предполагается включить в состав лексикографируемых единиц такие значимые культурные понятия (так или иначе связанные с концептуальным полем «грех»), как «страсть» (источник греха, согласно религиозно-христианским представлениям), «воздаяние» (включая «возмездие», «кара», «наказание»), «святость» и пр.

Методологической базой исследования выступают концепция изучения «языка культуры» А. Вежбицкой [8], принципы анализа языковой концептуализации мира Т.Б. Радбиля [9], идеи интегрального описания языка, предложенные Ю.Д. Апресяном [10], и теоретические основы лексикографической интерпретации констант национальной культуры, изложенные в работах Ю.С. Степанова [1]. Работа основана на методике анализа концептов, разработанной исследователями ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в аспекте ее прикладного применения в области лексикографического описания концептов национальной культуры [11].

Материалом исследования являются данные современных философских и религиозных словарей и энциклопедий, различных лексикографических источников – толковых и этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, словообразовательных и фразеологических словарей русского языка, а также Национальный корпус русского языка.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее основные результаты в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического цикла, а также в теории и практике составления словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов.

Основные результаты исследования

Понятие греха входит в число тех ключевых идей русской культуры, которые издавна определяют вектор ее духовной эволюции. Сформировавшись в русле религиозно-христианского, православного мировоззрения, это понятие во многом обуславливает специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок. Однако современный этап развития русского национального сознания характеризуется отчетливой десакрализацией религиозных концептов.

Противостояние этих тенденций формирует исключительное своеобразие рецепции концептуального поля «грех» в современном русском национальном сознании. Здесь следует оговорить, что на данном этапе работы речь идет о языковом воплощении концепта в сознании носителей русского литературного языка, как оно отражено в толковых словарях. Исследования на материале диалектов нами на данном этапе не проводились, но в порядке интуитивных наблюдений можно предположить, что при возможных частных семантических расхождениях общая линия на противостояние светского и религиозного компонентов концептуального содержания данного концепта (и, соответственно, на значительное преобладание внерелигиозного типа его репрезентации над религиозным) должна иметь место и в этой концептуальной области.

Предлагаемое нами описание носит комплексный характер: оно включает не только собственно лингвистические, но и внеязыковые данные. Словарная статья, таким образом, является объемной, подробной и развернутой, с расширенной зоной иллюстративного материала разного типа, с графическими схемами и под., включая описание когнитивных признаков и смыслового объема концептов, построения их семантической структуры, определения парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей языковой экспликации концептов и т.д. Поскольку словарь носит учебный характер, значительный удельный вес в нем занимают подробные комментарии к представленным толкованиям и иллюстративному языковому и текстовому материалу. Также предусмотрен комплекс вопросов и заданий для обучающихся. Словарь ориентирован на обучающихся в бакалавриате и в магистратуре по направлению подготовки «Филология», также отдельные фрагменты словаря могут быть полезны в преподавании русского языка как иностранного.

Итак, покажем, как выглядит примерная словарная статья предлагаемого словаря. Описанию подлежит концепт «грех». Сразу отметим, что двойственность религиозного и внерелигиозного понимания греха прослеживается последовательно на всех уровнях его концептуального содержания, что отражено и в словарном описании концепта.

ГРЕХ

1. Этимологическая зона словарной статьи.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово связывается с *греть* с первоначальным значением ‘жжение (совести)’ [12].

Однако более современные словари отвергают эту этимологию как не вполне надежную. П.Я. Черных в своем историко-этимологическом словаре указывает на этимологические связи слова *грех* с праславянским корнем *groi-s-us ‘заблуждение, путаница, ошибка’. Еще один ряд этимологических сближений связывает слово «грех» с литовским *graijas* ‘косой’, включая элементы *groikso- или *groiso- ‘изгиб, кривизна’ [13]. Наиболее подробный и обстоятельный анализ происхождения слова дан в многотомном «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О.Н. Трубачева, который констатирует, что данное слово с точки зрения своего происхождения выступает как праславянское новообразование, не имеющее соответствия в других славянских языках. В качестве наиболее достоверной этимологии в словаре указывается основа со значением кривизны *groi-so (подтверждается наличием параллели с балтийскими корнями – латыш. *grēizs* ‘кривой’). Дальнейшая история развития семантики слова показывает, что уже на уровне древнейшего периода существования слова в качестве своего рода «зародыша» в его семантике уже находились смыслы, которые в дальнейшем войдут в его современное концептуальное содержание – см., например, такие значения: др.-рус., церк.-слав. ‘ошибка’ и потом ‘наказание’; рус. ‘проступок, порок, недостаток’; диал. ‘ссора, раздор’, ‘спор’, ‘о ком-, чем-либо приносящем неприятность, напасть (при выражении досады)’, ‘несчастный случай, беда (главным образом пожар)’, укр. ‘вина’, диал. ‘пропуск при ходьбе’ и пр. [14].

Таким образом, мы уже на этой стадии формирования изначально-го концептуального содержания для *грех* можем выделить идею искривления, сгибания, т.е. нарушения первоначального состояния чего-л., которая перешла по метафорическому переносу в идею заблуждения, ошибки, путаницы, т.е. тоже в своем роде искривления – сворачивания с прямого пути. Отметим, что указанное нарушение чего-л. не обязательно связано с сознательными действиями субъекта – это в общем любое нарушение, отклонение от прямого пути по любым причинам или основаниям – и даже без причин.

«Христианизация» представления о грехе связана с употреблением этого слова в церковнославянских источниках. В языке Святого Писания вырабатывались **лексические средства для обозначения христианского греха**, для чего использовался принцип семантического калькирования для ряда древнегреческих слов в их переносных значениях (это прежде всего переосмысленные правовые понятия с ярко выраженной идеей нарушения закона или морали: *ἁμαρτία* (‘промах’,

‘ошибка’), παράβασις и παράπτωμα (‘преступление’), ἀνομία (‘беззаконие’ или действие, противоположное закону), ἀδικία (‘неправота’ или действие, противоположное идее справедливости)). Таким образом, на исходное, этимологическое значение слова *грех* как бы «наращивается» смысловой компонент, связанный с идеей субъективного целенаправленного действия, совершаемого неправильно, причем в высшем, духовном понимании (представление о промахе, непопадании в цель переосмысливается как представление о несоответствии человека высшей, Божественной цели своего существования, т.е. о нарушении высшего закона – о беззаконии (приводится по [15]). Отсюда ясно, что и данный комплекс смыслов в этом слове не был «изобретен» христианством; понятие греха как нарушения норм, правил и пр. было у славян и в дохристианские времена, что доказано в работах В.М. Живова [16] и С.М. Толстой «Грех в славянской мифологии» [17]. Христианство только приспособливает бытующие издревле в русле народной культуры представления к своим нуждам, как это было и с другими концептами в дохристианской истории восточных славян – подробнее об этом см. труды О.Н. Трубачева [18].

2. Экстралингвистическая интерпретация объема и содержания категории ГРЕХ в культурном сознании (приводится по данным философских, культурологических и религиоведческих энциклопедических источников, значимых текстов религиозной и научной литературы).

2.1. Религиозно-православный компонент внеязыкового содержания концепта (отражен в Святом Писании и в Святом Предании, в канонической православной практике).

1. *ГРЕХ – это сознательное или бессознательное совершение действия, нарушающего Божественные установления;*

2. *ГРЕХ – это состояние вины субъекта перед Богом, наступающее в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления;*

3. *ГРЕХ – это прекращение жизни в Боге субъекта, изначально живущего по Божественным установлениям, в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления;*

4. *ГРЕХ – это изначальное состояние любого смертного человека по причине первородного греха, совершенного Адамом и Евой, требующее специфических духовных действий покаяния (приводится по [7]).*

2.2. Внерелигиозный, светский компонент внеязыкового содержания концепта (отражен в светском философском, публицистическом, художественном дискурсах, соответствующих светскому типу репрезентации этого концепта).

1. ГРЕХ – фиксация любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, ошибочных или неправильных действий в любой сфере – социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной, при этом не обязательно в связи с нарушением Божественных установлений.

2. ГРЕХ – несоответствие действий индивида любым внешним стандартам поведения (приводится по [7]).

Примечание составителей: С этими двумя пластами внерелигиозного, светского компонента внеязыкового содержания концепта связана тенденция к десакрализации греха в современной цивилизации.

3. Концептуальное содержание и смысловой объем концепта ГРЕХ (приводится по данным словарей русского языка, источникам фразеологического и паремиологического материала).

3.1. Когнитивные признаки концепта. Под когнитивными (или концептуальными) признаками в словаре, в соответствии с воронежской школой концептуального анализа, понимаются самые разнообразные семантические явления: значение слова, оттенок значения или какой-либо другой смысловой компонент, которые воспринимаются как отдельные, отличные от других в сознании носителя языка и реализуется в разных сочетаниях. Когнитивный признак как элемент концептосферы представляет собой в принципе любой смысл, воспринимаемый и воспроизводимый носителями языка, отделяемый ими от остальных. Поэтому в одних случаях формально он будет совпадать с отдельным словарным значением, в других случаях – с отдельной семой, еще в каких-то случаях – с коннотацией и т.д. Когнитивные признаки в условиях вербализации концепта все же чаще всего предстают как лексико-семантические варианты (отдельные значения слова) или даже элементы этих значений (семантические компоненты, семы), а также как оттенки смысла, выявляемые в контекстах устойчивой и / или свободной сочетаемости [19].

Ниже приводится сводный список когнитивных признаков концепта, выявленный по данным словарей, фразеологии и паремиологии, а также по рефлексам языковой экспликации концепта в пара-

дигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях слова *грех* и производных от него слов как репрезентантов одноименного концепта. После каждой формулировки для удобства восприятия в квадратных скобках приводится источник, из которого извлечен данный когнитивный признак (энциклопедические источники, словари, фразеология, паремиология, языковая экспликация – с вариантами П: парадигматика, С: синтагматика или Д: деривация).

Совокупный смысловой объем концепта ГРЕХ

1. **Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)** [словари – например БАСРЯ (ред. К.С. Горбачевич): 1. У верующих – нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, <...>].

2. **Нарушение религиозных предписаний, правил** [словари (БАС, МАС, СУ, СО и др.) – например, БАС: 3. *Устар.* Нарушение религиозного предписания; <...>].

3. **Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом** [словари – например, СД: 1. <...>; вина перед Господом].

4. **Нарушение предписаний, правил нравственности** [словари (БАС, МАС, СУ, СО и др.) – например, БАС: 3. *Устар.* <...>; проступок против правил религии и нравственности; МАС: 1. У верующих – нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.)].

5. **Проступок, преступление** [словари (БАС, МАС, СУ, СО и др.) – например, СУ: 2. *перен.* Предосудительный поступок, преступление].

6. **Ошибка** [словари – например, МАС: 2. Предосудительный поступок, ошибка, недостаток].

7. **Состояние (чувство, ощущение) вины** [словари – например, СО: 2. То, что лежит на совести, отягощает ее как чувство вины].

8. **Порок, недостаток** [словари (БАС, МАС, СУ, СО и др.) – например, БАС: 1. Проступок; порок, недостаток (у кого, в чем)].

9. **Беда, несчастье** [словари – например, СЕ: 3. *перен. устар.* Беда, несчастье; БАС: 2. *В просторечии.* Беда, несчастье; СД: 3. Беда, напасть, несчастье, бедствие, подразумевая: за грехи наши].

10. **Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий)** – для наречия / кат. состояния *грех* (что-то делать) [словари – например, БАСРЯ: 4. *В знач. предикатива.* Разг. Нехорошо, предосудительно; грешно].

11. **Распутство** [словари – например, СД: 4. В тесном значении распутство].

12. **Человеческая слабость** – для существительного *грешок* [языковая экспликация (Д)].

13. **Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства** – для существительного *погрешность* [языковая экспликация (Д)].

14. **Что-то плохое, неправильное** [фразеология: с *грехом* пополам – а) кое-как; едва-едва, с трудом (ФСРЯ)].

15. **Обман** [фразеология: с *грехом* пополам – б) нечестно; с обманом, сомнительными путями; ср. в ФСРЯ: 2. устар. сомнительным путем, неблагоприятным способом, нечестно, с обманом; *Брать, взять грех / греха на душу* – 3. ‘допускать обман, ложь’].

16. **Раздражение, досада** [фразеология: *ввести, вводить кого в грех* – б) сердить, раздражать (ФСРЯ); и *смех и грех* (разг.) – смешно и досадно (СО)].

17. **Грусть, печаль** [фразеология: и *смех и грех* = и *смех и горе* – одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично (ФСРЯ)].

18. **Воровство** [паремиология: *Не клади плохо, не вводи вора в грех. Плохо не клади, в грех не вводи. Грех воровать, да нельзя миновать*].

19. **Умствование** [паремиология: *Много ума – много греха, а на дурне не взыщут*].

20. **Бедность / богатство** [паремиология: *Нет греха хуже бедности. Бедность не грех, а до греха доводит. Без денег в церковь ходить грех. Богатство пред Богом великий грех, а бедность перед людьми. Денег много – великий грех; денег мало – грешней того*].

21. **О ком-то некрасивом, физически непривлекательном** [паремиология: *Как смертный грех* (страшен, некрасив кто-н.) – (разг.) очень страшен, некрасив] (приводится по [7]).

3.2. Семантическая структура концепта (представляет собой графическую экспликацию структурных связей и отношений между когнитивными признаками). В квадраты заключены когнитивные признаки, номера которых соответствуют нумерации, представленной в описании совокупного смыслового объема концепта ГРЕХ (см. выше), в подразделе 3.1 словарной статьи. Линии, связывающие квадраты, схематично изображают наличие семантических связей между тем или иным КП в аспекте семантической деривации (см. [20, 21]). Подобная схема выступает как стандартный способ представления «дерева зависимостей» в

порождающей семантике и призвана иллюстрировать культурную разрабатанность анализируемого концепта.

Светло-серым цветом выделены признаки, имеющие отношение к религиозно-христианским семантическим компонентам концептуального содержания «грех», отсутствие заливки маркирует внерелигиозные, десакрализованные компоненты концептуального содержания «грех» (см. схему 1).

3.3. Верификация когнитивных признаков по устойчивым контекстам вхождения в фразеологизмы и пословицы:

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ¹:

Значение ‘что-то плохое, неправильное’: *С грехом пополам* – только в значении: а) ‘Кое-как; едва-едва, с трудом’; *Не грех сделать что-нибудь* – ‘хорошо, можно, следует’; *Грех сказать, чтобы...* – ‘нельзя сказать, неверно было бы утверждать, упрекать’.

Значение обмана: *С грехом пополам* – только в значении: б) ‘Нечестно; с обманом, сомнительными путями’; ср. в словаре А.И. Молоткова: ‘2. Устар. Сомнительным путем, неблагоприятным способом, нечестно, с обманом’; *Брать, взять грех / греха на душу* – только в третьем значении ‘допускать обман, ложь’.

Значение состояния раздражения, досады: *Ввести, вводить кого в грех* – только в значении: б) ‘Сердить, раздражать’; *И смех и грех* (разг.) – только в значении ‘смешно и досадно’.

Значение грусти, печали: *И смех и грех / И смех и горе* – у А.И. Молоткова: ‘Одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично’.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ:

Значение ‘воровство’: *Не клади плохо, не вводи вора в грех; Плохо не клади, в грех не вводи.*

Значение излишнего умствования, рационального, рассудочного отношения к жизни: *Много ума – много греха, а на дурне не взыщут.*

Значение ‘бедность’ / ‘богатство’ с одной стороны встречается понимание бедности как греха, а с другой стороны, напротив, как грех рассматривается и богатство: *Нет греха хуже бедности; Богатство пред Богом великий грех, а бедность перед людьми; Денег много – великий грех; денег мало – грешней того.*

¹ Здесь и далее фрагменты словарной статьи в журнальном варианте даны с некоторыми сокращениями.

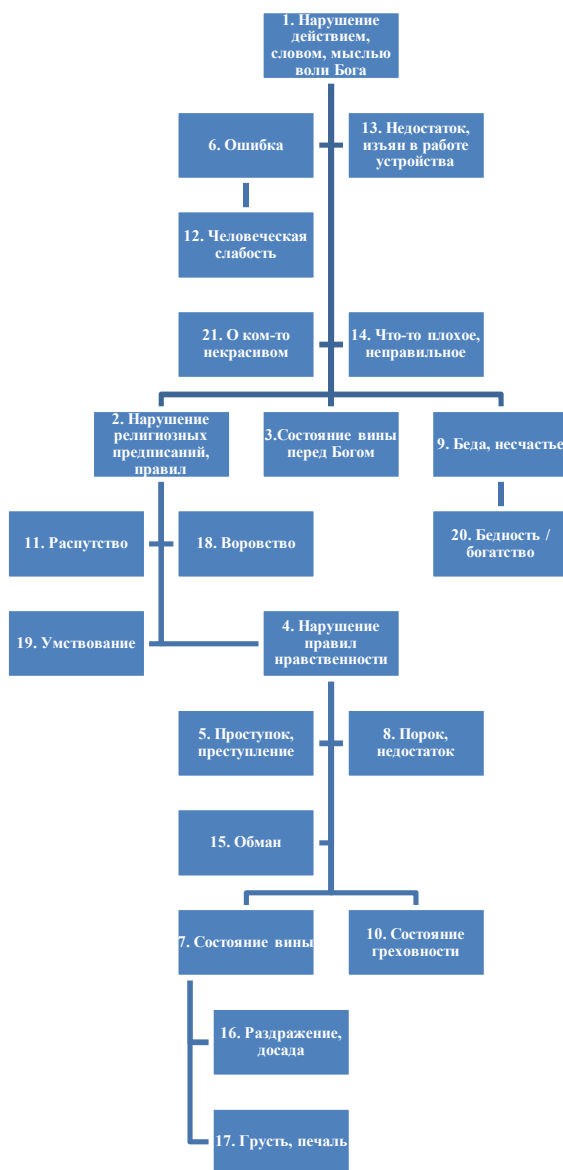

Схема 1. Семантическая структура концепта «грех»

Значение состояния раздражения, досады: *Ввести, вводить кого в грех* – только в значении: б) ‘Сердить, раздражать’; *И смех и грех* (разг.) – только в значении ‘смешно и досадно’.

Значение грусти, печали: *И смех и грех* / *И смех и горе* – у А.И. Молоткова: ‘Одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично’.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ:

Значение ‘воровство’: *Не клади плохо, не вводи вора в грех; Плохо не клади, в грех не вводи.*

Значение излишнего умствования, рационального, рассудочного отношения к жизни: *Много ума – много греха, а на дурне не взыщут.*

Значение ‘бедность’ / ‘богатство’ – с одной стороны, встречается понимание бедности как греха, а с другой стороны, напротив, как грех рассматривается и богатство: *Нет греха хуже бедности; Богатство пред Богом великий грех, а бедность перед людьми; Денег много – великий грех; денег мало – грешней того.*

Значение ‘о ком-то некрасивом, физически непривлекательном’: *Как смертный грех* (страшен, некрасив кто-н.) – ‘(разг.) очень страшен, некрасив’. Данная пословица чаще всего употреблялась в отношении лиц женского пола. Это, очевидно, связано с легендой о грехопадении Евы, что в народном миропонимании обусловило представления об изначальной греховности женской природы. Ср. пословицу: *Адам плотью наделил, Ева – грехом.*

4. Языковая объективация концепта ГРЕХ (описывается специфика синтагматических, парадигматических и деривационных отношений слов – репрезентантов концепта).

4.1. Особенности синтагматических отношений слов – репрезентантов концепта. Выражаются в его стандартной глагольной, субстантивной и атрибутивной сочетаемости, а также в том, что он может быть в определенных синтаксических позициях (например, иметь функцию предиката) и др. Языковая экспликация концепта «грех» в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Например, в нашем материале имеются случаи перехода абстрактного существительного «грех» в лексико-грамматический разряд конкретных существительных (здесь и далее текстовый материал из Национального корпуса русского языка приводится по [7]):

1) по модели ‘абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь’, в сочетании с глаголами конкретного физического действия: закапы-

вать старые *грехи*; *грех* на совести лежит; *грехи* не видеть; ср. также в сочетании *грех* пополам; в этом случае «грех» трактуется как вещь, как любой чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно осуществлять разнообразные конкретные операции;

2) по модели ‘абстрактное понятие → среда или вместилище’: *впасть* [т.е. погрузиться] *в грех*; *жить в грехе*; *погрязнуть в грехе*; «грех» здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3) по модели ‘абстрактное понятие → вещество, субстанция’: *вкусить греха (грех)*. Ср. пример, когда «грех» приобретает параметр ‘вес’: *Равно, как и вес грехов в этот день увеличивается в несколько раз*. Ср. еще примеры из Национального корпуса русского языка, где «грех» смысляется как покрывающее человека «вещество»: *Спасатели подсчитали уже: в этом году около 16 тысяч желающих придут ночью смыть свои *грехи* в святой воде; Согласно вере, в этот день вода смывает все *грехи* и болезни*.

Встречаются контексты, в которых «грех» подвергается метонимическому одушевлению, т.е. словом «грех» именуется одушевленный источник греха: *грех* попутал = *черт / бес попутал*; «грех» выступает как одушевленный агент – активный субъект действия: *грех рождает смерть*, – или как объект действия, в область применения которого в норме входит одушевленное существо: *убить грех*.

4.2. Особенности парадигматических отношений слов – репрезентантов концепта (описываются по данным словарей синонимов и антонимов). Выражаются в синонимических, антонимических, гипонимическими отношениями слов – репрезентантов концепта:

Синонимический ряд: ГРЕХОПАДЕНИЕ, ГРЕШОК, ОШИБКА, ПОГРЕШНОСТЬ, ПРЕГРЕШЕНИЕ, СОГРЕШЕНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, БЕЗЗАКОНИЕ, ПРОВИННОСТЬ, УПУЩЕНИЕ, НЕДОСТАТОК, ПРЕПЯТСТВИЕ, ПРОСТУПОК, ОКАЯНСТВО.

Примечателен факт отсутствия антонима к слову «грех». Это может косвенно свидетельствовать о том, что в русском языковом сознании не концептуализируется представление о полноценной альтернативе греха как положительного полюса на условной семантической шкале – нет словесного знака, обозначающего понятие ‘отсутствие греха’. Возможно, это как-то связано с идеей об изначальной греховности человеческой природы, у которой нет альтернативы.

4.3. Особенности деривационных отношений слов – репрезентантов концепта (описываются по данным словообразовательных словарей). Выражаются прежде всего в структуре системно-языкового словообразовательного гнезда с вершиной «грех» и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо. Гнездо с вершиной «грех» в современном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 36 производных слов разной степени производности по отношению к исходному «грех» (см. схему 2).

ГРЕХ

→ ГРЕШ-ОК

→ ГРЕХ-ОМ (нареч.)

→ ГРЕШ-Н-ЫЙ → ГРЕШ-Н-ОЕ (сущ.)

→ ГРЕШН-О

→ ГРЕХ-ОВН-ЫЙ → ГРЕХОВН-ОСТЬ

→ БЕЗ-ГРЕХ-ОВН-ЫЙ

→ БЕЗ-ГРЕШ-Н-ЫЙ → БЕЗГРЕШН-О

→ БЕЗГРЕШН-ОСТЬ

→ НЕБЕЗ-ГРЕШ-Н-ЫЙ → НЕБЕЗГРЕШН-ОСТЬ

→ ГРЕШ-И-ТЬ → ГРЕШ-НИК → ГРЕШНИЦ-А

→ НА-ГРЕШИТЬ

→ ПО-ГРЕШИТЬ → ПОГРЕШ-ЕНИ-Е

→ ПОГРЕШ-НОСТЬ

→ ПОГРЕШИ-ТЕЛЬН-ЫЙ → НЕ-ПОГРЕШИТЕЛЬНЫЙ

→

НЕПОГРЕШИТЕЛЬН-О

→

НЕПОГРЕШИТЕЛЬН-ОСТЬ

→ НЕ-ПОГРЕШ-ИМ-ЫЙ → НЕПОГРЕШИМ-ОСТЬ

→ ПРЕ-ГРЕПИТЬ → ПРЕГРЕШ-ЕНИ-Е

→ СО-ГРЕШИТЬ → СОГРЕШ-ЕНИ-Е

→ ГРЕХ-О-ВОД-НИК → ГРЕХОВОДНИЦ-А

→ ГРЕХОВОДНИЧ-А-ТЬ → НА-ГРЕХОВОДНИЧАТЬ

→ ГРЕХ-О-ПАД-ЕНИ-Е

→ МНОГО-ГРЕШ-Н-ЫЙ

Схема 2. Словообразовательное гнездо с вершиной «грех»

Материал приводится с комментариями (см. пример комментария):

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутивное, т.е. несерьезное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объема концептуального содержания «грех» проявляется такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова – ‘ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чем-л.’: *погрешность в вычислении; стилистические погрешности*, – и потому распространяет это понимание на неодушевленные предметы, вещи – ‘недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т. д.’: *погрешности в моторе трактора*.

Иными словами, «грешить» могут даже неодушевленные объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании (приводится по [14]).

4.4. Иллюстративный материал (приводится по данным Национального корпуса русского языка). Иллюстрируется каждый из выявленных 21 когнитивных признаков, включая полученные модификации в результате анализа парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей языкового воплощения концепта:

1. ‘Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)’.

- – *А такой тяжкий грех, как уныние, вам знаком?* [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // 100% здоровья. 2003.01.15] (здесь и далее текстовый материал из Национального корпуса русского языка приводится по [7]).

2. ‘Нарушение религиозных предписаний, правил’.

- *Бесплодную женщину принято в лучшем случае жалеть (вспомните Библию: отсутствие детей – знак божьей немилости, наказание за грехи)* [Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // 100% здоровья. 2003.01.15].

<....>

5. ‘Проступок, преступление’.

- *Шевардинадзе обвиняют во многих грехах – стремлении протянуть время, чтобы дать боевикам осесть на «зимних квартирах», постоянных консультациях с лидерами бандгрупп, намерении при помощи боевиков решить «абхазский вопрос»* [Михаил Виноградов. Пу-

стые сети политических рыбаков. Ресурсы политфорумов не работают в полную силу (2002) // Известия. 2002.10.01].

<....>

12. 'Человеческая слабость'.

• *Пока снег чистили, выпили, не спору. Грех после рыбалки не выпить. Потом по домам пошли* [Вероника РАНГУЛОВА. Очередной полицейский беспредел в Перми, снятый на видео: В вытрезвителе избивают загремевшего туда после рыбалки водителя «Скорой» // Комсомольская правда. 2011.04.08].

13. 'Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства'

• *Грех компьютера, или То, что непознаваемо* [Екатерина Чижова. Агностик или атеист – в чем разница? // Школа жизни.ру. Познавательный журнал (2013)].

• *Является ли грехом велосипед?* [Алена ЗАЙЦЕВА (Киров). Как за 20 лет построить крепкое хозяйство на три семьи // Комсомольская правда. 2011.03.31].

5. Новые явления в функционировании лексемы ГРЕХ в современной русской речи. Здесь описываются разнообразные языковые преобразования лексемы *грех* в русском языке новейшего периода (90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.). Всего было выявлено два типа новых явлений, которые также снабжены иллюстративным материалом. Источником выявленных типов являются данные Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга авторов).

5.1. Расширение сочетаемости слов – репрезентантов концепта ГРЕХ. Прежде всего это касается осмысления в терминах «греха» таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо: финансовая, политическая, спортивная и другие сферы:

1. 'Финансовые грехи': *Должникам приходится расплачиваться за чужие финансовые грехи; Финансовые грехи россиян* [Бизнес-журнал. 2006/12-13].

2. 'Экономические грехи': *«Первородный грех» белорусской экономики* [Матвей Свичеревский. Оппозиционеры: Диктатура в Белоруссии тупее, чем в России // Новый регион 2. 2011.01.17]; *Грех ли – не платить налоги?* [<http://ruskline.ru/analitika/2012/08/21>].

3. 'Политические грехи': *Политические «грехи» большевизма как источник сталинизма* [<https://www.1917.com/Marxism/Trotsky/>]

ВО/ВО_No_58-59/ВО-052306.html]; *Семь смертных политических грехов* [Анна Резникова. Эксперты ВШЭ: В кризис ФАС стала орудием решения политических проблем правительства // РБК Daily. 2011.02.09].

<....>

7. **‘Научные грехи’**: *Тогда мы можем отбросить приведенный выше сомнительный случай с греческим огнем и задать себе вопрос: были ли у науки грехи после 1752 года?* [Денис Михалев. Есть ли вероятность спасения, или Небесная математика // http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_7207.html].

8. **‘Педагогические грехи’**: [заголовок] *Педагогический грех...* [Елена Деревянко // <http://forbes.net.ua/woman/1389230>].

5.2. Преобразования слов – репрезентантов концепта ГРЕХ в коннотативно-оценочной сфере. Изменение сферы оценочности концепта *грех* связано с двумя тенденциями: 1) выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности; 2) приобретение некоторыми видами греха потенциальной положительно-оценочной коннотации.

5.2.1. Выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности. Этот процесс проявляется в синтаксической конструкции, где слово «грех» выступает в позиции предиката под действием модального оператора отрицания: ‘S – не грех’. Этот контекст позволяет диагностировать, что не является грехом для современного носителя языка:

Так, в число «не-грехов» ожидаемо попадает пьянство: *Усаживаясь в машину, молодой немец Халилович бросает приятелям: – Ну что, после второго места и по пивку не грех?* [Гусев Руслан. СО ВКУСОМ // Труд-7. 2001.06.09].

Эротика: *Как получилось, что в целомудренные 70-е Польша – страна со строгими религиозными взглядами – оказалась в авангарде эротического кинематографа? – Для католиков эротика – это не грех. В постеле супругов венчают именно для того, чтобы они этой самой эротикой занимались* [Стародубец Анатолий. БАРБАРА БРЫЛЬСКА: ЦЕЛОВАТЬСЯ С ИППОЛИТОМ Я ОТКАЗАЛАСЬ // Труд-7. 2005.12.29].

Прелюбодеяние: *Но если ты влюблен, то прелюбодеяние – не грех* [Галина Щербаква. Моление о Еве (2000)].

Блуд: *Встречаться с девушкой до свадьбы – это не грех* [Елена САДЫКОВА. Может ли считаться мусульманкой женщина с непокрытой головой? // Комсомольская правда. 2008.11.11].

Цинизм: *Циничность – не грех, это зрелость ума и трезвость при взгляде на вещи* [Вячеслав МАРКОВ, Эдуард ВОРОТНИКОВ. «Чудес по ксивам не бывает!» // Комсомольская правда. 2005.08.25].

Наркомания: *Boris, ты пиши из африканских стран – может, и я соберусь за первоклассной дурью – это не грех* [Что сейчас модно? (форум) (2005.06.07)].

5.2.2. Приобретение некоторыми видами греха потенциальной положительно-оценочной коннотации. Этот процесс проявляется в атрибутивной сочетаемости слова «грех» с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой – *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый*¹ и пр.:

Красивый грех к себе манил... [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)];

«Очаровательный маленький смертный грех» [Радио «Комсомольская правда». Кто мешает церкви продвигать свои идеи в общество? // Комсомольская правда. 2011.05.13].

Эти контексты позволяют диагностировать некоторые виды греха, которые потенциально или реально могут положительно оцениваться носителем языка. Это, например, такие грехи, как тщеславие, прелюбодейство, чревоугодие и пр.:

Тщеславие – мой любимый грех! [<https://quote-citation.com/film/9533>];

Приятный грех чревоугодия [Марина БАРКОВА. Сергей Трофимов разговелся самарскими куличами // Комсомольская правда. 2011.04.26];

Приятный грех прелюбодейства [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)].

¹ Здесь необходимо заметить, что представление о привлекательности греха, конечно же, не является приметой исключительно нового времени: модель греха как проявления соблазна существует в культуре с незапамятных времен. Однако, даже ощущая привлекательность греха, люди традиционной культуры осознавали его негативный характер, и поэтому в лингвокультурах прошлого явным образом позитивный оттенок греха в дискурсивных практиках не эксплицирован, грехом не бравировали, не хвалились, его стыдились. В новое время изменилось отношение общества к осознанию привлекательности греха. Сам характер речевой реализации концепта ГРЕХ отражает совсем иные установки говорящих, а именно установки на самопрезентацию привлекательности греха, на бравирование этой привлекательностью для говорящего и пр.

Материал приводится с комментариями (см. пример комментария):

Двойственность религиозного и внерелигиозного понимания греха прослеживается последовательно на всех уровнях его концептуального содержания и в наше время. С одной стороны, приведенные выше языковые данные свидетельствуют о том, что для восприятия данного концепта в языковом сознании значительной группы современных носителей языка, укорененной в системе ценностей современной светской культуры, характерна тенденция к так называемой **десакрализации** религиозных концептов, которая понимается как переосмысление традиционного религиозного компонента концептуального содержания в обытовленном, внерелигиозном ключе, а также в стилистическом снижении слов, изначально выражавших высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Приметой времени, отражающей современные реалии бездуховного общества потребления, выступают представления о том, что грех – это нормальное, а значит, прощительное свойство всех людей, что это норма жизни. Грех также может мыслиться в категориях удовольствия как нечто приятное человеку. Это связано с упрощенным пониманием греха в контексте установки на гедонистический образ жизни, которая вообще характерна для современного состояния цивилизации.

Однако, с другой стороны, учитывая социокультурную неоднородность современного российского общества, мы можем говорить и о том, что религиозно-православная направленность в понимании греха как преступления против воли Бога по-прежнему выступает в качестве устойчивой черты в языковом сознании. Это связано с определенной активизацией религиозной составляющей концептуального содержания *греха*, с очевидным возрастанием роли православного мировоззрения и христианской обрядности в современной России. В сознании носителей языка, прежде всего тех, которые ориентированы на православные ценности, наблюдается сохранение традиционной для русской культуры негативной оценочности греха, продолжают быть актуальны религиозные составляющие концепта, связанные с идеей искупления, раскаяния, покаяния и возмездия за грехи.

6. Краткое описание использованных словарных источников и источников текстового иллюстративного материала. Содержит список энциклопедических источников и словарей русского языка, а также библиографическое описание всех цитируемых в иллюстративном материале текстовых источников.

Выводы

Приводимые в словарной статье данные предоставляют нам объективные языковые свидетельства тенденции к десакрализации концептов религиозно-православного содержания в современной речевой практике носителей русского языка. В целом представленный в исследовании когнитивно-ориентированный лингвокультурологический подход к лексикографическому описанию ключевых концептов русской культуры способен существенно расширить представления о способах и формах освоения концептов в языковом сознании носителей языка, об особенностях функционирования слов – репрезентантов концептов в современной русской речи. Материал подобного рода, представляющий к тому же и чисто лингвострановедческий интерес, также может быть полезен и в разнообразных сферах преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
2. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1: А–З. 358 с.; 2007. Т. 2: И–О. 336 с.; 2009. Т. 3: П–Р. 332 с.; 2012. Т. 4: С–Я. 336 с.
3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. 338 с.
4. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2011. 1032 с.
5. Словарь концептов русской народной сказки / авт.-сост. Л.В. Грехнева, Т.М. Горшкова, Е.Р. Переслегина, Л.И. Ручина, А.В. Синелева. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2011. Ч. 1: Родственные связи. 171 с.; 2015. Ч. 2: Социальная функция. 170 с.
6. Человек и его язык. Материалы учебного комплексного лингвокультурологического словаря / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2005. Вып. 1. 53 с.; 2009. Вып. 2. 56 с.; 2011. Вып. 3. 40 с.; 2014. Вып. 4. 44 с.
7. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 258 с.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз ; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Русские словари, 1997. 416 с.

9. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М. : Издательский дом ЯСК, 2017. 92 с. (Язык. Семиотика. Культура).

10. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. II. 767 с.

11. Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2003. № 1. С. 124–130.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева ; под ред. и с пред. проф. Б.А. Ларина. М. : Прогресс, 1986. Т. I. 573 с.

13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз.-Медиа, 2006. Т. 1. 624 с.

14. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*: Вып. 7 (*golvašъ – gyžati) / отв. ред. О.Н. Трубачев. М. : Наука, 1980. 226 с.

15. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «фрессато») // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 167–177.

16. Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. 768 с.

17. Толстая С.М. Грех в славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. Академическая серия. М.: Пробел, 2000. Вып. 5. С. 9–60.

18. Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М. : Наука, 2005. 287 с.

19. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.

20. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 395–417.

21. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

The Concept “Grekh” (“Sin”) in the Context of the Lexicographic Description of Key Concepts of Russian Culture

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 36–59.

DOI: 10.17223/22274200/15/3

Timur B. Radbil, Vadim V. Saygin, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: timur@radbil.ru / saygin@unn.ru / sekretar@ahch.unn.ru

Keywords: concepts of Russian culture, learner’s dictionary of concepts, concept “grekh” (“sin”), Russian language.

The idea of a learner's dictionary of concepts of Russian culture which is still on the stage of designing is discussed in the article. The aim is to present principles of a lexicographic description of key concepts on the example of the concept "grekh" ("sin"). The theoretical foundations of the study are A. Wierzbicka's conception of "language of culture" research, T.B. Radbil's principles of analysis of language conceptualization of the world, Yu.D. Apresyan's ideas of integrative description of a language, and theoretical bases of a lexicographic interpretation of constants of national culture in Yu.S. Stepanov's works. The methodology of conceptual analysis in the aspect of its practical application in the sphere of a lexicographic description of concepts of Russian traditional culture designed by linguists of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod is used in the work. The materials of the analysis are the data of modern philosophical and religious dictionaries and encyclopedias, the basic Russian lexicographic sources – explanatory and etymological dictionaries, dictionaries of synonyms, antonyms, idioms, word building, and the data of the Russian National Corpus.

The dictionary entry "grekh" of the presented dictionary of concepts is analyzed. The dictionary definition of the concept has a complex character and includes linguistic and extra-linguistic data. The dictionary entry, therefore, is voluminous, detailed and extensive, with an expanded zone of illustrative material of different kinds, with graphic schemes, etc. It includes a description of the concept's cognitive signs and the scope of meanings, a model of its semantic structure, a definition of paradigmatic, syntagmatic and derivative peculiarities of the concept's verbalization, etc. It is a learner's dictionary, that is why the entry has a significant share of detailed commentaries on the represented definitions and on the illustrative language and text materials. A complex of questions and training tasks for students is also provided. The dictionary entry consists of the following composition fragments: (1) *the etymological zone*; (2) *the extra-linguistic interpretation of the content and extent of the category "grekh" in cultural consciousness*; (3) *the conceptual content and the scope of meanings of the concept "grekh"*; (4) *the language objectification of the concept "grekh"*; (5) *new phenomena in the functioning of the concept "grekh" in modern Russian speech*; (6) *a brief description of the sources used: dictionaries and language and text illustrative materials*. The duality of the religious and non-religious interpretations of sin is consecutively traced on all the levels of its conceptual content, and this phenomenon is reflected in the dictionary description of the concept.

Practical implications of the study consist in the possibility to apply its basic results in university teaching of linguoculturological disciplines as well as in the theory and practice of compiling dictionaries of concepts and linguoculturological thesauri.

References

1. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Babenko, L.G. (ed.) (2010) *Kontseptsfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovary* [The sphere of concepts of the Russian language: key concepts and their representations (on the material of vocabulary, phraseology and paromatology): A dictionary prospectus]. Yekaterinburg: Ural State University.
4. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Russkiy ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem ego mire (80 kontseptov, otnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy i material'noy sferam zhizni cheloveka)* [Russian ideographic dictionary: The world of man and man in the world around (80 concepts relating to the spiritual, mental and material spheres of human life)]. Moscow: Azbukovnik.
5. Grekhneva, L.V. et al. (2011–2015) *Slovar' kontseptov russkoy narodnoy skazki* [Dictionary of concepts of Russian folk tales]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
6. Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2005–2014) *Chelovek i ego yazyk. Materialy uchebnogo kompleksnogo lingvokul'turologicheskogo slovary* [Man and his language. Materials of a learner's complex linguistic culture dictionary]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
7. Saygin, V.V. (2015) *Kontseptual'noe pole "grekh" v prostranstve russkoy kul'tury: opyt kompleksnogo lingvokognitivnogo opisaniya* [The conceptual field of "sin" in the space of Russian culture: the experience of a comprehensive linguistic and cognitive description]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
8. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
9. Radbil', T.B. (2017) *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the world: paradoxes of interrelation]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
10. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Ruchina, L.I. & Gorshkova, T.M. (2003) *Izuchenie kontseptov v russkoy narodnoy skazke (lingvisticheskiy aspekt)* [The study of concepts in the Russian folk tale (a linguistic aspect)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Filologiya – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*. 1. pp. 124–130.
12. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Progress.
13. Chernykh, P.Ya. (2006) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.-Media.
14. Trubachev, O.N. (ed.) (1980) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Is. 7 (*golvač' – gyžati). Moscow: Nauka.
15. Panova, L.G. (2000) *Grekh kak religioznyy kontsept (na primere russkogo slova "grekh" i ital'yanskogo "ressato")* [Sin as a religious concept (on the example of the Russian word "grekh" and Italian "ressato")]. In: Yanko, T.E. et al. (eds) *Logicheskiy*

analiz yazyka: Yazyki etiki [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

16. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

17. Tolstaya, S.M. (2000) Grekh v slavyanskoy mifologii [Sin in Slavic mythology]. In: Belova, O.V. (ed.) *Kontsept grekha v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [Concept of sin in Slavic and Jewish cultural traditions]. Is. 5. Moscow: Probel.

18. Trubachev, O.N. (2005) *V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi* [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia]. Moscow: Nauka.

19. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok–Zapad.

20. Paducheva, E.V. (2000) O semanticheskoy derivatsii: slovo kak paradigma [On semantic derivation: the word as a paradigm]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [The Russian language today]. Is. 1. Moscow: Azbukovnik.

21. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 81'373.49

DOI: 10.17223/22274200/15/4

Н.Е. Реброва

ПОДВИЖНОСТЬ ПОМЕТЫ VERHÜLLEND КАК СПОСОБ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ РЕАЛЬНЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ

Работа посвящена проблеме постановки пометы verhüllend при лексикографической фиксации эвфемистических наименований в толковых словарях немецкого языка. Обнаружено, что различные способы постановки данной пометы (в зоне толкования или в зоне иллюстраций и примеров) служат основанием для дифференциации реальных и потенциальных эвфемизмов, специфическая функция которых проявляется в зависимости от контекста. Исследование способов словарной экспликации эвфемизмов позволяет решить проблему их «сопротивляемости» процессу лексикографирования.

Ключевые слова: реальные эвфемизмы, потенциальные эвфемизмы, словари немецкого языка, контекст, подвижность пометы, зоны словарной статьи.

Одним из специфических прагматических явлений современной коммуникации является использование эвфемизмов. З. Лухтенберг справедливо заявляет, что эвфемизмы можно обнаружить практически во всех сферах межличностной коммуникации, в рекламных объявлениях, речи политиков, средствах массовой информации и т.д. [1. С. 9].

Однако несмотря на высокую частотность использования эвфемистических наименований, лексикографический статус данных прагматически маркированных единиц в академических толковых словарях остается неясным, что проявляется в отсутствии единой системы экспликации эвфемизмов в лексикографических источниках, а также принципов выделения корпуса слов, которые должны сопровождаться соответствующими пометами. В результате в современных словарях помета, характеризующая слово или выражение как эвфемистическое, либо не используется вообще (например, в большинстве толковых словарей русского языка), либо используется в незначительной степени.

В монографии В.П. Москвина «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» представлена глава «Вопрос о лексикографическом описании эвфемизмов» [2. С. 245–257], посвященная краткому обзору словарей эвфемизмов, а также толковых словарей, имеющих в своем корпусе соответствующие пометы.

Анализируя современные словари эвфемизмов, автор справедливо отмечает, что работы данного жанра пользуются неизменным спросом и популярностью в Соединенных Штатах Америки. Это в первую очередь связано с «длительной традицией толерантности и политической корректности, культивируемых и даже закрепляемых в США законодательно» [2. С. 245]. Также В.П. Москвин указывает на очевидные слабые стороны подобных словарей, к которым относится то, «что в них практически не разводятся сферы эвфемии и грубо-эпатажной выразительности, эвфемии и обценной образности, эвфемии и грубой языковой игры, в результате чего, литературная эвфемия описывается “под одной крышей” с жаргоном, сленгом и грубым просторечием, а граница между данными взаимоисключающими явлениями не проведена» [Там же. С. 248].

Еще более сложным и малоизученным является вопрос возможности маркирования эвфемистических единиц в академических толковых словарях. Говоря о традициях русской лексикографии, В.П. Москвин подчеркивает, что «в большинстве современных отечественных словарей указанная помета не используется, а информация об эвфемизмах отсутствует» [Там же. С. 254].

А.Г. Вейсбергс, рассматривая данную проблему на материале одноязычных и двуязычных словарей английского, немецкого, русского и латвийского языков, приходит к выводу, что сущность эвфемистических единиц неодинаково понимается лексикографами, а единая стратегия маркирования их в толковых словарях отсутствует [3. С. 774]. По мнению исследователя, это заключается в малом количестве зафиксированных соответствующим образом эвфемизмов, их ограниченности определенными «традиционными» семантическими областями (смерть, интимные отношения, физиология человека), а также в непоследовательной постановке помет у идентичных эвфемистических единиц в разных словарях.

Н.М. Бердова в своем диссертационном исследовании анализирует семантическую взаимообусловленность между эвфемистическим наименованием и стигматичным антецедентом [4]. С этой целью она рассматривает типы дефиниций эвфемизмов, содержащихся в 10 наиболее репрезентативных немецких и немецко-русских словарях. При этом она делает вывод об отсутствии универсальных принципов лексикографирования эвфемизмов: «Итак, можно констатировать, что сопутствующие словарные пометы эвфемизмов не совпадают ни по

количеству, ни по нормативной и эмоционально-экспрессивной характеристикам... Случаи словарных совпадений маркированности эвфемизмов (полных или по большинству помет) довольно незначительны» [4. С. 63].

Р. Рада, подводя итог своему исследованию функционирования эвфемизмов в немецком языке, также приходит к заключению, что процесс лексикографической фиксации эвфемизмов сопряжен со значительными трудностями, но в то же время представляет материал для дальнейшего исследования [5. С. 196–197].

Причинами, обуславливающими «сопротивляемость» эвфемизмов лексикографической фиксации, являются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это быстрая девальвация эвфемистической функции [6. С. 21], вследствие которой единицы, служащие когда-то эвфемизмами, сами нуждаются в эвфемизации; с другой – тесная обусловленность активно используемых в коммуникации эвфемизмов контекстом.

В настоящей статье впервые предпринимается попытка анализа структуры словарной статьи с точки зрения возможности предоставления в ней информации об эвфемистическом потенциале заголовочной единицы с учетом ее контекстуального характера. В отличие от некоторых предыдущих работ (например, [4] и [7]), объектом исследования которых явились системные свойства эвфемизмов (прежде всего, их семантическая организация), выявленные посредством анализа лексикографических источников, целью данной статьи стало изучение принципов словарной фиксации эвфемизмов, обусловленных окказиональным характером их использования.

Контекстуальная обусловленность эвфемистических единиц объясняет относительно низкую степень их фиксации в современных толковых словарях немецкого языка: метод сплошной выборки позволил получить лишь 663 словарные статьи, зафиксированные в двух крупнейших толковых словарях немецкого языка – Универсальном словаре немецкого языка издательства Дуден (Deutsches Universalwörterbuch, далее DU) [8] и Словаре современного немецкого языка под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, далее WdG) [9]. Анализу подвергались все статьи, содержащие указания на возможности функционирования заголовочной единицы в качестве самостоятельного эвфемизма или части эвфемистического выражения.

В немецкой лексикографии основным средством маркирования эвфемистических единиц является помета *verhüllend* (досл. *завуалировано*). Данная помета относится к стилистическим лексикографическим пометам и указывает на специфическую коммуникативную интенцию (предотвращение коммуникативного дискомфорта), реализуемую продуцентом при использовании соответствующих языковых единиц.

Н.М. Бердова, исследуя практику лексикографической фиксации эвфемизмов на материале наиболее репрезентативных словарей немецкого языка, отмечает использование двух основных помет, с помощью которых маркируется эвфемистическая лексика – *verhüllend* и *euphemistisch* [4. С. 63]. Исследователь не предлагает никаких дифференцирующих оснований для сопоставления данных помет, однако можно предположить, что выбор той или иной пометы обусловлен лексикографической концепцией словаря относительно функционального статуса эвфемистических единиц.

Строго говоря, термины *verhüllend* и *euphemistisch* не представляются равнозначными по своему объему и не являются абсолютными синонимами. В немецкой лингвистической литературе традиционно выделяются две основные функции эвфемистических наименований – *verhüllende und verschleiende Funktion* [1. С. 167]. Первая функция может быть обозначена как смягчающая или вуалирующая и является характерной для эвфемизмов, направленных на соблюдение тех или иных общественных или индивидуальных табу.

Вторая функция, маскирующая, присуща манипулятивным эвфемизмам, призванным приукрасить действительность, изобразить какой-либо предмет или явление лучше, чем это есть на самом деле. К таковым, например, относятся политические эвфемизмы.

Таким образом, уместнее говорить о соотношении понятий *verhüllend* и *euphemistisch* как общего и частного. Из этого следует, что в исследуемых словарях зафиксированы не все потенциально существующие в языке эвфемизмы, а лишь смягчающие. Манипулятивные эвфемизмы фиксируются в словарях крайне нерегулярно. Подробнее вопрос функционально-семантической характеристики полученного корпуса эвфемистических наименований рассматривается в [7].

При анализе лексикографической экспликации эвфемизмов обращает на себя внимание не столько выбор лексикографической пометы, сколько ее место в структуре словарной статьи, коррелирующее

при этом со структурными свойствами эвфемизмов, а также степенью их воспроизводимости в речи.

Обнаружено, что помета *verhüllend* обладает **подвижностью**. Под подвижностью в данном случае мы понимаем возможность постановки пометы в разных зонах словарной статьи. Постановка анализируемой пометы непосредственно в зоне толкования значения всей заголовочной единицы, в зоне толкования одного из значений полисемического гнезда, а также в зоне иллюстраций и примеров свидетельствует о различной степени проявления эвфемистического значения в контексте и вне его и служит средством дифференциации реальных и потенциальных эвфемизмов.

Рассмотрим целесообразность использования вышеперечисленных способов лексикографической фиксации эвфемистических наименований, а также возможность выделения различных видов эвфемизмов, исходя из принципов их лексикографирования.

Первый выделенный нами способ постановки пометы *verhüllend* заключается в размещении ее непосредственно после зоны грамматической информации, сопровождающей вокабулу. При этом лемма характеризуется относительно простой семантической структурой, что доказывает отсутствие в структуре словарной статьи филиации, например:

Allerwertester, der Allerwerteste/ein Allerwertester; des/eines Allerwertesten, die Allerwertesten/zwei Allerwerteste (ugs. scherzh. verhüll.): *Gesäß* [8. S. 126].

Konzertlager, das (naz. umg. verhüll.) *Konzentrationslager* [9. <https://www.dwds.de/wb/wdg/Konzertlager>].

Stundenhotel, das (verhüll.): *Hotel, in dem Paare stundenweise ein Zimmer mieten, um geschlechtlich zu verkehren* [8. S. 1706].

Leibhaftige, der; -n, /ohne Pl./ (umg. verhüll.) *Teufel* [9. <https://www.dwds.de/wb/wdg/Leibhaftige>].

Подобная структура словарной статьи позволяет говорить о том, что единственное (прямое) лексическое значение единицы является эвфемистическим вне зависимости от контекста, что доказывает отсутствие иллюстративного материала в структуре словарной статьи. Однако такой способ постановки пометы в незначительной степени представлен в исследуемых словарях, что свидетельствует о достаточно непродуктивном использовании прямого значения лексических единиц в эвфемистической функции.

Более частотным является размещение пометы *verhüllend* в зоне членения значений леммы после соответствующей арабской цифры, например:

das Heu 3. (Jargon verhüll.): *Marihuana* [8. S. 843].

hinübergehen 2. (geh. verhüll.): *sterben* [Ibid. S. 863].

Stoff, der; -(e)s, -e 3. **d** /übertr./ (salopp verhüll.) *Rauschgift* [9. <https://www.dwds.de/wb/wdg/Stoff>].

Наконец, достаточно часто эвфемизмы представляют собой устойчивые словосочетания или фразеологизмы, на что указывает выделение их жирным шрифтом, а также использование аббревиатур *R* – Redewendungen (в DU), *bildl.* – bildlich и *übertr.* – übertragen (в WdG), например:

die Reise 1. * **seine letzte R. antreten** (verhüll.; *sterben*) [8. S. 1436].

der Umstand 1. * **in andere Umstände kommen** (veraltend verhüll.; *schwanger werden*) [Ibid. S. 1820].

rufen Ü Gott hat sie zu sich gerufen (verhüll.; *sie ist gestorben*) [Ibid. S. 1475].

Rasen, der /bildl./ (geh. verhüll.) ihn deckt schon längst der kühle R., er liegt schon lange unter dem grünen R. (*er ist schon lange tot*) [9. <https://www.dwds.de/wb/wdg/Rasen>].

Radieschen, das /übertr./ (salopp derb verhüll. scherzh.) sich /Dat./ die R. von unten besehen *tot, gestorben sein* [Ibid. <https://www.dwds.de/wb/wdg/Radieschen>].

Промаркированные вышеуказанными способами эвфемизмы обнаруживают ряд общих признаков, а именно:

1) однозначность семантики: «...за ними закреплено, как правило, одно эвфемистическое значение, реализующееся вне зависимости от контекста» [6. С. 123], что подтверждается сравнительно небольшим количеством иллюстративного материала;

2) наличие синонимических связей между эвфемизмом и замещаемым словом или словосочетанием;

3) схожие механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения (прежде всего, это метафорические и метонимические эвфемизмы).

Данные признаки позволяют категоризировать подобные наименования как **реальные эвфемизмы**. Они «воспринимаются таковыми большинством носителей языка вне контекста», «их важнейшим качеством является способность в любых условиях употребления (в раз-

личном контексте, а иногда и вне его) вызывать представления о конкретном предмете или явлении, конвенциональное наименование которого нежелательно по тем или иным причинам» [6. С. 123].

Другой вид эвфемистических наименований, обусловленный степенью зависимости эвфемистической функции от контекста, обнаруживается, когда помета *verhüllend* «сдвигается» в зону иллюстраций. Рассмотрим фрагмент словарной статьи к глаголу *behalten* (досл. *удерживать, сохранять*):

behalten 1. c) *an einem Ort belassen* der Kranke konnte endlich wieder die Nahrung bei sich b. (verhüll. *nicht erbrechen*) [8. S. 273].

Согласно словарной статье глагол *behalten* имеет три лексических значения, одному из которых присущи дополнительные семантические оттенки, обозначенные с помощью букв a, b, c, d соответственно. При этом ни одна из дефиниций не связана непосредственно с физиологическими аспектами жизнедеятельности человека, в частности с процессом рвоты. Однако в значении 1c (*an einem Ort belassen* – досл. *оставлять на месте*), данный глагол сопровождается примером *der Kranke konnte endlich wieder die Nahrung bei sich behalten* (досл. больной наконец-то смог удерживать в себе пищу вм. у больного больше не было рвоты), в котором глагол *behalten* воспринимается как антоним к глаголу *erbrechen* и приобретает эвфемистическое значение.

Реализация эвфемистической функции в этом случае становится возможной только благодаря лингвистическому контексту, образуемому такими единицами, как *der Kranke* (досл. *больной*), *die Nahrung* (досл. *пища*), *endlich* (досл. *наконец-то*), которые служат своеобразными коммуникативными маркерами того, что больной человек испытывает трудности с пищеварением. Без этих маркеров (при смене объекта или субъекта действия) эвфемистическая функция вряд ли была бы реализована.

Схожие способы лексикографирования эвфемизмов представлены и в WdG, например:

treiben II 2. /*bezeichnet ein bestimmtes Tun, Handeln*/ (hat) a) ... (verhüll.) es geht ihm sehr schlecht, er wird es sicher nicht mehr lange t. (*wird bald sterben*) [9. <https://www.dwds.de/wb/wdg/treiben>].

abhold ...verhüll. er war dem Wein nicht a. (*trank gern*) [Ibid. <https://www.dwds.de/wb/wdg/abhold>].

Полагаем, что постановка соответствующей пометы не у лексического значения в целом, а у конкретного примера является индикато-

ром контекстуального характера эвфемистического наименования и позволяет говорить о **потенциальных эвфемизмах**.

Потенциальными являются такие эвфемистические наименования, правильное декодирование которых обусловлено условиями общения и сопутствующим лингвистическим контекстом.

Анализ словарных статей, в которых помета *verhüllend* располагается в зоне иллюстраций, свидетельствует о следующих признаках потенциальных эвфемизмов:

1) корреляция с несколькими табуированными сферами одновременно; например, глагол *treiben* (досл. *делать что-либо, заниматься чем-либо*) в соответствующем контексте может иметь эвфемистическое значение *заниматься сексом*, а отрицательной форме (*nicht mehr treiben* – досл. *не делать ничего больше*) приобретает значение *умереть*;

2) «диффузная» семантика (чаще всего потенциальные эвфемизмы представлены местоимениями, словами с неопределенной семантикой, гиперонимами);

3) отсутствие синонимических связей между эвфемизмом и замещаемым словом или словосочетанием.

Рассмотренные примеры доказывают возможность лексикографической фиксации как реальных эвфемизмов, так и потенциальных эвфемистических наименований. Единственным средством дифференциации единиц, отличающихся степенью воспроизводимости эвфемистического значения, служит расположение соответствующей пометы; никаких иных топографематических способов выделения этих аспектов эвфемизации в словарях не предусмотрено; безусловно, это повышает важность целесообразной постановки данной пометы и наличия соответствующих примеров, иллюстрирующих эвфемистическую функцию в контексте.

Стоит отметить, что количество словарных статей, в которых помета *verhüll.* сопровождает непосредственно частный пример, а не лексическое значение в целом, не велико – 125 (18% от общего количества проанализированных статей). Следовательно, лексикографическая фиксация потенциальных эвфемизмов осуществляется лишь спорадически. Можно выдвинуть предположение, что зафиксированные единицы со временем могут закрепиться в узусе языка, т.е. перейти в разряд реальных.

Возможность постановки соответствующей пометы в различных зонах словарной статьи отчасти снимает противоречие между контек-

стуальным (а в некоторых случаях окказиональным) характером ряда эвфемистических наименований и их лексикографической фиксацией.

Литература

1. *Luchtenberg S.* Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 1985. Bd. 834. 299 s.
2. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
3. *Veisbergs A.* Euphemisms in general (monolingual and bilingual) dictionaries // *Lexicographica. Series Maior* 109. Niemeyer. P. 303–312.
4. *Бердова Н.М.* Эвфемизмы в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. 230 с.
5. *Rada R.* Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Akad. Kiado. Budapest, 2001. 212 s.
6. *Реброва Н.Е.* Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы // *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова*. 2015. № 4 Июль-Август. С. 121–125.
7. *Реброва Н.Е.* Функционально-семантическая характеристика эвфемизмов в аспекте лексикографического описания (на материале Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология*. 2014. № 2 (27). С. 175–181.
8. *Deutsches Universalwörterbuch*. 7, überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Dudenverlag. Mannheim, Zürich, 2011. 2112 s.
9. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6. Bänden / Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin : Akademie-Verlag. URL: <https://www.dwds.de/d/wdg> (дата обращения: 27.06.2018).

The Mobility of the Label *Verhüllend* as a Tool of Lexicographical Reflection of Actual and Potential Euphemisms

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 60–70.

DOI: 10.17223/22274200/15/4

Nataliya Ye. Rebrova, Rybinsk State Aviation Technical University (Rybinsk, Russian Federation). E-mail: natasharebrova@rambler.ru

Keywords: actual euphemisms, potential euphemisms, German dictionaries, context, label mobility, zones of dictionary entries.

The research covers the problem of euphemisms' differentiation in speech and language in terms of lexicographical tools used for their reflection in general German monolingual dictionaries (*Deutsches Universalwörterbuch* (DU), *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* (WdG)).

This problem seems to be insufficiently studied in modern linguistics. Most scholars dealing with euphemisms (V.P. Moskvina, A. Veisbergs, N.M. Berdova, R. Rada) consider euphemisms to be difficult to introduce into modern general dictionaries. It can be explained by the fact that euphemisms are contextually determined units. As a result, the analysis of dictionaries in question reveals certain inconsistencies in the way euphemisms are labeled, i.e. different tools are used for euphemisms to be marked.

The aim of the article is to investigate the structure of dictionary entries as far as the ways of expressing the euphemistic function are concerned.

The material consists of more than 600 examples of euphemisms fixed in general German monolingual dictionaries and obtained by the continuous sampling method.

As for dictionaries under consideration, the label “verhüllend” is mostly used for indicating euphemisms. But it can be differently placed within a dictionary entry. The author defines this property as the label mobility.

There are two main cases of how the label “verhüllend” is placed.

It can be found **before the meaning of the word or the word combination is explained**, e.g.:

Alkoholproblem, das (meist Pl.) (verhüll.): *Alkoholismus* (a): sie hat –e (*ist alkohol süchtig*) (DU)

Konzertlager, das (naz. umg. verhüll.) *Konzentrationslager* (WdG)

According to these dictionary entries, the word has only one meaning which does not depend on the context.

Another way of labeling euphemisms is to place the label **after giving the examples of the word usage**, e.g.:

mitnehmen 1. c) die Einbrecher haben nur Schmuck mitgenommen (verhüll.; *gestohlen*) (DU)

treiben II 2. /*bezeichnet ein bestimmtes Tun, Handeln*/ (hat) a) ... (verhüll.) es geht ihm sehr schlecht, er wird es sicher nicht mehr lange t. (*wird bald sterben*) (WdG)

In these dictionary entries, the euphemistic functions can be revealed only in the examples given.

The author suggests that different ways of placing the label refer to different kinds of euphemisms in terms of their ability to perform their euphemistic function in the context and beyond it.

The first way of placing the label indicates **actual euphemisms** that can preserve their euphemistic meaning in any contexts. Actual euphemisms can be easily decoded without any context by most of native speakers.

The second way of placing the label indicates **potential euphemisms** that perform their euphemistic function only in certain contexts. Potential euphemisms can also be understood in a proper way but they perform their function only under certain pragmatic circumstances.

Thus, tools of lexicographical reflection can be used for distinguishing between different kinds of euphemisms as far as the problem of language and speech is concerned.

References

1. Luchtenberg, S. (1985) *Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur*. Bd. 834. Frankfurt a. M.: Peter Lang.
2. Moskvín, V.P. (2007) *Eufemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of modern Russian]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
3. Veisbergs, A. (2016) Euphemisms in general (monolingual and bilingual) dictionaries. *Lexicographica. Series Maior*. 109. pp. 303–312.
4. Berdova, N.M. (1981) *Eufemizmy v sovremennom nemetskom yazyke* [Euphemisms in modern German]. Philology Cand. Diss. Kiev.
5. Rada, R. (2001) *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen*. Budapest: Akad. Kiado.
6. Rebrova, N.E. (2015) Actual, potential and occasional euphemisms. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 4 July–August. pp. 121–125. (In Russian).
7. Rebrova, N.E. (2014) The functional and semantic characteristics of euphemisms in lexicography (based on the Duden Dictionary of the German Language). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya*. 2 (27). pp. 175–181. (In Russian).
8. Dudenredaktion. (2011) *Deutsches Universalwörterbuch*. 7, überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, Zürich: Dudenverlag.
9. Klappenbach, R. & Steinitz, W. (Hrsg.) (1990) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6. Bänden. Berlin: Akademie-Verlag. [Online] Available from: <https://www.dwds.de/d/wdg>. (Accessed: 27.06.2018).

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'33

DOI: 10.17223/22274200/15/5

Д.В. Андрианова

ИЗМЕНЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ В «СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА» И В «БОЛЬШОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»¹

Проводится сопоставление принципов отражения фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (1948–1965) и в «Большом академическом словаре русского языка» (издается с 2004 г.). Прослеживаются концептуальные изменения, которые претерпел подход составителей и редакторов этих словарей к трактовке и отражению в нормативном толковом словаре разного рода устойчивых выражений и оборотов.

Ключевые слова: лексикография, фразеология, русский язык, толковый словарь, устойчивые сочетания.

Идиомы и устойчивые обороты всегда включались составителями в толковые словари русского языка [1. С. 437–447]. Значительная их коллекция содержится в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Созданный по принципу тезауруса, этот словарь до настоящего времени остается источником для извлечения и исследования русской фразеологии. В свою очередь «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), являясь нормативным толковым словарем, включает фразеологические единицы (ФЕ) более выборочно. Вместе с тем именно он стал «источником и толчком для развития фразеологии как самостоятельной научной и прикладной дисциплины... где впервые в мировой лексикографии был представ-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка», проект № 17-04-00552-ОГН.

лен и лексикографически тщательно разработан громадный массив фразеологизмов» [2. С. 587].

Изучению различных аспектов фразеологии в составе толковых словарей посвящены работы В.В. Виноградова [3. С. 243–264], А.М. Бушуя [4. С. 12–16; 5. С. 4–12], Ф.П. Сороколетова [1. С. 445–467] и мн. др. В то же время сопоставление принципов представления идиом и других устойчивых оборотов в ССРЛЯ и «Большом академическом словаре русского языка» (далее БАС¹) до настоящего момента, как представляется, не становилось предметом отдельного исследования.

ССРЛЯ создавался в период становления фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины (1948–1965), и концепция описания фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в этом словаре отражает современные ему достижения теоретической фразеологии и фразеографии. Однако на протяжении длительного периода составления и выпуска семнадцатитомного словаря шла работа по корректировке и совершенствованию его концепции. Изменения и нововведения были наиболее полно обоснованы в выпущенной в 1958 г. Инструкции для составителей словаря [6. С. 46–50 и др.], т.е. уже после того, как шесть первых томов были опубликованы. Во многом эта Инструкция остается руководством и для редакторов нового издания словаря – БАС (издается с 2004 г.). В то же время составители БАС, опираясь на достижения современной лексикографии и фразеологической теории, внесли в трактовку и принципы фиксации фразеологии и разного рода устойчивых выражений ряд принципиальных изменений, которые постулируются во вступительной части к первому тому словаря. В настоящей статье обратимся к особенностям подхода к отражению фразеологии в ССРЛЯ и БАС и на основании проведенного исследования предложим возможные изменения в оформлении рассматриваемых единиц, чтобы упростить работу с ними в массиве толкового словаря.

В первых томах первого издания ССРЛЯ еще нет четкой дифференциации фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов, речений (употребительных свободных сочетаний слов). Во Введении к первому тому ССРЛЯ находим следующее пояснение концепции состави-

¹ В период с 1991 по 1994 г. была предпринята попытка переиздания ССРЛЯ, но в силу внелингвистических причин это издание осталось незавершенным, поэтому в настоящей работе представлен обзор фразеологии только в ССРЛЯ (первое издание) и БАС (продолжающееся издание).

телей: «Устойчивые сочетания и выражения помещаются после иллюстративного материала того значения слова, с которым данное сочетание или выражение связано по смыслу» [7. С. XII], знак ромба (◇) «употребляется для обозначения употребления слова в речи (в образной речи, в сравнении, в устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах и т.п.)» [Там же].

Специфика такого недифференцированного подхода ССРЛЯ к сочетаниям слов разного характера становится особенно заметна при сопоставлении с аналогичными сочетаниями, представленными в БАС, где подход к пониманию и оформлению таких выражений соответствует более современной концепции разведения идиоматики (маркируемой тильдой), устойчивых выражений (обозначаемых ромбом) и частотных свободных сочетаний слов (не имеют специального знака) [8. С. 27]. Так, например, оборот *взять на abordаж* [7. С. 15] приводится в статье на слово *абордаж* без каких-либо дополнительных пояснений или помет после определения (в БАС таким образом оформляются речения). В БАС этот оборот выносится в ромб [8. С. 65], т.е. оформляется как устойчивое сочетание слов. Оборот *сверх, вне, не в счет абонемент* в ССРЛЯ приводится в качестве второго переносного значения к слову *абонемент* [7. С. 15], в то время как в БАС он определяется как фразеологическая единица (ФЕ) и выделяется знаком тильды (~) [8. С. 64]. В статье на слово *абсолют* особым знаком черного ромба (◆), который используется только в ССРЛЯ и служит для разграничения различных оттенков значения слова (в БАС этому обозначению соответствует знак //), отмечен используемый в философии сложный термин *абсолютная идея* [7. С. 18], в то время как в БАС это сочетание слов приводится под обычным ромбом [8. С. 68]. При этом в той же статье используемое в физике терминологическое обозначение *абсолютный нуль* в ССРЛЯ выделяется знаком шпалы (□), который используется в этом словаре «вообще для выделения какой-либо части словарной статьи» [7. С. XVII]. В БАС это терминологическое обозначение трактуется через знак ромба [8. С. 68], как и *абсолютная идея*. Кроме того, в БАС оборот *абсолютный нуль* приводится еще раз в конце статьи уже в качестве ФЕ, имеющей значение «о ничтожном, совершенно бесполезном в каком-л. деле человеке» [8. С. 68].

Обобщая наблюдения над практикой отображения устойчивых сочетаний и фразеологизмов в первых томах ССРЛЯ и БАС, изданном спустя более полувека после первого издания, следует отметить, что количество устойчивых оборотов и фразеологизмов, зафиксирован-

ных в словаре, в новом издании было значительно расширено [9. С. 186], в то же время ряд терминологических обозначений, характерных для советского времени, но потерявших актуальность и вышедших из употребления (*абсолютная земельная рента, абсолютная прибавочная стоимость* и под.), был сокращен. Однако наиболее заметны качественные концептуальные изменения. Вопросу отражения устойчивых сочетаний слов разного характера в БАС уделяется более пристальное внимание составителей, и сама лексико-фразеологическая система русского языка нашла в БАС значительно более логичное и стройное отображение.

Наблюдая за развитием подхода составителей первого издания к пониманию и отображению в словаре фразеологии, можно отметить постепенное внедрение более системного подхода за счет формирования теоретической базы. В этой связи, безусловно, нельзя не упомянуть разработанное В.В. Виноградовым положение о трех типах фразеологических единиц [10. С. 45–69], которое легло в основу дифференциации устойчивых оборотов в ССРЛЯ. Так, с одной стороны, уже в Инструкции для составителей описанию типов фразеологизмов, включаемых в словарь, посвящено несколько страниц [6. С. 46–49]. С другой стороны, в БАС очевидна тенденция к синтезу и унификации выделенных типов для их формализованного представления в словаре [8. С. 27–28].

Развитие этих теоретических принципов можно проследить на примере конкретных сочетаний слов, которые ССРЛЯ и БАС трактуются и оформляются по-разному. В частности, некоторые обороты, которые в Инструкции обозначены как «типичные (устойчивые) сочетания» и выделяются ромбами, в БАС относятся к разряду фразеологизмов (*вернуть к жизни, дать жизнь* и т.п.) и, соответственно, обозначаются тильдой.

Ромбом в БАС обозначается целый ряд оборотов: сочетания номинативного характера (*железная дорога, белый гриб* и т.п.); сочетания в значении служебных слов (*в виде чего-л.*); сочетания в значении наречий (в большинстве случаев именно к этому разряду относятся фразеологические обороты: *бок о бок, с душой (заниматься чем-л.), без души (делать что-л.), от души (смеяться, хохотать)* и т.п.¹); сочетания в значении вводных слов (*так сказать*). Кроме того, в ромбы

¹ В то же время некоторые наречные фразеологизмы выносятся в тильду (см. *по душам* – ‘искренне’ [13. С. 459], *от души* – ‘охотно’ [Там же. С. 458], *до души* – ‘очень сильно’ [Там же. С. 456], *до дьявола* – ‘много’ [Там же. С. 488]).

в БАС попадает значительное количество терминологических обозначений («*Пр о х о д н ы е р ы б ы*. Рыбы, входящие для размножения из морей в реки или, реже, из рек в моря» [11. С. 376]), речевых оборотов, демонстрирующих лексическую сочетаемость слова («*Пр о х о д я щ и й п о е з д*. Останавливающийся на промежуточной станции» [Там же. С. 377] и грамматических конструкций для демонстрации синтаксической сочетаемости («*Пр о х о д и т ь п о ч е м у - л*. Проходить по улице, по мосту» [Там же. С. 371])).

К фразеологии, маркируемой в БАС тильдой, относятся «различные по происхождению устойчивые семантически немотивированные словосочетания, обладающие, как правило, экспрессией и стилистической окрашенностью» (*бить баклуши*); «выражения, связанные с историей и мифологией» (*авгиевы конюшни*); «крылатые выражения» (*у разбитого корыта*) [8. С. 27–28], а также разного рода прецедентные тексты («*Птичку жалко!* *Ирон. и шутол.* О человеке, испытывающем чувство жалости (из фильма «Кавказская пленница»)» [11. С. 478] и др.

Помимо разницы в трактовке тех или иных оборотов как идиом или просто устойчивых оборотов БАС и ССРЛЯ отражают ряд прочих расхождений в понимании составителями природы различных выражений. Так, например, первый же оборот, выделенный в ССРЛЯ знаком тильды, – *грудная жаба*, т.е. «сердечное заболевание, связанное с сильными болями в груди» [12. С. 1] – в БАС выносится в отдельное значение [13. С. 556]. Устойчивое выражение *жаркие страны* в ССРЛЯ дается за знаком тильды [12. С. 35], в то время как в БАС этот оборот обозначается как речение ко второму значению слова *жаркий* «южный, тропический» [13. С. 577] и мн. др.

Объяснить расхождения такого рода можно, во-первых, подвижностью в лексико-фразеологической системе, ее диффузностью, которая допускает двоякую трактовку природы подобных оборотов, во-вторых, возможно, недостаточной четкостью критериев, разграничивающих частотное свободное сочетание слов, устойчивое выражение, ФЕ, оттенки значения или даже отдельные значения слов. В качестве других возможных причин расхождений в трактовке фразеологии в рассматриваемых изданиях словаря могут быть названы субъективность составителей, изменения в лексико-фразеологической системе, произошедшие за полвека после выпуска первого издания и т.д. Так или иначе, многочисленные расхождения в практике фиксации различных по степени устойчивости, слитности компонентов, образности

сочетаний слов в словаре свидетельствуют о том, что предлагаемая система параметризации оказывается не вполне соответствующей языковой системе, не описывает ее в достаточной степени дифференциации. Возможно ли в принципе в словаре графически зафиксировать достаточно диффузную фразеологическую систему на определенном этапе ее развития, остается открытым вопросом. Осмелимся предположить, что упорядочить и упростить работу лексикографов могло бы использование в работе составителей специальной компьютерной программы, которая на основании анализа уже созданной части словаря подсказывала бы редактору, какой пометой или символом маркируются подобные, например, по структуре сочетания слов, указывала бы на возможные повторы.

Еще один важный аспект оформления фразеологии в толковом словаре состоит в выборе принципа помещения фразеологической единицы в той или иной словарной статье, в зависимости от определения стержневого слова. Следует отметить, что разработанная в Инструкции система отнесения ФЕ в ту или иную словарную статью характеризуется непростой логикой. Так, за стержневое слово предлагается принять так называемый смысловой центр оборота [6. С. 47], который может быть выражен разными частями речи. Например, в ФЕ *выжатый лимон – выжатый, точка опоры – точка, развесить уши – развесить* и т.д. [Там же. С. 48]. Если же выделить «смысловый центр» не представляется возможным, то составителям словаря следует поместить ФЕ в словарную статью на «грамматически главенствующее слово»: *кот заплакал – кот, как ни в чем не бывало – быть* и т.п. [Там же]. Кроме того, в Инструкции предлагается располагать ФЕ в статье «по первому знаменательному (по порядку) слову», если ФЕ «представляет собой сочетание имени с предлогом, носящее наречный характер» (*не на шутку*), «повторение одного и того же знаменательного слова» (*с глазу на глаз*), «выражения, состоящие из слов, синтаксически равноправных» (*и стар и млад*) и «выражения, представляющие собой сравнительные обороты» (*как с гуся вода*) [Там же]. Отдельно также оговариваются обороты, «имеющие в своем составе архаические слова», которые располагаются в словарной статье на это слово (*тянуть канитель – канитель*) [Там же].

Попытка упростить эту громоздкую систему распределения ФЕ по словарным статьям словаря предпринимается составителями БАС. В вводной главе первого тома предлагается определять ФЕ в статью «на первое (по порядку) знаменательное слово фразеологизма, если

оно не является вариантным или факультативным компонентом» [8. С. 28]. Таким образом, если в ССРЛЯ обороты *расправлять / расправить крылья* или *расправлять / расправить плечи* располагались статьях *крыло* и *плечо* соответственно, то в БАС толкование этих ФЕ приводится под словом *расправлять* [14. С. 43]. В свою очередь ФЕ *душа с телом растается* в ССРЛЯ приводится в статье на слово *раставаться* [15. С. 823], а в БАС – в статье на слово *душа*. В то же время полного единообразия в этом вопросе, как представляется, составителям БАС пока не удастся достичь. Например, ФЕ *распускать / распустить перья* определяется в статье на слово *распускать* [14. С. 70], а оборот *распускать / распустить хвост* дается с отсылкой на слово *хвост* [Там же]; выражение *пройтись на чей-л. счет* дается в статье на слово *пройтись* [11. С. 81], а для оборота *пройтись по чьему-л. адресу* делается ссылка на слово *адрес*; ФЕ *протягивать / протянуть руку (помощи)* дается в статье на слово *протянуть* с отсылкой на слово *рука*, а следующий за ним ФЕ *ходить, стоять и т.п. с протянутой рукой* дается в статье на слово *протянуть* и т.д. По всей видимости, подобного рода несоответствия теоретических положений и практического их применения связаны с большим объемом данных, с которыми приходится работать составителям словаря, и строгое соблюдение предложенной теоретической системы при многолетней работе по редактированию и обновлению словаря с учетом большого количества перекрестных ссылок является сложно выполнимой задачей.

Обобщая рассуждение о фразеологической составляющей в ССРЛЯ и БАС, снова отметим, что именно ССРЛЯ первым из авторитетных толковых словарей ввел формальное разграничение типичных (устойчивых) сочетаний и собственно фразеологизмов (фразеологических сращений и фразеологических единств). В сопоставлении с подходом к отражению фразеологии в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и «Словаре русского языка» С.И. Ожегова ССРЛЯ «наиболее последователен в соблюдении порядка размещения и толкования ФЕ» [1. С. 445]. В то же время разработанная составителями ССРЛЯ концепция дифференциации ФЕ и устойчивых сочетаний, а также принцип соотнесения этих оборотов со словарными статьями многое оставляют на усмотрение редакторов-составителей словаря, что неизбежно влечет за собой значительную долю субъективности. Необходимо также отметить, что применяемый в БАС принцип фиксации фразеологии и устойчивых выражений, а также частотных

свободных сочетаний слов отражает современную лексико-фразеологическую систему русского языка, что является важнейшей задачей нормативного словаря. Вместе с тем система перекрестных отсылок, используемая в словаре для распределения ФЕ по словарным статьям, затрудняет пользование этим словарным источником для читателя, тем более современного читателя-пользователя, избалованного системой гиперссылок, реализуемой в электронных источниках. Учитывая чрезвычайно актуальную задачу перевода словарей из текстового формата в формат электронных баз данных для решения многообразных прикладных задач широкого круга лингвистов, кажется необходимым попробовать представить фразеологический материал в толковом словаре под несколько иным углом зрения – более формализованно, что позволило бы обрабатывать его в автоматическом режиме.

В качестве одного из возможных вариантов решения задачи формализации подхода к вопросу отнесения ФЕ к той или иной словарной статье можно предложить принцип алфавитного упорядочения пословиц и поговорок, применяемый европейскими лексикографами, начиная с XIX в., и успешно апробированный в словарной паремииологической трилогии В.М. Мокиенко [16. С. 8; 17. С. 10; 18. С. 7]. Речь идет о распределении ФЕ «по первому знаменательному слову – обычно существительному, концентрирующему в себе основной смысл паремии» [16. С. 7]. В отсутствие компонента-существительного его место занимает компонент-прилагательное, числительное, наречие, глагол и т.д.

Что касается дифференциации речений, устойчивых сочетаний слов и собственно идиом, эта система в БАС представляется достаточно логичной. В то же время субъективный выбор редактора, отнести ли тот или иной оборот к разряду фразеологизмов или просто устойчивых сочетаний, ценен как фиксация современного состояния языковой системы в понимании так называемого авторитетного носителя.

Чтобы сделать принципиально возможной автоматизированную работу с разного рода устойчивыми оборотами, представляется целесообразным маркировать каждый из этих оборотов определенным символом, как это делается в случае вынесения устойчивого оборота в ромб. Для этого необходимо каждую ФЕ предварять знаком тильды и создать отдельный маркер, которым будет помечено каждое предложение.

Таким образом, подводя итог размышлениям о развитии концепции лексико-фразеологического своеобразия русского языка на мате-

риале ССРЛЯ и БАС, стоит отметить, что благодаря многолетнему труду филологов, лексикографов, фразеологов, которые посвятили свою жизнь составлению этих словарей, в распоряжении современного исследователя оказывается чрезвычайно интересный массив уже структурированных, обработанных, обобщенных на основании современной лингвистической теории данных, которые в настоящее время нуждаются в обработке иного рода. Речь идет о необходимости сделать эти данные доступными для работы в электронном виде, и актуальность этой задачи представляется настолько очевидной, что не требует дополнительной аргументации. В связи с этим, по-видимому, назрела необходимость соответствующим образом пересмотреть роль собственно лексикографа. Он должен выступить в роли аналитика базы данных по отношению к уже существующему текстовому словарию, чтобы адаптировать этот материал под новый формат – формат электронной базы данных. Таким образом, новое поколение специалистов и пользователей словаря получит возможность максимально продуктивно использовать все те теоретические наработки и материалы, которые к настоящему моменту были аккумулированы в БАС, для выполнения диктуемых временем новых теоретических и прикладных задач.

Литература

1. *История русской лексикографии* / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб. : Наука, 1998. 610 с.
2. *Скляревская Г.Н.* Современная русская лексикография: достижения и лакуны // *Славянская лексикография*. М. : Азбуковник, 2013. С. 579–614.
3. *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956) // *Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977. С. 243–264.
4. *Бушуй А.М.* Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 32 с.
5. *Бушуй А.М.* Словарная репрезентация фразеологии // *Фразеология в тексте и словаре*. Самарканд : СамГУ, 1986. С. 4–19.
6. *Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка»* (в пятнадцати томах). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 86 с.
7. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1: А–Б. 768 с.
8. *Большой академический словарь русского языка* : в 30 т. / под ред. К.С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2004. Т. 1: А–Б. 664 с.

9. Кругликова Л.Е. Большой академический словарь русского языка как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rusística Española. 2012. № 8. С. 177–198.

10. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819–1944). Л., 1946. С. 45–69.

11. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. А.С. Герда. СПб. : Наука, 2012. Т. 21: Прodelать–Пятью. 632 с.

12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4: Ж–З. 1366 с.

13. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К.С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2006. Т. 5: Деньга–Жюри. 696 с.

14. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. А.С. Герда. СПб. : Наука, 2014. Т. 23: Расплыв–Розниться. 785 с.

15. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 11: Пра–Пятью. 1842 с.

16. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007.

17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : Олма Медиа Групп, 2008.

18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаевна Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : Олма Медиа Групп, 2010.

The Changes in the Lexicographic Principles of Representation of Phraseological Units and Stable Word Combinations in the *Dictionary of the Modern Russian Literary Language* and in the *Large Academic Dictionary of the Russian Language*
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 71–82.
 DOI: 10.17223/22274200/15/5

Daria V. Andrianova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: yakonukdar@yandex.ru

Keywords: lexicography, phraseology, Russian language, dictionary, stable combinations of words.

The article compares basic principles of reflection of phraseological units and stable word combinations in the *Dictionary of the Modern Russian Literary Language* (1948–1965) and in the *Large Academic Dictionary of the Russian Language* (2004–present).

In the article, the author tries to trace and describe some changes in the dictionary authors' approach to the inclusion and figuration of various types of stable word combinations and idioms in the dictionaries. Phraseology is traditionally included in the dictionaries of the Russian language. However, it was the period of the compilation of the *Dictionary of the Modern Russian Literary Language* that coincided with the beginning of the active development of the theory of phraseology, and the authors of the first volumes of the dictionary gradually introduced its achievements into their lexicographic practice. In the first four volumes of the first edition of the dictionary, one can see a rather undifferentiated approach to the formulation of phraseology, while the subse-

quent volumes show much clearer principles for the separation and figuration of idioms and other stable word combinations. In the latest edition of the dictionary, these principles have been largely improved and simplified, brought into line with modern lexicographic practice and modern phraseological theory. The difference in the authors' concept is especially obvious when comparing the same stable word combinations in these two dictionaries.

In the final part of the article, the author proposes to consider phraseology in the dictionary more formally, given the urgent task of our time of translating dictionaries from text format to the format of electronic databases. Due to this, it seems necessary to try to present the phraseological material in the modern dictionary in a format that can be processed in an automatic mode.

In particular, the author of the article suggests one of the possible variants of solving the problem of assigning an idiom with one of the words in it, using the principle of alphabetical ordering "by the first significant word, commonly a noun". If there is no noun in the idiom, one should refer the idiom to the first adjective (if there is none, to the first adverb and so on).

A possible solution for an automated work with various kinds of stable word combinations is to label each of these combinations and each idiom (not only the first in line).

In the conclusion of the article, the author notes that it seems that there is a need to revise the role of the lexicographer working on a modern dictionary. A contemporary lexicographer should act as an analyst of the database in relation to the already existing text dictionary in order to solve the problem of adapting this material to a new format – the electronic database format.

References

1. Sorokoletova, F.P. (ed.) (1998) *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka.
2. Sklyarevskaya, G.N. (2013) *Sovremennaya russkaya leksikografiya: dostizheniya i lakuny* [Modern Russian lexicography: achievements and lacunae]. In: Chernysheva, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic lexicography]. Moscow: Azbukovnik.
3. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 243–264.
4. Bushuy, A.M. (1983) *Leksikograficheskaya i bibliograficheskaya reprezentatsiya frazeologii* [Lexicographical and bibliographical representation of phraseology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
5. Bushuy, A.M. (1986) *Slovarnaya reprezentatsiya frazeologii* [Representation of phraseology in dictionaries]. In: Bushuy, A.M. et al. (eds) *Frazeologiya v tekste i slovare* [Phraseology in the text and dictionary]. Samarkand: Samarkand State University.
6. Obnorskiy, S.P. et al. (eds) (1958) *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovaryakh sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadtsati tomakh)* [Instructions for compiling The Dictionary of the Modern Russian Literary Language" (in fifteen volumes)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

7. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [Large Academic Dictionary of the Russian Language: in 30 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
9. Kruglikova, L.E. (2012) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka kak prodolzhatel' traditsiy russkoy akademicheskoy leksikografii* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language as a follower of the traditions of russian academic lexicography]. *Cuadernos de Rusística Española*. 8. pp. 177–198.
10. Vinogradov, V.V. (1946) *Osnovnye ponyatiya russkoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny* [The basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. In: Balukhatyy, S.D. & Berkov, P.N. (eds) *Trudy yubileynoy nauchnoy sessii LGU (1819–1944)* [Proceedings of the jubilee scientific session of Leningrad State University (1819–1944)]. Leningrad: Leningrad State University.
11. Gerd, A.S. (ed.) (2012) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [Large Academic Dictionary of the Russian Language: in 30 vols]. Vol. 21. St. Petersburg: Nauka.
12. Chernyshev, V.I. (ed.) (1955) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2006) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [Large Academic Dictionary of the Russian Language: in 30 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka.
14. Gerd, A.S. (ed.) (2014) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [Large Academic Dictionary of the Russian Language: in 30 vols]. Vol. 23. St. Petersburg: Nauka.
15. Chernyshev, V.I. (ed.) (1961) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: USSR AS.
16. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.
17. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [Large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: Olma Media Grupp.
18. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaevna, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp.

УДК 81'282

DOI: 10.17223/22274200/15/6

Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик, И.А. Пушкарёва

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ РУССКИХ ГОВОРОВ КУЗБАССА В НАЧАЛЕ XXI в.¹

Представлена концепция двух словарей XXI в., фиксирующих лексику и фразеологию русских говоров Кузбасса, – «Словаря русских говоров Кузбасса (дополнение)» и «Словаря ремесленно-промышленной лексики говоров Кузбасса». Охарактеризованы тип и состав словарей, структура и особенности словарных статей (специфика толкования значения, включения грамматических характеристик, помет, отражающих особенности функционирования слова или фразеологической единицы, своеобразие иллюстративного материала).

Ключевые слова: русские говоры Сибири, русские говоры Кузбасса, старожильческие и новосельческие говоры, диалектная лексикография, диалектный словарь дифференциального типа, терминологический словарь.

В XXI в. продолжается разработка областных диалектных словарей (о лексикографических проектах сибирских диалектологических школ см.: [1, 2]). Словари в различных аспектах отражают диалектный материал, собранный в регионах России [3–6 и др.]. Как отмечает О.В. Фельде, «в обширном круге исследований, посвященных развитию лингвистической мысли в России, становлению научных направлений и школ по-прежнему недостает сведений об истории региональных лингвистических объединений, целью которых является изучение русского языка, функционирующего в поликультурных и многоязычных условиях Сибири и Дальнего Востока» [6. С. 463].

Говоры Кузбасса относятся к диалектам позднего образования, сложившимся на базе разных материнских говоров в результате многочисленных миграционных процессов, связанных с переселенческим движением в нынешнюю Кемеровскую область как с территории европейской части России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, так и из различных сибирских регионов, а также в результате контактов с языком сибирских аборигенов. «Первооткрывателем кузнецких говоров» известный томский диалектолог В.В. Палагина называет В.И. Панова,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-412-420001.

который заведовал кафедрой русского языка Сталинского учительского института (позднее – Новокузнецкого государственного педагогического института) в 1944–1945 и 1949–1956 гг. (см. об этом: [7. С. 8]). «Диссертационное сочинение В.И. Панова “Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области” (1954 г.), кроме уникальных материалов по региональному языку, содержит сведения по географии и истории заселения Кузнецкого района» [Там же. С. 10]. Приложением к диссертации В.И. Панова являются «Материалы для словаря кузнецких говоров», которые наряду с материалами диалектологических экспедиций, организованных кафедрой русского языка Новокузнецкого пединститута, использованы при составлении «Словаря русских говоров Кузбасса» 1976 г. [8], содержащего более 3 000 словарных статей. Идейным вдохновителем авторского коллектива словаря и ответственным редактором стала заведующая кафедрой русского языка О.А. Любимова (ею написано 1 600 словарных статей). В авторский коллектив вошли также Н.В. Жураковская (соредактор), С.И. Иванищев, М.Ф. Номоконова, Г.С. Оксман, Г.В. Уйманова. Принципы «Словаря русских говоров Кузбасса» во многом были выработаны с опорой на более ранние лексикографические труды томских диалектологов [9, 10].

В настоящее время лексикографическая фиксация говоров является важной и необходимой, поскольку, находясь на периферии языкового сознания в связи с нивелировкой русских народных говоров, диалектная лексика и фразеология, с одной стороны, уже безвозвратно исчезла из местного говора, а с другой стороны, активно заменяется соответствующими литературными синонимами. Языковой материал, зафиксированный в региональных словарях, хранит «сокровища народно-разговорной речи, являющейся национальным достоянием, основой основ литературного языка; [региональные словари] отражают в словах и фразеологизмах быт и духовный мир народа, его историю, психологию, социально-экономические и иные отношения, обычаи, обряды, производственную сферу, мир природы и т.д.» [11. С. 5].

В статье представлена концепция двух словарей XXI в., фиксирующих лексику и фразеологию русских говоров Кузбасса, – «Словаря русских говоров Кузбасса (дополнение)» [12] и «Словаря ремесленно-промышленной лексики Кузбасса» [13].

Прошло почти сорок лет с тех пор, как вышел в свет «Словарь русских говоров Кузбасса», созданный преподавателями-русистами

Новокузнецкого государственного педагогического института¹. Однако за десятилетия, прошедшие после опубликования словаря, на факультете русского языка и литературы продолжалось систематическое диалектологическое обследование Кемеровской области. Собираение и первичная обработка диалектного материала осуществлялись, главным образом, во время диалектологических практик студентов под руководством преподавателей-диалектологов кафедры русского языка². Картотека «Словаря русских говоров Кузбасса» пополнилась новыми лексическими и фразеологическими материалами, поэтому было принято решение о лексикографической обработке этих материалов и подготовке к изданию дополнения к словарю.

В дополнении к «Словарю русских говоров Кузбасса» содержится описание около 2 400 слов и фразеологических единиц традиционных старожильческих говоров Кемеровской области. При этом составители постарались сохранить те основные принципы и приемы отбора и описания диалектной лексики и фразеологии, которые легли в основу «Словаря русских говоров Кузбасса». В дополнении отражены не только материалы картотеки «Словаря русских говоров Кузбасса», но и записи, собранные в ходе непосредственных бесед составителей с диалектоносителями, а также содержащиеся в изданиях, подготовленных кафедрой русского языка Кузбасской государственной педагогической академии [14, 15].

Данный словарь является диалектным словарем дифференциального типа, так как отражает диалектную лексику и фразеологию старожильческих говоров Кемеровской области. В него включены слова и фразеологизмы, которые можно подразделить на несколько групп: 1. Собственно диалектная лексика – слова, которые отсутствуют в современном русском литературном языке: **бобожо́к** – трость, посох; **дото́ркаться** – достучаться и т.п. 2. Семантические диалектные варианты общерусских единиц, отличающиеся от омонимичных слов современного русского литературного языка лексическим значением: **ёлочка** – комнатное растение аспарагус; **ка́ркать** – издавать звуки «ко-ко-ко» (о петухах) и т.п. 3. Этнографическая лексика – названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства данной местно-

¹ С 2002 г. – Кузбасская государственная педагогическая академия; с 2014 г. – Центр педагогического образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.

² С 2010 г. кафедра русского языка и литературы.

сти, не имеющие параллелей в современном русском литературном языке: **андиря́дка** – верхняя мужская одежда типа кафтана свободного покроя, сшитая из домотканого полушерстяного сукна; **ла́тка** – глиняная посуда для жаренья, род сковороды с высокими краями, круглой или продолговатой формы и т.п. 4. Фонематические диалектные варианты общерусских единиц – слова, совпадающие по значению с соответствующими словами современного русского литературного языка и отличающиеся от них одной фонемой: **декта́р** – гектар; **сусе́дский** – соседский и т.п. 5. Акцентологические диалектные варианты общерусских единиц – слова, которые имеют иное, чем в современном русском литературном языке, ударение: **быстри́на** – быстрина́ и т.п. 6. Словообразовательные диалектные варианты общерусских единиц – слова, отличающиеся от соответствующих им слов современного русского литературного языка своим морфемным составом: **быва́лоча** – бывало; **житу́ха** – житьё и т.п. 7. Грамматические диалектные варианты общерусских единиц, имеющие иные, чем в современном русском литературном языке, грамматические характеристики: **кубо́ме́тра** – кубометр; **выпаса́** (только мн. ч.) – выпас и т.п. 8. Диалектные фразеологические единицы – локально распространенные, не входящие в состав современного русского литературного языка устойчивые воспроизводимые сочетания слов, имеющие целостное значение: **волосно́е правле́ние** – волосы; **помеша́ться умо́м** – сойти с ума, потерять рассудок и т.п.

Слова в дополнении к «Словарю русских говоров Кузбасса» располагаются в алфавитном порядке. Заглавное слово приводится в орфографическом написании, печатается с абзаца крупным полужирным шрифтом с указанием ударения, ударный гласный отмечается строчной буквой: **БОРЧа́ТКА**, **ДВУСи́ЛЬНЫЙ**, **ЗАКо́РЧИТЬ** и т.п. После заголовочного слова приводятся грамматические характеристики слова:

1. Исходной формой существительного является именительный падеж единственного числа с указанием формы родительного падежа и родовой принадлежности: **БаМ**, -а, м.; **ГЛыБЬ**, -и, ж.; **КЛЕВЕ-Ри́ЩЕ**, -а, ср.; **МАТа́НЯ**, -и, м. и ж.).

Существительные, для которых исходной формой является именительный падеж множественного числа, сопровождаются указанием на форму родительного падежа и пометой «только мн.»: **ДЕРУНЫ́**, -ов, только мн.

Собирательные существительные характеризуются по образцу: **ЗЕЛЕНе́Ц**, -нца, м.; собир.

2. Имена прилагательные приводятся в именительном падеже мужского рода с указанием на окончания форм женского и среднего рода: **ДВОЙНёВЫЙ**, -ая, -ое.; **ОБу́ИСТЫЙ**, -ая, -ое и т.п.

Если прилагательное употребляется только в форме одного из грамматических родов, то оно дается в заглавной статье только в исходной форме этого рода без указания других родовых окончаний: **СКо́ТНАЯ. Вынашивающая в себе плод (об овце, козе); суягная** и т.п.

При субстантивированных прилагательных дается окончание родительного падежа единственного числа, указывается род и приводится выражение «в знач. сущ.»: **Ба́ННЫЙ**, -ого, м., в знач. сущ. и т.п.

3. Исходной для глагола является форма инфинитива. Глаголы сопровождаются пометой, указывающей на вид и переходность / непереходность (несов., сов.; переход, непереход.): **ДИВОВА́ТЬСЯ**, несов., непереход.; **ПОРЕЗо́НИТЬ**, сов., переход. и т.п.

Безличные глаголы получают помету «безл.»: **Вы́ВЕДРЕТЬ**, сов., непереход., безл. и т.п.

4. Местоимения сопровождаются указанием на лексикограмматический разряд; при местоимениях, соотносимых с именами прилагательными, приводятся окончания форм женского и среднего рода: **ОНе́**, личн. мест.; **е́НТОТ**, -а, -о; указат. мест. и т.п.

5. Для неизменяемых слов приводится указание на принадлежность к определенной части речи: **БЕЗОБе́ДНО**, нареч.; **ВСТРе́Чь**, предлог; **Ды́К**, част. и т.п.

После указаний на грамматические характеристики за точкой с запятой могут идти пометы, отражающие особенности функционирования диалектного слова или фразеологической единицы: **БЕР-Га́Л**, -а, м.; устар. **Крепостной рудниковый, приисковый рабочий или приписанный к руднику, приisku крестьянин; ГОЛ-Ди́ТЬ**, несов., непереход.; неодобр. **Надоедать разговорами; ГОВОри́ТЬ ПО ПУТе́**. Одобр. **Высказывать правильные, дельные мысли** и т.п. (назовем другие пометы словаря, отражающие особенности функционирования диалектного слова или фразеологической единицы: «бран.», «ирон.», «ласк.», «почтит.», «предосудит.», «презрит.», «пренебр.», «снисход.», «уважит.», «уменьш.-ласк.», «уменьш.-пренебр.», «уменьш.-уничиж.», «уничиж.», «шутл.», «шутл.-ирон.», «экспр.»).

Охарактеризуем специфику толкования значения слова или фразеологической единицы в словарных статьях. Слова, легко соотносимые по семантике с литературными, толкуются способом синонимической подстановки или их значение раскрывается в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления: **АБо́ДЬЕ**, -я, ср. **Удача**; **ВЕРЕя́**, -и, ж. **Столб, на который навешивается створка ворот**; **АЛёША ТЕМи́РСКИЙ**. Неодобр. **Несерьёзный, сумасбродный человек** и т.п. Кроме того, используются описательные определения с элементами энциклопедизма с целью определить все известные понятийные признаки: **АНДИРя́ДКА**, -и, ж.; устар. **Верхняя мужская одежда типа кафтана свободного покроя, сшитая из домотканого полушерстяного сукна** и т.п. По возможности после дефиниции через точку с запятой указывается литературный эквивалент: **БОБОЖо́К**, -ка, м. **Палка, на которую опираются при ходьбе; трость, посох** и т.п.

При наличии у слова или фразеологической единицы полисемии значения даются в статье арабскими цифрами 1, 2 и т.д., при этом порядок следования лексико-семантических вариантов определяется логической связью между ними (насколько она может быть установлена):

БОЖНИ́ЧКА, -и, ж. 1. **Полка для икон.** – А это жена салфетку на божничку вышивает (У.-Кабыр.¹).

2. **Полка с иконами; божница.** – А божничка у нас в переднем углу (Безр.²).

♦ **ЛеЗТЬ В ГЛАЗа́**. Экспр. 1. **Надоедать частыми просьбами.** – Плохо – нет своей косилки, каждый раз приходится к брату в глаза лезть (Кузед.³).

2. **Намеренно привлекать внимание.** – Она так и лезет в глаза начальству (Кузед.).

3. **Неотвязно, настойчиво возникать, появляться в сознании.** – Тут ко мне сосед приходил. «Тётъ Насть, ну давай, ну спой». А я го-

¹ Условное сокращение географического названия: Усть-Кабырза, Таштагольский район.

² Условное сокращение географического названия: Безруково, Новокузнецкий район.

³ Условное сокращение географического названия: Кузедеево, Новокузнецкий район.

ворю: «Когда не надо – и песни в глаза лезут, а когда надо – и не вспомнишь ничего». Нет, я ему говорю (Круг.¹).

Омонимы снабжаются цифровым индексом и разрабатываются в разных словарных статьях:

ПАРЁНИЦА, -ы, ж. **Пареные овощи**; см. парё'нка². – Любила я парёницу (Баз.²).

ПАРЁНКА¹, -и, ж. **Помещение в бане, где парятся; парильня**. – А паримся в парёнке (Чул.³).

ПАРЁНКА², и, ж. **То же, что парёница**. – Кашу варили, парёнки парили со свёклой, с морковкой, с брюквой, пироги с ягодой, со смородиной, с голубикой (Пром.⁴).

Абсолютные синонимы, акцентологические, фонематические, словообразовательные, морфологические и фразеологические варианты приравняются к самостоятельным единицам с целью показать территориальные особенности наименования одного и того же понятия, разрабатываются в отдельных словарных статьях и при определении значения отсылаются словами «то же, что» к наиболее часто употребляемому в говорах слову или фразеологической единице: **ВШИ'ВНИК**, -а, м. **То же, что вши'вик**; **КРУТи'ТЬ КОРо'ВАМ ХВОСТы'**. Пренебр. **То же, что крути'ть быка'м хвосты'** и т. п.

В толкованиях местных названий растений используется специальная латинская терминология: **БОРДОВОГОло'ВНИК**, -а, м. **Травянистое растение кровохлёбка лекарственная**. *Sanguisorba officinalis* L. и т. п.

Фразеологические единицы и устойчивые сочетания терминологического характера, как и в «Словаре русских говоров Кузбасса» [8], помещаются и толкуются на алфавитном месте по первому компоненту за знаком ◇ (стоячий ромб):

◇ **АЛё'ША ТЕМи'РСКИЙ**. Неодобр. **Глупый хвастливый человек**.

¹ Условное сокращение географического названия: Кругленькое, Новокузнецкий район.

² Условное сокращение географического названия: Базанча, Таштагольский район.

³ Условное сокращение географического названия: Чулеш, Таштагольский район.

⁴ Условное сокращение географического названия: Промышленная, Промышленновский район.

◇ Бе'ЛАЯ КРАПи'ВА. Травянистое растение яснотка белая (крапива глухая). *Lamium album* L.

◇ В ОХо'ТОЧКУ. Охотно, с удовольствием, с желанием.

◇ ДАВа'ТЬ ДРо'БИ. Экспр. Плясать, отбивая каблуками частые, ритмически повторяющиеся звуки.

Каждое значение слова и фразеологической единицы сопровождается иллюстрациями. В связи с техническими трудностями и предназначением словаря не только для специалистов, но и широкого круга читателей иллюстративный материал приводится в записи, максимально приближенной к орфографической. Однако некоторые собственно диалектные особенности передаются в упрощенной транскрипции: долгие твердые шипящие, ассимилятивные и диссимилятивные процессы, упрощение групп согласных, стяженные формы прилагательных и глаголов и др. Ударение в примерах-иллюстрациях ставится лишь для разграничения акцентологических вариантов, а также в тех случаях, когда возможны разночтения.

В квадратных скобках при необходимости приводятся ремарки собирателя или составителя, которые не следует расценивать как восстановление пропусков при записи диалектной речи и включать в синтаксическую структуру фразы. После каждого иллюстративного примера в круглых скобках приводятся географические пометы, включающие в себя в принятом в словаре сокращенном написании название населенного пункта:

АБо'ДЬЕ, -я, ср. Удача. – Абодье только дуракам, а мы всё сами батрачили (Кам.¹).

ВЕРея', -и, ж. Столб, на который навешивается створка ворот. – Верея-то совсем сгнила (Тальж.²).

СаК, -а, м.; устар. Плюшевый или шерстяной жакет; см. сачо'к. – Была ишшо одёжа сак, сейчас жакетки. Саки лучше были: шёлком обшиты, плюш не такой был (Подоб.³).

Там, где позволяют материалы, в конце словарной статьи отмечается фиксация слова на территории Кемеровской области в других

¹ Условное сокращение географического названия: Каменка, Крапивинский район.

² Условное сокращение географического названия: Тальжино, Новокузнецкий район.

³ Условное сокращение географического названия: Подобас, Мысковский район.

словарях [9, 10, 16]; справки даются после помет ТС [9], ТД [10], СС [16], обозначающих соответствующие словари:

БИрю'ЛЬКА, -и, ж. **Нос у животных**. – Если бирюлька сухая – значит корова больна (Кам.¹). ТС: Кем.², Юрг.³, Яшк.⁴

ГАРНИЗа'ЦИЯ, -и, ж. **Организация**. – Ноне из городской гарнизации приезжал в наш хольфоз (Тер.⁵). ТД: Лен.-Куз.⁶

ГРу'ЗЕЛЬ, -зля, м. **Гриб груздь**. *Agaricus piperatys* Scop. – В нашем лесу белянки, грузли, кульпики, свиначи растут (Шерег.⁷). СС: Яйск.⁸

Если у слова имеются варианты, зафиксированные в указанных выше словарях, то они указываются в конце словарной статьи после помет ТС, ТД, СС: **ОТСэ'ЛЬ**, нареч. **Отсюда**. – Возит отсэль мясо (Арин.⁹). ТД: отсе'ль (Юрг.¹⁰, Яшк.¹¹).

Как отмечается в «Словаре русских говоров Кузбасса», «эти справочные сведения позволяют установить не только общие черты, но и различия в лексике кузбасских говоров» [8. С. 9].

Другой опыт лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса – «Словарь ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса», в котором представлены лексика и устойчивые сочетания терминологического характера, зафиксированные на территории Кемеровской области, начиная с шестидесятых годов XX в. и заканчивая первым десятилетием XXI в. В данном словаре отражена ремесленно-промысловая лексика и фразеология не только традиционных старожильческих говоров, но и поздних переселенцев – носителей ново-

¹ Условное сокращение географического названия: Каменка, Крапивинский район.

² Локальная помета: Кемеровский район.

³ Локальная помета: Юргинский район.

⁴ Локальная помета: Яшкинский район.

⁵ Условное сокращение географического названия: Терёхино, Новокузнецкий район.

⁶ Локальная помета: Ленинск-Кузнецкий район.

⁷ Условное сокращение географического названия: Шерегеш, Таштагольский район.

⁸ Локальная помета: Яйский район.

⁹ Условное сокращение географического названия: Ариничево, Ленинск-Кузнецкий район.

¹⁰ Локальная помета: Юргинский район.

¹¹ Локальная помета: Яшкинский район.

сельческих говоров. Создание словаря ремесленно-промысловой лексики, на наш взгляд, имеет большое научное и практическое значение, потому что он отражает духовную и материальную культуру народа, жизнь людей в течение столетий, содержит многие факты, которые необходимы для понимания истории языка.

«Исследование диалектной производственной лексики представляет значительный научный интерес в силу целого ряда специфических особенностей, присущих ей: тесная, непосредственная связь с производственной деятельностью носителей говора и, следовательно, отражение малейших изменений, происходящих в производстве; отсутствие строго терминологического характера, что выражается как в многозначности многих слов диалектной производственной лексики, так и в синонимии; взаимодействие не только с общеупотребительной лексикой литературного языка, но и со специальной терминологией» [17. С. 115]. Вместе с тем сибирские говоры, по словам В.А. Сенкевича, являются «огромной экспериментальной лабораторией, дающей материал <...> для суждения о процессах развития, возникающих в говорах разного генезиса, вступающих в междиалектное взаимодействие» [18. С. 39].

Автор-составитель «Словаря ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» сознательно отказался от пометы «устар.» к словам и устойчивым сочетаниям из-за ее неактуальности как таковой, поскольку большинство из них вышли или выходят в пассивный словарь говоров, так как ушли из жизни общества ямской промысел и домашнее текстильное производство, появились новые строительные материалы и методы работы с древесиной, стали более совершенными плотницкие инструменты, изменились орудия и способы охоты и рыболовства, механизировалось сенокошение и т.д.

Создание «Словаря ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» обусловлено критическим для судьбы диалектной лексики моментом, связанным с усилением в современный период процесса нивелировки русских народных говоров, который затрагивает в первую очередь наиболее пронизываемый лексический уровень языка, а «для науки представляет определенную ценность каждое слово, независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, ибо оно появилось в речи народа для того, чтобы обозначить, назвать какую-то частицу действительности. Потерять диалектное слово – это значит потерять для народа, истории его духовной и материальной культуры,

его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий» [19. С. 7].

В основу «Словаря ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» легли материалы не только картотеки «Словаря русских говоров Кузбасса», но и собранные автором словаря в ходе непосредственных бесед с диалектоносителями, а также отраженные в других диалектных словарях [8–10, 16, 20] (в трех последних из перечисленных словарей зафиксирована лексика северных районов Кемеровской области). Важное место в словаре принадлежит лексическому материалу новосельческих говоров, записанному кандидатом филологических наук, доцентом кафедры русского языка Новокузнецкого государственного педагогического института Г.С. Оксман в ряде населенных пунктов Чебулинского района Кемеровской области.

«Словарь ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» – словарь дифференциального типа, так как отражает диалектную лексику и устойчивые сочетания говоров Кемеровской области. Некоторые отступления от строго дифференциального принципа отбора обусловлены стремлением более полно отразить лексику и фразеологию местных промыслов и ремесел. В словаре представлена диалектная лексика (имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия) и фразеология основных промыслов и ремесел Кемеровской области: кедрового, охотничьего, рыболовецкого промыслов, плотницкого дела, домашнего текстильного производства, сенокосения и уборки сена и т.д. При этом фиксация диалектного материала (насколько это возможно) осуществлялась по следующему принципу: от названия исходного материала до названия конечного результата производства. Например, в домашнем текстильном производстве: лексика, обозначающая технические культуры (**ко^нплё, долгу́н** и т.д.) > лексика обработки волокнистых культур (**ло́манка, трепа́лка, па́чесать, изгре́бе** и т.д.) > лексика, связанная с прядением (**самопря́ха, воро́бы, полумо́ток, д^веря́дить** и т.д.) > лексика домашнего ткачества (**кро́сна, берда́, зев, потыка́ть** и т.д.) > лексика, обозначающая готовый продукт домашнего текстильного производства (**пе́стриц, ря́дина, тончи́на** и т.д.). Только при описании всех слов, всех употреблений слов вскрываются своеобразные особенности ремесел и промыслов, бытовавших и бытующих на территории Кемеровской области.

Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке. Абсолютные синонимы, акцентологические, фонематические, словообразова-

тельные, морфологические и фразеологические варианты даются в этом словаре аналогично словарю [12]:

КОСЁВИЩЕ, а, ср.; *сенокос*. Ручка косы; косови́ще. – Ручка у косы *косёвище* (Мар. М. Ант.¹).

КОСоВИНА, ы, ж.; *сенокос*. То же, что **косёвище**. – *Косовина* – литовка, когда косишь, на неё насаживаешь (Яшк. Полом.²).

КОСоВИЩЕ, а, ср.; *сенокос*. То же, что **косёвище**. – *Косовище*. Кольцо насаживаешь, литовку, чтобы укрепить её (Яшк. Пача³). *Косовище* – часть косы (Топк. Топк.⁴).

Глаголы несовершенного и совершенного вида помещаются в отдельных словарных статьях:

МыКАТЬ, несов.; *текстильн.* Чесать волокно льна, конопля малым деревянным гребнем на большом деревянном гребне для более тщательного отделения костры от волокна. – *Сначала мочки мыкали, потом пряли* (Тяж. Ст. Тяж.⁵). *Мочки мыкать, ставить гребень* (Лен.-Куз. Арин.⁶).

НАМыКАТЬ, сов.; *текстильн.* Начесать на гребне при помощи гребенки волокно льна, конопля для прядения. – *Сколь намычек намыкала?* – У-у! Целую корзину намыкала (Мар. Кол.⁷).

Причастия в самостоятельные словарные статьи не выделяются, а приводятся в иллюстративном материале той статьи, в которой разрабатывается соответствующий глагол:

ОБОЛВаНИТЬ, сов.; *плотн.* Подвергнуть древесину первичной обработке, обтесать начерно. – *Оболванить* – это дерево маленько обтесать... *Оболванить* – это мало обделать (Мар. Подъел.⁸). *Весло конес делается широкий, а здесь, как черешок. Он вон у меня стоит недоделанный, а только оболваненный* (Мар. Подъел.).

¹ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Малый Антибес.

² Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Поломшное.

³ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Пача.

⁴ Условное сокращение географического названия: Топкинский район, Топки.

⁵ Условное сокращение географического названия: Тяжинский район, Старый Тяжин.

⁶ Условное сокращение географического названия: Ленинск-Кузнецкий район, Ариничево.

⁷ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Колеул.

⁸ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Подъельники.

Полисемия слова или устойчивого сочетания и омонимия отражается аналогично словарю [12]:

КОШЕНИНА, ы, ж.; *сенокоси*. 1. Скошенная, но еще не убранная трава. – *Сено накосишь – кошенина. Машинам косили, и это всё одно кошенина* (Бел. Корот.¹). *Когда сено лежит, кошениной называли* (Н.-Куз. Куз.²). *Кошенина пролежит на солнце, а потом копним* (Ташт. У.-Кабыр.³). *Кошенина в сырой год долго лежит* (Н.-Куз. Ашм.⁴).

2. Остатки стеблей на корню после косьбы; стерня. – *Кошенина – то, что остаётся после покоса, сама стерня. Это и есть кошенина* (Чиб. Алч.⁵). *На кошенине травка останется, и хоть малая очень, а всё равно загрубеет* (Н.-Куз. Тарг.⁶). *Выкосишь, остаётся кошенина* (Прок. В.-Чум.⁷).

3. Луг после покоса. – *На кошенину стелют лён* (Яшк. Итк.⁸). *Дат от в логу ли как ли, лог там чё ли, там кошенина, сено-то убранное* (Прок. М. Тал.⁹).

ДОРОЖНИК¹, а, м.; *плотн*. Разновидность рубанка с узким полукруглым лезвием, служащего для выстрагивания желобков, выемок различной ширины, глубины и различного радиуса закругления; галтель. – *Дорожник тёс дорожит* (Прок. В.-Чум.¹⁰). *Дорожник делает желобки для стекания воды* (Яшк. Пача¹¹). *Скобель, дорожник, фуганы были, рубанок* (Яшк. Полом.¹²).

¹ Условное сокращение географического названия: Беловский район, Коротково.

² Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Кузеево.

³ Условное сокращение географического названия: Таштагольский район, Усть-Кабырза.

⁴ Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Ашмарино.

⁵ Условное сокращение географического названия: Чебулинский район, Алчедат.

⁶ Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Таргай.

⁷ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Верх-Чумыш.

⁸ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Иткара.

⁹ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Малая Талда.

¹⁰ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Верх-Чумыш.

¹¹ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Пача.

¹² Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Поломное.

ДОРоЖНИК², а, м.; *текстильн.* Ручной ткацкий станок, на котором ткут узкие длинные полосы грубой ткани, постилаемые на пол – дорожки. – *Ремни эти дорожат. Ремешок режешь и вставляешь в дорожник, эта такая... станок* (Мар. Подъел.¹).

Устойчивые сочетания помещаются и толкуются на алфавитном месте по первому компоненту за знаком $\diamond$ (стоячий ромб):

$\diamond$ **КРеПКИЙ МёД**; *пчел.* Мед, ставший более вязким спустя некоторое время после извлечения его из сот. – *Крепкий будет мёд. Накачают жидкий, выливают в кадочку, как хотят будет, он будет крупинками, вот его называют, что он усиделся* (Яшк. С. Остр.²).

Заглавное слово приводится в орфографическом написании, печатается с абзаца крупным полужирным шрифтом с указанием ударения строчной буквой: **БУРУнда**, **ВОКоТА**, **ДеННИЦА** и т.п. После заголовочного слова приводятся грамматические характеристики слова, специальные пометы, характеризующие подъязык местных ремесел и промыслов (*кедр., охотн., печн.* и др.), определения значений, иллюстрации и географические пометы, показывающие распространение данного значения.

Специальные пометы, характеризующие подъязык местных ремесел и промыслов, ставятся либо перед первой цифрой многозначного слова, функционирующего в одной сфере деятельности, или после цифры, если слово относится к разным производствам. В словаре отражены лексика и фразеология таких промыслов, как золотодобывающий, кедровый, кожевенный, лодочный, охотничий, рыболовецкий, лесоплавильный, санный и тележный, ямской и извозный, а также печного и плотницкого дела, пчеловодства, сенокосения и уборки сена, домашнего текстильного производства, например:

КРОМиТЬ, несов.; *плотн.* 1. Очищать древесный материал от коры. – *Кромить лес – это скоблить лес, это одинаково, это шкуру снимать* (Мар. Подъел.³).

2. Выравнивать кромку доски. – *Чечас обрезной делают, а раньше всё топором кромили плаху, чтобы она вплоть подошла, ровно* (Н.-

¹ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Подъельники.

² Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Сосновый Острог.

³ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Подъельники.

Куз. Атам.¹). *Кромить плаху – это, значит, сделать её ровной* (Яшк. Пача²). *Вот доска, вот так вот она, а вот её положишь куда, так надо же её окромить, а вот так вот кроят, ровно делают* (Кем. Ягун.³). *Кромить – снимать болонь, снимать мяжку и на ним откромить. И топором откромить* (Крап. Кам.⁴).

3. Делать, подгонять кромки досок для пола и потолка. – *Плахи на потолке и полу кроят* (Прок. В.-Чум.⁵).

КРЮЧОК, чка, м. 1. *Кедр*. Орудие кедрового промысла в виде палки с сучком на одном конце, которым пригибали ветви кедра для сбора шишек. – *Крючки делать я был мастер. А удобно-то как, зацепил ветку – и шишки твои* (Ташт. Мунд.⁶).

2. *Текстильн.* Приспособление в виде деревянной палочки с загибом на одном конце, с помощью которого заправляют нитки в основу ткацкого станa. – *Крючком в бёрдо нитки продеют* (Прок. Саф.⁷).

Ссылка на абсолютные синонимы, акцентологические, фонематические, словообразовательные, морфологические и фразеологические варианты приводятся при соответствующих значениях многозначных слов или в конце словарной статьи после формулировки «**См. также**»:

БУЧИТЬ, несов.; *текстильн.* Кипятить домотканый холст или пряжу в воде с золой для отбеливания; бу'чить. – *Тада его туда, наш холст, кладёшь и бучишь его, и паришь* (Бел. Евт.⁸). *Бучить целыми холстинами* (Мар. Б. Ант.⁹). *Золят – кладут в корчагу в золе холст, мешают заливают водой и в печь, потом вынимают, полощут в речке,*

¹ Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Атаманово.

² Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Пача.

³ Условное сокращение географического названия: Кемеровский район, Ягуново.

⁴ Условное сокращение географического названия: Крапивинский район, Каменка.

⁵ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Верх-Чумыш.

⁶ Условное сокращение географического названия: Таштагольский район, Мундыбаш.

⁷ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Сафоново.

⁸ Условное сокращение географического названия: Беловский район, Евтино.

⁹ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Большой Антибес.

сушут, получается белый лён. Это холст бучат (Лен.-Куз. Арин.¹) В одной воде холст не выбелишь. Я золила, я бучила, щёлок делали из золы (Чеб. Алч.²). Лённю пряжу в золе бучили (Н.-Куз. Точ.³).

См. также: варить.

Поскольку объект лексикографирования рассматриваемого словаря – диалектный термин, то значения специальных слов преимущественно толкуются описательным способом с целью определить все известные понятийные признаки, например:

ДОРoЖНИК, а, м.; *плотн.* Разновидность рубанка с узким полукруглым лезвием, служащего для выстрагивания желобков, выемок различной ширины, глубины и различного радиуса закругления; галтель. – *Дорожник тёс дорожит* (Прок. В.-Чум.⁴). *Дорожник делает желобки для стекания воды* (Яшк. Пача⁵). *Скобель, дорожник, фуганы были, рубанок* (Яшк. Полom.⁶).

Слова, легко соотносимые по семантике с литературными, толкуются способом синонимической подстановки или их значение раскрывается в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления:

ЖЕРЕВнЧКА, и, ж.; *рыболов.* Удочка. – *Я рыбачил когда чем – жеревичкой, ли удочкой* (Мар. Кол.⁷).

ЗАБРАТЬ, сов.; *плотн.* Загородить, забить досками. – *Поднавес – это крыша закрыта, и одна стена не забрата* (Яшк. Власк.⁸). *Всё забрано тёсом* (Яшк. С. Остр.⁹). *Заплот забран* (Мар. Подъел.¹⁰).

¹ Условное сокращение географического названия: Ленинск-Кузнецкий район, Ариничево.

² Условное сокращение географического названия: Чебулинский район, Алчедат.

³ Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Точилино.

⁴ Условное сокращение географического названия: Прокопьевский район, Верх-Чумыш.

⁵ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Пача.

⁶ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Поломное.

⁷ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Колеул.

⁸ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Власково.

⁹ Условное сокращение географического названия: Яшкинский район, Сосновый Острог.

¹⁰ Условное сокращение географического названия: Мариинский район, Подъельники.

В тех случаях, когда материалы источников недостаточно полно раскрывают значение слова или устойчивого сочетания, толкование определяется по формуле «Разновидность...»:

БАКАНА, ы, ж.; *рыболов*. Разновидность рыболовных сетей. – *Бакана рыбой полна* (Мыск. Подоб.¹).

♦ **ТоМСКИЙ НеВОД**; *рыболов*. Разновидность невода. – *Томский невод прямой, а терсинский – косой* (Н.-Куз. Ос. Пл.²).

Толкование отдельных слов и устойчивых сочетаний сопровождается рисунками, расположенными в Приложениях. Указание на номер Приложения и рисунка дается в скобках после определения значения. Грамматическая характеристика в словарных статьях дается аналогично словарю [12]. Завершается словарь тематическим указателем, в котором слова и устойчивые сочетания сгруппированы по промыслам и ремеслам.

Таким образом, в XXI в. продолжается важная работа по лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса. Дополнение к «Словарю русских говоров Кузбасса» является диалектным словарем дифференциального типа, так как отражает диалектную лексику и фразеологию старожильческих говоров Кемеровской области. В «Словаре ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» представлена ремесленно-промысловая лексика и фразеология не только традиционных старожильческих говоров, но и поздних переселенцев – носителей новосельческих говоров. Содержащиеся в словаре лексика и устойчивые сочетания терминологического характера зафиксированы на территории Кемеровской области, начиная с шестидесятых годов XX в. и заканчивая первым десятилетием XXI в., и позволяют судить о своеобразии материальной (основных промыслах и ремеслах Кемеровской области: кедровом, охотничьем, рыболовецком промыслах, плотницком деле, домашнем текстильном производстве, сенокошении и уборке сена и т.д.) и духовной культуры русского народа, отраженном в истории русского языка.

В рамках научного проекта «Язык и регионы: опыт комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса» планируется издание «Словаря русских говоров Кузбасса (с дополнением)» (2018–2019 гг.). Представленные в статье словари

¹ Условное сокращение географического названия: Мысковский район, Подобас.

² Условное сокращение географического названия: Новокузнецкий район, Осиновое Плёсо.

отражают итоги развития диалектной лексикографии на кафедре русского языка Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее КузГПА и НФИ КемГУ) в XX и начале XXI в. Наряду с аккумулятивной функцией подобных словарей отметим возможности использования их материалов как в диалектологических исследованиях XXI в., осуществляемых крупными диалектологическими школами, так и в образовательных целях – при изучении русской диалектологии и лексикографии.

Литература

1. Блинова О.И. Лексикографические проекты томских диалектологов (2007–2017 гг.) // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 125–133.
2. Лукьянова Н.А. Новосибирская лексикографическая школа: история, теория, практика // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 94–114.
3. Агапова М.А. Опыт идеографического описания лексики природы в русских говорах Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 21–24.
4. Галуза О.А. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 41–47.
5. Кобелева И.А. Фразеология костромских говоров (лексикографическая оценка) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23 (Специальный выпуск). С. 97–99.
6. Фельде О.В. Диалектная лексикография Приенисейской Сибири в свете лингвистической лексикографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. С. 463–467.
7. Жураковская Н.В. Василий Иванович Панов – «первооткрыватель кузнецких говоров» // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2009. С. 8–13.
8. Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н.В. Жураковской, О.А. Любимовой (отв. ред.). Новосибирск : НГПИ, 1976. 233 с.
9. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : [в 3 т.] / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967.
10. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение : [в 2 ч.] / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975.
11. Полный словарь сибирского говора : [в 4 т.] / под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 1. 287 с.
12. Словарь русских говоров Кузбасса (дополнение) / сост. Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик. Новокузнецк : Лотус-Пресс, 2015. 160 с.
13. Словарь ремесленно-промышленной лексики говоров Кузбасса / авт.-сост. Н.А. Баланчик. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2013. 219 с.

14. *Кузбасская деревня в рассказах ее жителей: материалы диалектологической практики (1952–2012 гг.)* / отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк : Изд-во СибГИУ, 2013. 144 с.

15. *Сборник текстов диалектной речи: материалы для практических занятий по русской диалектологии для студентов факультета русского языка и литературы* / сост. С.И. Иванищев ; отв. ред. Н.А. Баланчик. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2009. 48 с.

16. *Среднеобский словарь: дополнение [в 2 ч.]* / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986.

17. *Блинова О.И.* Характер и пути изменения производственной лексики говора с. Вершинина Томской области // Ученые записки Томского государственного университета им В.В. Куйбышева. 1959. № 39: Русский язык. С. 115–124.

18. *Сенкевич В.А.* Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Челябинск : ЧГПИ, 1975. 71 с.

19. *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь : [в 2 т.]. Ярославль : ЯГПИ, 1967. Т. 1. 224 с.

20. *Областной словарь Кузбасса*: Вып. 1: А–Б / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 394 с.

An Experience of a Lexicographical Representation of the Kuzbass Russian Subdialects in the Early 21st Century

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 83–103.

DOI: 10.17223/22274200/15/6

Nikolay A. Balanchik, Institute of Advanced Training (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: balan4ick@yandex.ru

Nina S. Balanchik, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: balan4ick@yandex.ru

Irina A. Pushkareva, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: pial1@yandex.ru

Keywords: Russian subdialects of Siberia, Russian subdialects of Kuzbass, subdialects of old residents and new settlers, dialect lexicography, dialect dictionary of differential type, terminological dictionary.

The aim of the article is to represent the experience of a lexicographical representation of the Kuzbass Russian subdialects in the 21st century. The article describes the principles of the structure of two dictionaries: the *Dictionary of the Kuzbass Russian Subdialects (Supplement)* [12] and the *Dictionary of the Craft and Trade Lexis of the Kuzbass Subdialects* [13].

The article examines approaches to the selection of the regional lexical and phraseological material and to its lexicographical representation. The supplement to *Dictionary of the Kuzbass Russian Subdialects* is a dialect dictionary of a differential type because it reflects the dialect lexis and phraseology of the old residents' subdialects of Kemerovo Oblast. The dictionary includes words and phraseological units representing properly dialect lexis, semantic dialect variants of Russian lexical units, ethnographic lexis, phonemic, accentual, word-formation, grammatical dialect variants of Russian

lexical units, and dialect phraseological units; in total, it includes 2 400 words and phraseological units of the traditional subdialects of the old residents of Kemerovo Oblast.

The *Dictionary of the Craft and Trade Lexis of the Kuzbass Subdialects* represents the craft and trade lexis and phraseology not only of the traditional old residents' subdialects but also of the later settlers speaking the new settlers' subdialects. The dictionary contains lexis and idioms of a terminological nature fixed on the territory of Kemerovo Oblast from the 1960s to the 2000s; due to them, it is possible to estimate the specificity of the material culture (the main trades and crafts of Kemerovo Oblast: cedar trade, hunting, fishing, carpentry, home textile production, haymaking, hay harvest, etc.) and the spiritual culture of Russian people, which is reflected in the history of the Russian language.

The description of the content and structure of a dictionary entry pays attention to the format of a headword (an idiom), semantic and grammatical description of words, use of the illustrative material and geographical labels, and use of special labels characterizing the sublanguage of the local crafts and trades in the *Dictionary of the Craft and Trade Lexis of the Kuzbass Subdialects*.

Dictionaries represented in the article reflect results of the dialect lexicography development at the Russian Language Department of Novokuznetsk State Pedagogical Institute (later Kuzbass State Pedagogical Academy) in the 20th and the early 21st centuries. Such dialectological dictionaries preserve highly valuable cultural information.

References

1. Blinova, O.I. (2017) Lexicographic projects of Tomsk dialectologists (2007–2017). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/7
2. Luk'yanova, N.A. (2013) Novosibirsk Lexicography School: history, theory, practice. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 94–114. (In Russian).
3. Agapova, M.A. (2013) Experience of ideographic description of nature's vocabulary in Russian dialects of the Nizhny Novgorod region. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6 (2). pp. 21–24. (In Russian).
4. Galuza, O.A. (2013) Dialect lexicography of the Amur Region: formation and present condition. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 41–47. (In Russian).
5. Kobeleva, I.A. (2017) Kostroma patois phraseology (lexicographical estimation). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 23 (Special Issue). pp. 97–99. (In Russian).
6. Fel'de, O.V. (2009) Dialect lexicography of Priyeniseysk Siberia in the light of linguistic historiography. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 24. pp. 463–467. (In Russian).
7. Zhurakovskaya, N.V. (2009) Vasilii Ivanovich Panov – “pervootkryvatel' kuznetskikh govorov” [Vasily Panov, “the discoverer of the Kuznetsk dialects”]. In: Petrunina, S.P. (ed.) *Funktsional'nyy analiz znachimykh edinit russkogo yazyka: Yazyk*

i regiony [Functional analysis of the meaningful units of the Russian language: Language and regions]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA.

8. Zhurakovskaya, N.V. & Lyubimova, O.A. (eds) (1976) *Slovar' russkikh govorov Kuzbassa* [Dictionary of the Kuzbass Russian dialects]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.

9. Palagina, V.V. (ed.) (1964–1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob River]. In 3 vols. Tomsk: Tomsk State University.

10. Blinova, O.I. & Palagina, V.V. (eds) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: dopolnenie* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob River: supplement]. In 2 parts. Tomsk: Tomsk State University.

11. Blinova, O.I. (ed.) (1991) *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [The complete dictionary of the Siberian dialect]. In 4 vols. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

12. Balanchik, N.A. & Balanchik, N.S. (2015) *Slovar' russkikh govorov Kuzbassa (dopolnenie)* [Dictionary of the Kuzbass Russian Dialects (Supplement)]. Novokuznetsk: Lotus-Press.

13. Balanchik, N.A. (2013) *Slovar' remeslenno-promyslovoy leksiki govorov Kuzbassa* [Dictionary of the Craft and Trade Lexis of the Kuzbass Subdialects]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA.

14. Petrunina, S.P. (ed.) (2013) *Kuzbasskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley: materialy dialektologicheskoy praktiki (1952–2012 gg.)* [Kuzbass village in the stories of its inhabitants: materials of dialectological practical training (1952–2012)]. Novokuznetsk: Izd-vo SibGIU.

15. Balanchik, N.A. (ed.) (2009) *Sbornik tekstov dialektnoy rechi: materialy dlya prakticheskikh zanyatiy po russkoy dialektologii dlya studentov fakul'teta russkogo yazyka i literatury* [Collection of texts of dialect speech: materials for practical classes in Russian dialectology for students of the Faculty of Russian Language and Literature]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA.

16. Palagina, V.V. (ed.) (1983–1986) *Sredneobskiy slovar': dopolnenie* [The Middle Ob Dictionary: Supplement]. In 2 parts. Tomsk: Tomsk State University.

17. Blinova, O.I. (1959) *Kharakter i puti izmeneniya proizvodstvennoy leksiki govora s. Vershinina Tomskoy oblasti* [The nature and ways of changing the production vocabulary of the dialect of the Vershinino village in Tomsk Oblast]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im V.V. Kuybysheva*. 39. pp. 115–124.

18. Senkevich, V.A. (1975) *Problemy sibirskoy i ural'skoy dialektologii* [Problems of the Siberian and Ural dialectology]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical Institute.

19. Mel'nichenko, G.G. (1967) *Kratkiy yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [A concise Yaroslavl regional dictionary]. In 2 vols. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.

20. Vasil'eva, E.V. (ed.) (2001) *Oblastnoy slovar' Kuzbassa* [Regional dictionary of the Kuzbass]. Is. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

УДК 811.161.1'374.2=811.581

DOI: 10.17223/22274200/15/7

О.А. Казакова, И.О. Краевская, Т.Б. Фрик

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ) ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ: МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРА, ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Обосновывается концепция учебного терминологического словаря по профессиональному русскому языку для студентов из КНР, обучающихся в российских вузах по образовательным программам технического профиля. Описана макро- и микроструктура словаря, охарактеризован его методический потенциал. Рассмотрены особенности перевода терминов на китайский язык. В качестве специфики словаря отмечены предлагаемый подход к составу словника, использование двух способов семантизации, наличие тематического указателя.

Ключевые слова: учебная лексикография, словарь терминов, макроструктура словаря, микроструктура словаря, русский язык как иностранный, профессиональный язык.

Введение

Активное развитие в настоящее время лексикографии и актуальность лексикографических научных исследований связаны с пониманием важности словаря как источника познания культуры и языка [1, 2], а также с практической необходимостью его использования как средства обучения. Последнее подтверждается существованием отдельной научной области – учебной лексикографии, в сфере интересов которой находятся прикладные и исследовательские проблемы разработки и подготовки учебных словарей: подбор лексического минимума, учебная лингвостатистика, создание глоссариев к учебникам, поурочных словников [3], но прежде всего – теоретическое обоснование структуры и наполнения разрабатываемых словарей.

Специфика учебного словаря определяется его функцией: словарь такого типа является своеобразным пособием по лексике и отличается, прежде всего, доступностью, краткостью и наглядностью толкования включенных в него лексических единиц. При этом в словарной

статье в максимально концентрированном виде отражена необходимая для обучения информация об описываемом понятии.

Учебный словарь должен отвечать ряду методических требований, иметь строгую ориентацию на конкретный этап обучения, предполагающий определенный уровень знаний; языковой материал, входящий в словарь, должен отбираться в соответствии с критериями методической целесообразности и нацеленности на развитие всех видов речевой деятельности. Важным является требование обеспечения быстроты и легкости получения информации, что влияет на структуру словаря. Нацеленность на формирование и развитие навыков активного использования учащимися слова в речевой практике определяет требование к отражению в словарной статье максимального количества информации, демонстрирующей особенности функционирования слова в речи, парадигматические (синонимические, антонимические, лексико-семантические) связи лексической единицы.

Особого исследовательского внимания требуют словари, предназначенные для инофонов. Современная российская лексикография включает целый спектр учебных словарей, адресованных иностранным студентам (см., например, [4, 5] и др.), среди которых как двуязычные (переводные) словари терминов, так и одноязычные словари активного типа, специфика которых состоит в том, что они включают материалы, не только информирующие о нормативных аспектах слова, но и помогающие учащимся активно использовать лексикографируемую единицу в речи. Особой разновидностью словарей, предназначенных для иностранцев, являются комплексные словари, которые включают не только лингвистическую, но и энциклопедическую информацию [6].

Не менее значимо с точки зрения практического применения создание учебных словарей, ориентированных на китайскоговорящих учащихся. В настоящее время большое количество граждан КНР получают техническое образование в России. Практика показывает, что изучение русского языка и обучение на русском языке для китайских студентов представляет особую сложность в силу большой разницы между русским и китайским языками вообще и их научно-специальными формами в частности. **Целью** настоящей публикации является обоснование проекта учебного терминологического словаря по профессиональному русскому языку для студентов из Китая, обучающихся в российских вузах по образовательным программам технического профиля.

Тип словаря

Выбор типа словаря, а также его макро- и микроструктуры определяется, прежде всего, характером его адресата. Адресатами предлагаемого словаря являются иностранные студенты из КНР, обучающиеся на первом–втором курсах российских вузов по основным образовательным программам технического профиля (базовая инженерная подготовка). Словарь предназначен для использования в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык (русский)» («Профессиональная подготовка на русском языке») или в общем курсе «Русский язык как иностранный» для реализации задач обучения иностранных студентов языку специальности.

Предлагаемый в данном исследовании словарь может быть описан следующим образом с позиции существующих типологий словарей (см., например, [7, 8] и др.): с точки зрения единиц описания, данный словарь является словарем лексем, семасиологическим по принципу описания, толковым по способу описания, по объему кратким, по составу дифференциальным, двусторонним по форме словарной статьи, алфавитным по способу расположения слов, по национальной принадлежности пользователей словарем неродного языка, специальным по категории пользователей, по назначению учебным, современным с точки зрения исторического периода, частным по объекту описания.

Отдельно следует отметить выбранный для словаря язык описания. В разрабатываемом словаре предлагается применить принцип объединения двух языков – родного для пользователей (китайского) и иностранного (русского). Данный принцип обоснован в новейшей лексикографической практике, в которой наряду с использованием одноязычных и двуязычных (переводных) словарей принято выделять еще один тип словаря – частично двуязычный (полудвуязычный) словарь, основанный на комбинировании элементов одноязычного и двуязычного словарей, при этом его базу составляет один язык, второй язык используется для перевода информации, нуждающейся в двуязычном представлении.

Особенно востребованы такие типы словарей в практике преподавания иностранного языка, поскольку использование перевода на родной язык позволяет создать для обучающихся атмосферу психологического комфорта, а подача основной информации на иностранном языке дает возможность вырабатывать привычку думать на изучаемом языке [9].

Макроструктура словаря

Главным вопросом при планировании макроструктуры словаря является определение тезауруса (состава словника). Современной лексикографией выработаны различные подходы к определению состава единиц терминологических словарей. Так, исследователи при выборе тезауруса предлагают ориентироваться на результаты полевого моделирования терминологии соответствующей научной или профессиональной области [10], учитывать потребности и возможности адресата словаря в соответствии с этапом обучения [11], использовать статистический метод, а также логико-понятийную основу [12. С. 24–37].

Возможные источники терминов для словаря определяются его спецификой: это статьи и монографии, относящиеся к соответствующей области знаний; учебники, отраслевые словари, энциклопедии; патенты и описания изобретений, аннотации и рефераты; классификаторы, ГОСТы и ОСТы на термины; отраслевые справочники, рубрикаторы и каталоги; текущие документы предприятия, производства; руководства по эксплуатации и т.п. [Там же. С. 12–23].

В качестве основного принципа при выборе лексикографируемых единиц для учебного словаря применяется принцип разнонаправленной избирательности [13], соблюдение которого влияет как на состав словаря, так и на толкование лексикографируемых единиц: при составлении учебного словаря осуществляется выбор материала из других специализированных лексикографических источников (словарей) в соответствии с целями создаваемого словаря [14].

Исходя из предназначения представляемого в данной работе словаря как источника терминов, предлагается использовать учебно-методические материалы по основным дисциплинам, изучаемым студентами на первом и втором курсах базовой инженерной подготовки: «Инженерная графика», «Математика», «Материаловедение», «Механика», «Физика», «Химия».

В качестве пилотной версии авторским коллективом был создан учебный словарь по профессиональному русскому языку на примере дисциплины «Материаловедение», предназначенный для студентов из Китая. Источниками терминов материаловедения для данного словаря послужили различные учебно-методические материалы по дисциплине (учебные пособия, лабораторные практикумы, методические указания, презентации лекций). Важным критерием для отбора тер-

минологической единицы стало наличие в материале-источнике ее объяснения, сам факт существования которого указывает на то, что учащиеся должны не просто понимать данный термин, но быть готовыми дать ему определение. Отбор терминов осуществлялся в два этапа: во-первых, путем сплошной выборки было отобрано 151 понятие (однословные термины и словосочетания); во-вторых, была выполнена проверка данных понятий по словарям терминов материаловедения с целью оценки степени их употребляемости. Так, например, не были включены в учебный словарь такие понятия, как «деформируемость», «звукопроницаемость», «литейная усадка», «сохраняемость», «электропроводность» и т.п., так как они не входят в состав сравниваемых словарей и имеют единичное употребление в используемых учебно-методических материалах. Таким образом, в результате для разрабатываемого словаря было отобрано 100 терминов материаловедения.

Как известно, в словарях в зависимости от цели могут быть использованы различные принципы расположения терминов: алфавитный порядок, алфавитно-гнездовой, идеографический принцип, логико-понятийный, а также расположение с ориентацией на строгую научную классификацию понятий [12. С. 49]. В основу представляемого словаря лег алфавитный способ расположения терминов, поскольку он наиболее удобен для использования иностранными студентами.

Помимо так называемых левой части словаря (толкуемой) и правой части словаря (толкующей), к элементам макроструктуры словаря относятся: 1) сведения, представляющие собой «навигационную информацию», помогающую пользователям лучше ориентироваться в словаре (оглавление, номера страниц, шрифтовые выделения, символьные обозначения и т.д.); 2) сведения, информирующие о лексикографическом продукте (предисловие, аннотация, краткое описание словаря и т.п.); 3) сведения, обеспечивающие «вход в словарь», помогающие пользователю найти нужную ему информацию в зависимости от целей, – список единиц словаря в алфавитном порядке, в понятийном порядке, в порядке убывания или возрастания частотности и т.п. [15. С. 54–56].

Специфика предлагаемого в данном исследовании словаря определила наличие и особенности следующих элементов его макроструктуры.

1. *Навигационная информация.* Словарь имеет оформление в удобном для использования формате А4, включает нумерацию страниц, оглавление. Каждая словарная статья разделена на три абзаца. Заголовочное слово выделяется полужирным шрифтом, контексты в иллюстративной зоне – курсивом. Иллюстрируемое слово в контекстах выделено с помощью подчеркивания. Словарь не содержит символьных обозначений и аббревиатур, поскольку они могут затруднять его использование иностранными студентами.

2. *Информация о лексикографическом продукте.* Словарь содержит введение на русском языке, характеризующее его структуру и принципы, и предисловие на китайском языке, объясняющее студентам особенности использования словаря.

3. *Вход в словарь.* В словарь включен принятый в большинстве словарей алфавитный указатель, где представлены все лексикографируемые единицы в алфавитном порядке с указанием страницы, на которой они находятся в словаре.

В связи с тем, что разрабатываемый словарь предназначен для учебной работы в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык», терминологические единицы предполагается структурировать также по тематическому принципу и порядку учебных тем: по дисциплинам, к которым относятся термины, и далее, внутри каждой дисциплины, – по темам учебного курса. Такая структура словаря имеет серьезный методический потенциал, поскольку тематические группы терминов могут быть использованы преподавателем на этапе предтекстовой работы с текстами по соответствующим темам изучаемых дисциплин. Это особенно важно для преподавателей-русистов, которые не знакомы в должной мере с предметными областями физики, механики, материаловедения и т.д. и для которых по этой причине трудной задачей является отбор из всего комплекса лексики необходимого лексического минимума по определенной теме для работы в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык».

При составлении учебного словаря по профессиональному языку по дисциплине «Материаловедение» был апробирован тематический принцип представления лексикографируемых единиц. В результате систематизации отобранные для проекта словаря термины материаловедения были распределены на шесть крупных тематических групп, соответствующих ключевым темам рабочей программы технической

дисциплины: «Конструкционные материалы», «Металлические материалы», «Кристаллическое строение металлов», «Металлические сплавы», «Изменение строения и свойств металлических сплавов», «Неметаллические и композиционные материалы».

Еще одним инструментом, позволяющим повысить эффективность использования словаря китайскими студентами, является список терминов на китайском языке в алфавитном порядке их написания на транскрипции пиньинь. Такой список дает студентам возможность быстро находить термин на китайском языке и переводить его на русский язык, в случае когда студентам необходимо в процессе работы (на занятии или дома) составить предложение (текст) по тематике соответствующей дисциплины на русском языке.

Таким образом, наиболее эффективным является параллельное представление сведений, обеспечивающих «вход в словарь», с помощью трех указателей: алфавитного указателя на русском языке, алфавитного указателя на китайском языке, тематического указателя на русском языке.

В целом структура предлагаемого словаря выглядит следующим образом:

- Введение.
- 前言 (Предисловие).
- Словарные статьи.
- Алфавитный указатель.
- 字母索引 (Алфавитный указатель).
- Тематический указатель.
- Оглавление.

Микроструктура словаря (структура словарной статьи)

Словарная статья является основным элементом словаря, в ее структуре принято выделять три зоны:

1) заглавную зону (входную зону, лемму), включающую лексикографируемую единицу – вокабулу (слово, фразеологизм, синонимический ряд и т.п.);

2) интерпретационную зону, содержащую толкование слова;

3) иллюстративную зону, включающую примеры употребления лексической единицы – тексты и метатексты [16, 17].

В предлагаемом словаре словарная статья также состоит из трех частей, каждая из которых оформлена в отдельный абзац. Охарактеризуем особенности элементов словарной статьи.

1. Заглавная зона. Словарная статья начинается с заглавного слова. Заглавные слова, для удобства восприятия, выделяются полужирным шрифтом. Однако, в отличие от принятой практики, заглавное слово в разрабатываемом словаре печатается не в верхнем регистре: каждое слово печатается строчными буквами (прописная – только первая буква слова, как признак начала нового предложения), такой подход позволяет сформировать у студентов правильный образ вводимой и закрепляемой единицы. В заглавном слове проставляется ударение. Если термин состоит из существительного и прилагательного, то, вопреки традиции, порядок слов не меняется, так как основным порядком слов в словосочетаниях на русском языке является порядок «прилагательное + существительное», данный порядок привычен для иностранных студентов, изучающих русский язык, а нахождение в словаре словосочетания с измененным порядком слов (ключевое существительное + определяющее его прилагательное) может представлять для них определенную трудность.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный со словарными пометами – знаками метаязыка словаря, маркерами, предназначенными для того, чтобы указать на характерные черты описываемой лексической единицы. Словарные пометы могут располагаться после заглавного слова (в заглавной зоне) или после толкования значения (в интерпретационной или иллюстративной зоне). В зависимости от задач словаря словарная статья может быть снабжена грамматическими, лексическими, стилистическими, лингвокультурологическими, семасиологическими пометами, целью которых является дополнение характеристики слова: уточнение значения, указание на нормативный аспект, определение стилевой принадлежности, географической принадлежности, эмоциональной окраски и т.п.

Функциональные особенности разрабатываемого словаря определили принцип использования в нем словарных помет. В данном словаре отсутствует необходимость в стилистических пометах, поскольку все содержащиеся в словаре по профессиональному русскому языку единицы являются кодифицированными терминами, не относятся к жаргонизмам, профессионализмам и т.п. По той же причине не используются пометы, характеризующие коннотативные особенности

лексики. Также представляется, что для учебного словаря по профессиональному иностранному языку не обязательно наличие помет, отражающих грамматические характеристики слова: род, число, тип склонения и т.п., так как словарь предназначен для иностранных студентов технического профиля на среднем этапе обучения русскому языку, следовательно, подробные лингвистические характеристики слова не востребованы адресатами словаря и могут только затруднить его использование. Таким образом, в качестве пометы в словарь предлагается включать только окончание лексикографируемой единицы в форме родительного падежа единственного числа, как это принято в большинстве толковых словарей русского языка.

Отличительной особенностью заглавной зоны описываемого словаря является включение в нее перевода термина на китайский язык. Традиционно перевод относят к интерпретационной зоне словаря, так как он представляет собой один из способов семантизации лексикографируемых единиц, однако зрительно в заглавной зоне словарной статьи перевод воспринимать удобнее, в связи с чем технически он был отнесен именно к ней.

2. Интерпретационная зона. При разработке словаря особое значение имеет выбор способа толкования словарной единицы. Наиболее распространенным способом толкования терминов является использование классического родо-видового определения, представленного родовым понятием и дифференциальными видовыми признаками [18. С. 197]. Такая дефиниция соотносит определяемое понятие (термин) с более широким, отличает определяемое слово (понятие) от смежных, включая перечисление его существенных признаков [19. С. 321].

В современной лексикографии также выработан ряд требований к определению терминологической единицы: определение термина должно быть кратким (однофразовым), понятным, логичным, преимущественно словесным и не должно становиться энциклопедическим описанием самого понятия [12. С. 55]. Учебная функция словаря также определяет ряд требований к толкованию лексических единиц с целью минимизации языковых трудностей: толкование не должно содержать информации, не отвечающей учебным целям; оно должно отличаться точностью и объективностью [20. С. 59–60].

В предлагаемом словаре приняты два способа семантизации: перевод термина на китайский язык и толкование.

2.1. Перевод. Трудность составления двуязычных терминологических словарей связана с «асимметричностью национальных терминосистем» [21. С. 128], поскольку не каждый термин терминосистемы одного языка имеет полное соответствие в другом языке. Данная асимметрия обусловлена национальной спецификой общеупотребимого языка, внутренние правила которого влияют на процессы терминопорождения. Например, русскоязычному термину сферы материаловедения «вакансия» (в общеупотребительном значении – «незамещенная должность» [22]) соответствует китайскоязычный термин 空穴 kōngxué с общеупотребительным значением «пещера, пространство, отверстие» [23]. В материаловедении оба термина обозначают отсутствие атома в узле кристаллической решетки [24]. Различные метафорические основания для образования данных терминов в значительной степени затрудняют процесс поиска и сопоставления единиц при создании переводного отраслевого словаря.

Наиболее актуальна данная проблема при сопоставлении терминологии русского и китайского языков. И.В. Кочергин в качестве главной особенности перевода с русского языка на китайский выделяет проблему не устоявшейся терминологии китайского языка даже в пределах одной сферы [25. С. 82]. Выбор верного эквивалента при переводе требует от переводчика не только глубокого понимания контекста и знания переводимой сферы, но и учета лингвокультурологических особенностей конкретной терминологической единицы.

В процессе составления словаря терминов материаловедения осуществлялась передача терминологических единиц на китайский язык путем дословного перевода и подбора эквивалента с помощью русско-китайских и китайско-русских словарей, а также учебников по материаловедению, написанных на китайском языке. В подготовке переводов принимали участие носители китайского языка – магистрант Томского политехнического университета, обучающийся по направлению «Материаловедение и технологии материалов», и студент 4-го курса, обучающийся в ТПУ по направлению подготовки бакалавриата «Лингвистика». В процессе совместной работы был выполнен анализ вариантов переводов, позволивший определить оптимальные переводческие решения, при этом основаниями для решений послужили принципы, разработанные исследователями русско-китайских переводов.

Рассмотрим термин «коррозия» («Разрушение металлов и некоторых других твердых тел, вызываемое химическими и электрохимическими процессами, а также результат этих процессов» [26]) и предложенные студентами варианты: (а) 腐蚀 fǔshí и (б) 锈蚀 xiùshí. Для того чтобы верно выбрать вариант, который войдет в словарь, необходимо обратиться к иероглифам-компонентам каждого из предложенных терминов:

(а) 腐 fǔ «разлагаться, портиться; разъедаться» + 蚀 shí «поражать; портиться, снашиваться, ржаветь»;

(б) 锈 xiù «вызывать ржавчину» + 蚀 shí «поражать; портиться, снашиваться, ржаветь».

Соответственно, первый вариант (а) указывает на подверженность ржавчине, в то время как второй вариант (б) означает «вызывать ржавчину». Принимая во внимание определение коррозии как процесса, происходящего под влиянием внешних факторов, верным необходимо считать первый вариант перевода (а). Следует также отметить, что в проанализированных отраслевых текстах второй вариант (б) используется в качестве глагола, например 溶有二氧化硫或二氧化碳的水亦会使铁锈蚀 – букв. «Растворенная в двуокиси серы или двуокиси углерода вода также может заставить железо *заржаветь*». Из приведенного примера видно, что второй вариант (б) употребляется в контексте, указывающем на способность воды с примесями двуокиси серы или двуокиси углерода вызывать коррозию.

Обратимся к другому термину – «межузельный (междуузельный) атом» («Атом кристаллического вещества, находящийся в междузельном пространстве кристаллической решетки» [24]) – и подобранным к нему эквивалентам: (а) 角间原子 jiǎojiān yuánzǐ и (б) 间隙原子 jiànxi yuánzǐ. Анализ иероглифов-компонентов каждой единицы позволил выявить следующее:

(а) 角 jiǎo «угол» + 间 jiān «меж, между» + 原 yuán «исходная точка» + 子 zǐ суффикс существительных;

(б) 间 jiān «меж, между» + 隙 xì «трещина, щель» + 原 yuán «исходная точка» + 子 zǐ суффикс существительных.

Из анализа видно, что в основе термина 原子 *yuánzǐ* «атом» лежит метафоризация атома на основе его размера, сравниваемого с точкой, и определения атома как исходной составляющей любой материи. В русскоязычной картине атомная решетка представлена узлами, в то время как в китайскоязычной – углами, что обуславливает номинацию варианта (а). Вариант (б) является калькой от англоязычного термина «*interstitial atom*» – «межузельный атом», где «*interstitial*» переводится как «образующий трещины; образующий щели». Стоит также обратиться к этимологии компонента «*interstitial*»: данное слово образовано от латинского *interstitium* посредством сложения *inter* «между» и *sistere* «место, пространство». Такое происхождение обусловило прием калькирования при заимствовании в китайский язык. Здесь необходимо принять во внимание долгую техническую отсталость Китая, вызванную историческими факторами и непосредственно повлиявшую на формирование терминосистем китайского языка, в том числе вынудившую китайский язык ускоренными темпами заимствовать термины из сформированных терминосистем других языков.

Таким образом, английский язык, имеющий международный статус и являющийся основным инструментом научной коммуникации, стал языком-донором для многих терминосистем китайского языка, и материаловедение не является исключением. Тем не менее на современном этапе развития китайского языка наблюдается тенденция замены заимствований терминами, созданными в китайском научном сообществе. Следует подчеркнуть, что такая ситуация, несомненно, приводит к трудностям при переводе и составлении словарей. Сопоставление давно созданных и современных китайских учебников по материаловедению показало постепенную замену термина

(б) 间隙原子 *jiànxi yuánzǐ* термином (а) 角间原子 *jiǎojiān yuánzǐ*.

Таким образом, перевод терминов при составлении полудвуязычных и двуязычных русско-китайских словарей является отдельной лексикографической и переводческой проблемой.

2.2. Толкование. В качестве источника толкований терминов для рассматриваемого учебного словаря предлагается обращаться к существующим терминологическим словарям, а также учебно-методическим материалам, используемым преподавателями в процессе реализации дисциплин базовой инженерной подготовки. Представляется, что данный подход к выбору дефиниций позволяет создать связь сло-

варя терминов с теми научными концепциями, которых придерживаются преподаватели данных курсов, что, в свою очередь, дает возможность соблюсти ориентацию на конкретного адресата словаря – иностранных студентов, изучающих базовые инженерные дисциплины. Отбор той или иной дефиниции должен осуществляться с учетом обозначенных выше требований к определениям термина в учебном словаре.

3. Иллюстративная зона. Иллюстративная зона является важной частью словаря: содержащиеся в ней контексты должны широко представлять сочетаемость термина, содержать лексические единицы, традиционно употребляемые вместе с ним в специальном тексте, – глаголы, прилагательные, предлоги, наречия [19. С. 322]. Включение иллюстративной зоны в структуру словарной статьи предлагаемого учебного терминологического словаря обусловлено необходимостью в процессе изучения дисциплины «Профессиональный иностранный язык» сформировать навыки употребления изучаемых терминов в речи. Каждая словарная статья содержит 1–2 примера употребления термина, отражающих его разные формы и сочетаемость. Примеры выделяются курсивом, лексикографируемая единица подчеркивается и печатается полностью (не обозначается одной заглавной буквой с точкой, как это принято в большинстве толковых словарей), чтобы пользователи (иностранцы студенты), наблюдая разные формы слова, запоминали их.

Приведем примеры итогового вида словарных статей.

Матери́ал, -а 材料

Исходное вещество для производства продукции и вспомогательное вещество для проведения производственных процессов.

В курсе «Материаловедение» изучаются закономерности, определяющие строение и свойства материалов в зависимости от их состава и условий обработки; Несмотря на всё более широкое применение неметаллических материалов, металлы и сплавы остаются основным конструкционным и инструментальным материалом.

Нитроцементация, -и 渗氮 渗碳

Процесс диффузионного насыщения поверхностного слоя одновременно азотом и углеродом.

Газовая нитроцементация идёт в смеси газов (метан и аммиак); При низкотемпературной нитроцементации будет более высокая твёрдость и износостойкость, но меньше глубина упрочнённого слоя.

Прираба́тываемость, -и 可加工性

Свойство материала уменьшать силу трения, температуру и интенсивность изнашивания в процессе обработки.

Существуют разные способы испытания материалов на прирабатываемость; Мягкая основа сплава обеспечивает хорошую прирабатываемость подшипника к валу.

Лингводидактический потенциал словаря

Главным компонентом профессионального языка является специальная лексика – термины. При профессионально ориентированном обучении иностранному языку все компоненты обучения нацелены, в первую очередь, на усвоение студентами лексического материала [27. С. 10], поскольку знание профессиональной лексики (в том числе терминов) является основой для понимания текстов по специальности, а также необходимо для эффективного устного и письменного общения в рамках тем, связанных со специальностью обучающихся (их будущей профессией).

Лексический аспект профессиональной коммуникативной компетенции предполагает умение узнавать и понимать специальную лексику в профильных текстах; умение дифференцировать значения многозначных слов, разграничивать синонимы, понимать лексическую сочетаемость; способность осознавать стилистические характеристики слов; владение словообразовательными моделями иностранного языка и т.п. Очевидно, что лексический навык, предполагающий умение выбирать слова и знание правил их сочетаемости в разных контекстах, должен занимать основное место в формировании профессиональной иноязычной компетенции.

Одним из важных вопросов обучения иностранному языку является вопрос подбора лексики [28], особенно остро проблема выбора лексических единиц в лингводидактических целях стоит при обучении профессиональному языку. Составление лексического минимума для учебной дисциплины определяется тремя принципами: семантическим (соответствие тематике), принципом сочетаемости (широкий спектр сочетаемости) и принципом стилистической неограниченности (широкий спектр употребления в разных стилях речи). Последний принцип не актуален при составлении терминологического минимума на иностранном языке, поскольку необходимо соблюдать критерий принадлежности слова к научному стилю речи [29. С. 135]. Специ-

ально подготовленный лексический минимум по дисциплине может лечь в основу учебного терминологического словаря, который необходимо рассматривать как важнейшее средство обучения иностранному языку.

Дидактическая функция учебного словаря определяется его учебно-справочной и деятельностно-формирующей ролью: словарь информирует учащихся о содержании и форме слова, для того чтобы они могли самостоятельно его усвоить (учебно-справочная функция), а также побуждает к учебно-познавательным действиям по освоению учебных знаний (деятельностно-формирующая функция) [30. С. 130]. Функциональная значимость учебных словарей определяет достаточно высокие требования к качеству их подготовки: словарь должен быть системным и представлять коммуникативную ценность.

Учебный словарь как одно из средств обучения профессиональному иностранному языку формирует у обучающихся иноязычную лексическую компетенцию и, в частности, иноязычную терминологическую компетенцию [31. С. 93]. Терминологический словарь представляет терминологию определенной предметной области в системном порядке, отражает различные связи между терминами, создавая, таким образом, целостное представление об определенной области знаний; словарь такого типа позволяет сформировать терминологическую базу, обладая которой студенты получают возможность как понимать, так и использовать термины на иностранном языке. С помощью словаря терминов иностранного языка учащиеся воспринимают, осмысливают, понимают изучаемые термины, учатся их употреблять, накапливают речевой опыт.

Использование учебного терминологического словаря при обучении иностранному языку дает возможность формировать у студентов представление об изучаемой ими предметной области, развивать терминологическую компетенцию, знакомить студентов с парадигматическими и синтагматическими связями основных терминов, реализовать принцип взаимосвязанного обучения разным видам речевой деятельности [32. С. 144]. В процессе использования терминологического словаря у студентов развивается умение самостоятельно работать с лексикой, которое важно для их дальнейшей профессиональной деятельности, связанной с применением иностранного языка.

Главными задачами учебного словаря, используемого в лингводидактических целях, являются объяснение значения слова (его соотношение с объектом или явлением действительности, которое обозначает

это слово) и иллюстрирование возможностей употребления данного слова в устной и письменной речи, с этой точки зрения словарь играет роль вспомогательного инструмента, используемого учащимися в процессе восприятия и создания текстов.

Предлагаемый в данном исследовании словарь по профессиональному русскому языку планируется использовать в качестве средства формирования иноязычной лексической компетенции студентов в области дисциплин базовой инженерной подготовки: проектируемый словарь даст студентам возможность освоить термины соответствующих дисциплин, знакомиться с их значением на русском языке, соотносить с терминами на родном языке; работа со словарем позволит подготовиться к чтению текстов по изучаемым дисциплинам базовой инженерной подготовки, к слушанию лекций, к работе на практических занятиях и выполнению лабораторных работ, к ответам на теоретические вопросы, к активному использованию терминов в диалогическом и монологическом неподготовленном общении.

Заключение

Таким образом, в данной статье обоснована концепция комплексного полудвухязычного словаря по профессиональному русскому языку, предназначенного для китайских студентов, обучающихся в российских технических вузах на уровне базовой инженерной подготовки (1–2-й курсы бакалавриата). Выбранные макро- и микроструктура словаря отвечают всем современным лексикографическим требованиям и позволяют ему выполнять необходимые систематизирующую, учебную, нормативную и справочные функции. Систематизирующая функция словаря реализуется за счет содержащегося в нем тематического указателя, нормативная функция получает реализацию за счет указания в лексикографируемых единицах нормативного ударения и окончания в форме родительного падежа, справочная же функция заключается в предоставлении пользователям словаря возможности получить информацию о значении термина и его переводе на китайский язык. Главная функция предлагаемого словаря – учебная. Он может быть использован в аудиторной и внеаудиторной работе как преподавателями, так и студентами, для изучения значения терминов, для отработки их употребления в речи, для перевода текстов с китайского языка на русский и с русского на китайский, для составления текстов,

включающих представленные в словаре термины и примеры их употребления.

Уникальность предлагаемого словаря по сравнению с существующими словарями заключается в том, что он, во-первых, включает минимально необходимую терминологическую лексику по нескольким учебным дисциплинам (в отличие от словарей терминов отдельных отраслей науки); во-вторых, содержит краткое толкование терминов (в отличие от словарей-справочников, представляющих более подробное описание научного понятия); в-третьих, включает примеры употребления термина; в-четвертых, представляет термины в тематическом порядке; в-пятых, содержит перевод терминов на китайский язык; кроме того, китайские термины сгруппированы по алфавиту, что расширяет возможности для китайских студентов по его использованию.

Предложенная в данном исследовании концепция словаря может лечь в основу электронного справочника по профессиональному русскому языку для китайских студентов, обучающихся в российских вузах на 1–2-х курсах по техническим направлениям подготовки бакалавриата.

Благодарности. Исследование выполнено в Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета. Авторы выражают благодарность студентам Томского политехнического университета – Ай Бинбин и Чэнь Цзяцзюнь (КНР), принимавшим участие в сборе материалов для словаря и выполнении перевода терминов на китайский язык.

Литература

1. *Иванцова Е.В.* Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 5–18.
2. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.
3. *Левенталь И.В.* Лингвистическая типология толкований слов в одноязычном учебном словаре русского языка для иностранцев : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 256 с.
4. *Насер Ф.* Дипломатическая терминология русского языка и ее семантизация в учебном двуязычном словаре : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 185 с.

5. *Савченкова И.Н.* Локально ориентированный учебный словарь русского языка для иностранцев: принципы построения и структура : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2012. 250 с.

6. *Григоренко О.В., Руденя Ж.И.* Современные направления в практике создания учебных словарей русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (270). С. 169–172.

7. *Гак В.Г.* О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М. : Рус. яз., 1977. С. 11–27.

8. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. I. С. 54–91.

9. *Влавацкая М.В.* «User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 32–40.

10. *Софронова Т.М., Фельде О.В.* Прототип двуязычного электронного глоссария пирологической терминологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 38–43.

11. *Максимчук Н.А.* О проблемах терминографирования опорных единиц общеобязательного научного знания // Современные проблемы лексикографии : материалы конф. / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб. : Нестор–История, 2015. С. 120–121.

12. *Герд А.С.* Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 73 с.

13. *Супрун А.Е.* Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. М. : Рус. яз., 1978. С. 46–53.

14. *Васильева Г.М., Левина И.Н.* Лексико-синтаксический словарь сложноподчиненных предложений для иностранных студентов: теоретические и методические ориентиры // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 5–23.

15. *Кудашев И.С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki : Helsinki University Translation Studies, 2007. 443 с.

16. *Гайсина М.Э.* Интерпретационная зона статьи «Словаря синонимов сибирского говора» // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 34–44.

17. *Крысин Л.П.* Зонный принцип организации словарной статьи в толковых словарях // Современные проблемы лексикографии : материалы конф. / отв. ред. О.Н. Крылова. РАН. СПб. : Нестор–История, 2015. С. 111–112.

18. *Жеребило Т.В.* Микроструктура словарей лингвистических терминов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-1. С. 194–199.

19. *Закирова Е.С.* Лексикографическое описание технических терминов: современный подход // Известия Московского государственного технического университета «МАМИ». 2012. № 2. С. 316–324.

20. *Морковкин В.В.* Идеографические словари. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 71 с.

21. *Мишанкина Н.А.* Семантико-прагматический потенциал термина в гносеологическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 123–130.

22. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. Т. 1: А–Й. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
23. *Большой китайско-русский онлайн-словарь*. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 24.04.2018).
24. Мельников А.Г., Ху Вэньсяо, Лю Битао. Материаловедение. Словарь терминов и определений. Томск: Изд-во ТПУ, 2015. 77 с.
25. Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. М.: Вост. книга, 2012. 184 с.
26. *Словарь русского языка*: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. Т. 2: К–О. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
27. Батраева О.М. Профессиональный аспект подготовки иностранных студентов технического вуза: место интерактивных методов в языке специальности (из опыта работы) // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 7–14.
28. Ядав Р., Нестерова Н.Г., Верма К.С. Принципы определения лексического минимума для программы обучения русскому языку иностранцев как проблема учебной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 106–124.
29. Бочарникова О.Н. Обучение иностранных студентов-социологов терминологической лексики русского языка в аспекте профессионального общения: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 231 с.
30. Шаталова Л.С. Тезаурусный подход при создании учебного терминологического словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 1. С. 129–134.
31. Чайникова Г.Р. Структура учебного терминологического словаря как средства формирования иноязычной лексической компетенции // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2. С. 93–97.
32. Серова Т.С., Чайникова Г.Р. Функции учебного терминологического словаря как средства формирования иноязычной речевой лексической компетенции // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 139–145.

A Learner's Dictionary of Russian for Specific (Technical) Purposes for Students from China: Macro- and Microstructure, Linguodidactic Potential

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 104–126.

DOI: 10.17223/22274200/15/7

Olga A. Kazakova, Irina O. Kraevskaya, Tatyana B. Frik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kazakovaoa@tpu.ru / kr.sobaka@gmail.com / tfrik@tpu.ru

Keywords: learner's lexicography, dictionary of terms, macrostructure of dictionary, microstructure of dictionary, Russian as a foreign language, professional language.

The current article focuses on the grounds for the project of a learner's terminological dictionary in the professional Russian language. In accordance with the principles of lexicography, the article consistently covers the main issues of dictionary design: choice of a dictionary type depending on its purposes and the addressee; explanation of

the dictionary's macrostructure (information about the dictionary, glossary composition, navigation information, "access to the dictionary"), planning of the dictionary's microstructure (structure of the dictionary entry, ways of semanticizing lexicographic units, labels).

The proposed dictionary is intended for students from China who are in their first and second year of study on basic educational programs of a technical profile (bachelor's level) in Russian universities. The urgency of creating the proposed dictionary is driven by the constantly increasing number of students from China who want to receive a higher technical education in Russia, and also by a special difficulty for Chinese students to study Russian and to be taught in Russian.

The sources of the content for the dictionary should be the lexical minimums in the basic disciplines of basic engineering training: Engineering Graphics, Mathematics, Materials Science, Mechanics, Physics, Chemistry; 100 basic terms for each discipline. To increase the effectiveness of learning Russian as a foreign language (professional sphere), the dictionary should include Chinese translations of terms, a list of terms in Chinese in the alphabetical order of their pinyin transcription and a list of terms in Russian arranged thematically: by disciplines and by the main topics of these disciplines. Thus, the macrostructure of the proposed dictionary is represented by the following elements: Introduction, Chinese Foreword, Dictionary Entries (about 600), Alphabetical Index, Alphabetical Index in Chinese, Thematic Index.

The microstructure of the proposed dictionary (dictionary entry) includes the following elements: (1) the headword zone – the headword (word, collocation) indicating the stress; the form of the headword in the genitive singular; translation of the headword into Chinese; (2) the interpretation zone – a short interpretation of the meaning of the term; (3) the illustrative zone – 1 or 2 contexts illustrating the use of the term and reflecting its inflections and compatibility.

The linguodidactic potential of the proposed vocabulary is that working with it will allow students to master the terms of the relevant disciplines, understand their meaning in Russian, correlate them with terms in their native language; it will also enable students to be prepared for reading texts on the disciplines they have, for listening to lectures, working in practical classes and performing laboratory works, formulating answers to theoretical questions, actively using terms in spontaneous dialogues and monologues.

References

1. Ivantsova, E.V. (2013) Lexicographical representation of an individual's speech: type of dictionary and its use in dictionary practice. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 5–18. (In Russian).
2. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15. (In Russian).
3. Levental', I.V. (2014) *Lingvisticheskaya tipologiya tolkovaniy slov v odnoyazychnom uchebnom slovare russkogo yazyka dlya inostrantsev* [Linguistic typology of the interpretation of words in the single-language learner's dictionary of the Russian language for foreigners]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

4. Naser, F. (2013) *Diplomaticheskaya terminologiya russkogo yazyka i ee semantizatsiya v uchebnom dvuyazychnom slovare* [Diplomatic terminology of the Russian language and its semantics in the learner's bilingual dictionary]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
5. Savchenkova, I.N. (2012) *Lokal'no orientirovannyi uchebnyy slovar' russkogo yazyka dlya inostrantsev: printsipy postroeniya i struktura* [Locally oriented learner's dictionary of the Russian language for foreigners: principles of construction and structure]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
6. Grigorenko, O.V. & Rudenya, Zh.I. (2016) Modern tendencies in compiling of learner's dictionary of the Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 1 (270). pp. 169–172. (In Russian).
7. Gak, V.G. (1977) O nekotorykh zakonomernostyakh razvitiya leksikografii (uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte) [On some patterns of development of lexicography (learner's and general lexicography in the historical aspect)]. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of learner's lexicography]. Moscow: Rus. yaz.
8. Shcherba, L.V. (1958) Opyt obshchey teorii leksikografii [The experience of the general theory of lexicography]. In: Matusevich, M.I. (ed.) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
9. Vlavatskaya, M.V. (2013) "User's needs" as a requirement to compiling the English-Russian Combinatory Dictionary for Learners. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 32–40. (In Russian).
10. Sofronova, T.M. & Fel'de, O.V. (2011) Prototype of bilingual electronic glossary of fire science terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 345. pp. 38–43. (In Russian).
11. Maksimchuk, N.A. (2015) O problemakh terminografirovaniya opornykh edinit obshcheobyazatel'nogo nauchnogo znaniya [On the problems of terminography reference units of general scientific knowledge]. In: Krylova, O.N. (ed.) *Sovremennye problemy leksikografii: materialy konf.* [Modern problems of lexicography: Conference proceedings]. St. Petersburg: Nestor–Istoriya. pp. 120–121.
12. Gerd, A.S. (1986) *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii (kak rabotat' nad terminologicheskimi slovarami)* [Fundamentals of scientific and technical lexicography (how to work on a terminological dictionary)]. Leningrad: Leningrad State University.
13. Suprun, A.E. (1978) Nekotorye svoystva uchebnogo slovarya i slovar' dlya obuchayushchego [Some properties of the learner's dictionary and the learner's dictionary]. In: Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (eds) *Problemy uchebnoy leksikografii i obucheniya leksike* [Problems of learner's lexicography and vocabulary training]. Moscow: Rus. yaz.
14. Vasil'eva, G.M. & Levina, I.N. (2017) A lexico-syntactic dictionary of complex sentences for foreign students: theoretical and methodological guidelines. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 5–23. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/1

15. Kudashev, I.S. (2007) *Proektirovanie perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Designing translation dictionaries of vocabulary for special purposes]. Helsinki: Helsinki University Translation Studies.
16. Gaysina, M.E. (2013) Interpretative zone of entry of the Dictionary of Siberian Dialect Synonyms. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 34–44. (In Russian).
17. Krysin, L.P. (2015) Zonnyy printsip organizatsii slovarnoy stat'i v tolkovykh slovaryakh [The zonal principle of organizing a dictionary entry in explanatory dictionaries]. In: Krylova, O.N. (ed.) *Sovremennye problemy leksikografii: materialy konf.* [Modern problems of lexicography: Conference proceedings]. St. Petersburg: Nestor–Istoriya. pp. 111–112.
18. Zhrebilo, T.V. (2015) Microstructure of language dictionaries of terms. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*. 2–1. pp. 194–199. (In Russian).
19. Zakirova, E.S. (2012) Lexicographical description of the technical terms: modern approach. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta "MAMI" – Izvestiya MGTU "MAMI"*. 2. pp. 316–324. (In Russian).
20. Morkovkin, V.V. (1970) *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow: Moscow State University.
21. Mishankina, N.A. (2017) Semantic-pragmatic potential of term in the epistemological dimension. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 123–130.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
23. Bkrs.info. (n.d.) *Bol'shoy kitaysko-russkiy onlayn-slovar'* [Large Chinese-Russian online dictionary]. [Online] Available from: <https://bkrs.info/>. (Accessed: 24.04.2018).
24. Mel'nikov, A.G., Hu Wenxiao & Liu Bitao. (2015) *Materialovedenie. Slovar' terminov i opredeleniy* [Materials Science. Dictionary of terms and definitions]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
25. Kochergin, I.V. (2012) *Ocherki lingvodidaktiki kitayskogo yazyka* [Essays on linguodidactics of the Chinese language]. Moscow: Vost. kniga.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz.; Poligraf-resursy.
27. Batraeva, O.M. (2016) Professional aspect of teaching foreign students of a technical university: the role of interactive methods in language teaching (practical experience). *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 11. pp. 7–14. (In Russian).
28. Yadav, R., Nesterova, N.G. & Verma, K.S. (2017) Determining a lexical minimum for the country-specific teaching of the Russian language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 106–124. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/6
29. Bocharnikova, O.N. (2006) *Obuchenie inostrannykh studentov-sotsiologov terminologicheskoy leksike russkogo yazyka v aspekte professional'nogo obshcheniya* [Teaching terminological vocabulary of the Russian language in the aspect of professional communication to foreign sociology students]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.

30. Shatalova, L.S. (2013) Thesaurus approach to the creation of educational terminological dictionary. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* – *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Problems of Education: Languages and Speciality*. 1. pp. 129–134. (In Russian).
31. Chaynikova, G.R. (2015) Structure of a learner's terminological dictionary as a means of formation of foreign language lexical competence. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* – *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2. pp. 93–97. (In Russian).
32. Serova, T.S. & Chaynikova, G.R. (2015) Functions of a terminological dictionary as a means of formation of foreign language speech and lexical competence. *Yazyk i kul'tura* – *Language and Culture*. 1 (29). pp. 139–145. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/29/15

УДК 81'27

DOI: 10.17223/22274200/15/8

З.И. Резанова

КОРПУС УСТНОЙ РЕЧИ РУССКО-ТЮРКСКИХ БИЛИНГВОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ: РАЗМЕТКА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ РЕЧЕВОГО СТАНДАРТА

Характеризуются подходы к разметке отклонений от речевого стандарта (ОРС, error annotation) в создаваемом корпусе устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири и обосновывается система отмечаемых в корпусе отклонений. Приводятся примеры тэгов, фиксирующих отклонения от речевого стандарта на фонетическом, грамматическом, лексическом, дискурсивном уровнях, и тэгов, маркирующих источники отклонений (внутриязыковые, межъязыковые), а также примеры разметки (аннотирования) текстов (на материале записей устной речи русско-шорских билингвов).

Ключевые слова: билингвизм, корпус текстов, аннотирование, отклонения от речевого стандарта, интерференция, тюркские языки, русский язык, сибирские говоры.

В статье характеризуется система разметки (аннотирования) отклонений от речевого стандарта в Корпусе устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири, создаваемого в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур». Общие подходы к созданию корпуса, его структурные особенности и принципы разметки были охарактеризованы в [1, 2]. В данной работе мы представляем систему аннотирования элементов текстов корпуса.

Основной материал корпуса – записи устной спонтанной речи русско-тюркских билингвов, вследствие этого корпус является бимодальным, звучание речи синхронизируется с транскрипцией, что реализуется с использованием программы «ELAN».

Транскрипция проводится на основе использования принципов русской орфографии, дополнительно в записях фиксируются только значительные отклонения от произносительных норм также без применения знаков транскрибирования, например *щас* (сейчас), *грит* (говорит), *мушшина* (мужчина) и под.).

Морфологическая разметка проводится автоматически на основе использования консольной программы компании «Яндекс» «Mystem»

с дальнейшей ручной коррекцией. Морфологическое аннотирование, таким образом, соответствует системе, заложенной в данной программе, которая основывается на принципах, реализованных в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [3].

Так как целью корпуса является репрезентативное представление устной речи билингвов, содержащих, в соответствии с гипотезой авторов проекта, проявление интерференции материнских тюркских языков, наряду с традиционным морфологическим аннотированием в корпусе содержится разметка так называемых ошибок (error annotation). Такой тип разметки осуществляется в практике мировой корпусной лингвистики при создании корпусов «неносителей языка», включающих, как отмечает М. Копотев, многоуровневую разметку, тэги которой фиксируют ошибки в употреблении единиц разных языковых уровней, а также «источник ошибки: внутриязыковое, межъязыковое влияние» [4. С. 106].

При разработке системы аннотирования данного типа мы используем другой термин – «отклонения от речевого стандарта» (ОРС), так как в корпусе представлена речь носителей разных форм русского национального языка: литературной, диалектной просторечной, речевые практики которых соответствуют нормам соответствующих подсистем, не являясь «ошибками». В качестве стандарта приняты нормы русской письменной литературной речи, на основе которой формировались принципы грамматического описания языка в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка. На основе этих принципов как отмечалось, действует система автоматической морфологической разметки «Mystem». Корпус представляет собой записи устной речи, вследствие этого ряд отклонений от стандарта письменной речи обуславливается устным, спонтанным характером коммуникации. Фиксация таких отклонений, на наш взгляд, расширяет информативные возможности корпуса за счет аннотирования маркеров разговорности коммуникации.

При создании представляемого корпуса русскоязычной билингвальной речи применяются два вида маркирования «ошибок»: в соответствии с уровнями языковой системы и источниками ОРС.

При разработке системы маркирования отклонений от речевого стандарта мы ориентировались на существующую систему разметки в близких по направленности корпусах, среди которых назовем прежде всего Русский учебный корпус (RLC) [5], разрабатываемый членами

Лаборатории по корпусным исследованиям НИУ ВШЭ под руководством Е. Рахилиной.

Система разметки ошибок в RLC ориентирована на письменную речь, на анализ речевых практик прежде всего учебных билингвов, поэтому центральным термином является термин «речевая ошибка», так как привлекаются тексты, порождаемые в учебной деятельности и оцениваемые с точки зрения соответствия письменным нормам современного русского языка. В проекте разработана сложно организованная система тэгов, маркирующих ошибки в использовании единиц всех уровней письменной речи: морфологические, например Num – употребление слова в неверной числовой форме (несоответствующей контексту или аномальной для этого слова); синтаксические, например Conj – ошибка в употреблении союза; лексические, например Par – ошибки в использовании паронимов, а также орфографические и пунктуационные [5].

«Корпус контактно-обусловленной русской речи билингвов – носителей малых языков Севера Сибири и Дальнего Востока», создаваемый в рамках проекта «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (Н.М. Стойнова, П.С. Плешак, И.А. Хомченкова), более близок по направленности к разрабатываемому, однако как действующий корпус он еще не представлен, система тэгов также находится в состоянии разработки, приведем некоторые из них: number – нестандартное употребление числовой формы существительных, agr_adj – рассогласование по роду, числу, падежу: адъективы; calque – лексическая калька; pros – нестандартная интонация: потенциальная калька [6].

В Корпусе устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири также принято поуровневое представление отклонений от речевого стандарта. При выборе системы тэгов мы ориентировались на вариант, представленный в RLC, по мере необходимости добавляя новые маркеры ОРС, действуя в той же логике обозначений.

Основное отличие в составе маркеров от RLC определяется различием фиксируемой формы речи: письменной – в RLC, устной – в корпусе речи билингвов, следствием чего является отсутствие тэгов орфографических и пунктуационных ошибок и введение помет, фиксирующих отклонения в области фонетики.

Отличия от представленного проекта разметки в Корпусе контактно-обусловленной русской речи содержатся в конкретных решениях размечаемых групп отклонений от речевого стандарта.

Далее охарактеризуем тэги, их обоснование, а также фрагменты текстов с соответствующими тэгами.

Как и в RLC, в Корпусе устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири используем сокращенные варианты англоязычных терминов: Phon – phonetics, фонетика; Synt – syntax, синтаксис; Morph – morphology, морфология; Lex – lexis, лексика; Der – derivation, деривация (словообразование); Disc – discours, дискурс; Sem – semantics, семантика; Acc – accent, ударение; Infl – inflexion, окончание; Aff – affix, аффикс; Decl – declension, склонение; Agr – agreement, согласование; Gov – government, управление; Id – idiom, идиома (устойчивые сочетания разных типов); Prep – preposition, предлог; Gen – Gender, грамматический род; Num – number, грамматическое число; Con – construction, конструкция; нарушения согласования в пределах простого и сложного предложения; Red – reduction, редукция и т.д.

При этом принята система одного или двух уровней квалификации OPC, в незначительном количестве случаев представлен третий уровень конкретизации, что мотивируется необходимостью отражения интерферентных явлений. На первом уровне маркируется уровень языковой системы, к которому относится частный вариант OPC: Phon – фонетика, Morph – морфология, Synt – синтаксис, Lex – лексика, Disk – дискурс; на втором уровне – конкретное языковое явление: PhonAcc – фонетика, ударение; MorphInfl – морфология, флексия; SyntGov – синтаксис, управление и т.д. (базовый вариант отклонения дополнительно не маркируется, например, маркер Phon отмечает все варианты отклонений в произношении звуков, а маркер PhonAcc – фонетика, ударение). На третьем уровне отражаются варианты отклонений при использовании единиц конкретного языкового уровня, их форм: SyntAgrGen – отклонения от речевого стандарта в согласовании по роду.

В качестве явлений фонетического уровня маркируются особенности произношения отдельных слов, позиционно обусловленные особенности произношения звуков, характерные для формы национального языка, редукция звуковой оболочки слов – нормы разговорной речи, особенности ударения и др. Морфологическими тэгами маркируются отклонения от норм грамматической категоризации слов и форм слова, отклонения от норм литературного письменного языка в выборе вариантов морфологических аффиксов, синонимическая замена морфологических формантов, варианты образования и использования маркеров определенной грамматической категории и под.

К деривационным явлениям относим отклонения от норм образования конкретных слов, образование слов по синонимичной словообразовательной модели, использование вариантных форм деривационных аффиксов и под.

В качестве синтаксических явлений маркируем отклонение от норм литературной письменной речи в выборе форм согласования, управления, порядка слов, синтаксических связей в составе простого и сложного предложения,

К лексическим явлениям относим использование в речи диалектных, просторечных, других региональных межсистемных синонимов, в том числе заимствований из материнских языков, проявление интерферентных явлений. К лексическому уровню в соответствии со сложившейся традицией относим также особенности употребления фразеологизмов, вариантные формы, идиомы-диалектизмы и пр.

В качестве дискурсивных явлений отмечается использование различного рода маркеров дискурсивной связности, заполнителей пауз, особенностей ритмической организации речи.

В табл. 1 представлены образцы тэгов, маркирующих ОРС на разных языковых уровнях¹.

В речи билингвов при использовании слов и построении высказываний могут быть проявлены отклонения от речевого стандарта на нескольких языковых уровнях, репрезентированных в одной языковой единице, в таком случае используется комбинация тэгов. Примеры сочетания тэгов представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 1

Образцы тэгов, маркирующих ОРС на разных языковых уровнях

Тип тэга	Пояснение / определение	Пример аннотирования
Phon	Особенности произношения отдельных слов	...А вы чѣ [Phon] (что)? <i>Как? Живёте там? На горе были? подымались? Интересно? Ничѣ [Phon](ничего)?</i>
Phon	Отклонения от норм реализации системных фонетических явлений, регу-	<i>Мне сильно плохо было гипертония [Phon] (гипертония); там сидела я эты [Phon](эти) дни; поэтому [PhonS]</i>

¹ В качестве иллюстративных приводятся контексты из записей подкорпуса текстов русско-шорских билингвов, сделанных автором статьи. В приводимом контексте при наличии других отклонений маркируется только то, которое представляется в данной графе.

Тип тэга	Пояснение / определение	Пример аннотирования
	лярные (возможно, не всегда), позиционные мены: смягчение / отверждение, оглушение / озвончение, протеза, эпентеза, беглость гласных и под.	(поэтому) <i>он пришел; от</i> [Phon] (вот), <i>тяжело от</i> [Phon] (вот) <i>прошлое думать; у старого человека нету сна</i> [Phon] (сна), <i>оказывается</i>
PhonAcc	Отклонения от норм ударения	<i>Зимой на лыжах</i> [PhonAcc] (лыжах) <i>за продуктами ходили</i>
PhonRed	Значительная редукция звуковой оболочки слова, характерно для разговорной спонтанной речи	<i>Перво место, гыт</i> [PhonRed] (говорит), <i>заяли; а щас-то</i> (сейчас-то) [PhonRed] <i>я, здесь-то я в баночках солила всё время</i>
PhonLess	Слово в разговорной спонтанной речи не договаривается	<i>Потому что мне уже будет тридцать.. семьдесят девять</i> [PhonLess] <i>девятого июня</i>
MorphAff	Отклонения от норм образования грамматических аффиксов, грамматических форм слова, выбор синонимичных формообразовательных аффиксов	<i>Перво</i> [Morphaff] (первое) <i>место, гыт, заяли; ой, как там солдат</i> [MorphAff] (солдат) <i>обнимали, как плакали; я говорю, у мене</i> [MorphAff] (меня) <i>там все русские; ...оне</i> [MorphAff] (они) <i>сказали Матор, поселок; Аньке своей</i> [MorphAff] (своей) <i>бабушкина квартира; я сама-то не трогаю, боюсь</i> [MorphAff] (боюсь)
MorphDecl	Отклонения от нормы нулевого склонения	<i>У них, у шорцев, было вот такие осенние пОльты</i> [MorphDecl] (пальто)
MorphNum	Отклонения от норм категоризации по числу	<i>А вы там делаете, чтоб в руках молочный был, сухая сливка</i> [MorphNum] (сливки), <i>да туда разбавляйте, она очень вкусна</i>
DerAff	Отклонения от норм словообразования, использование синонимичного деривационного аффикса, другого способа словообразования	<i>Вот это соседна</i> [DerAff] (соседская), <i>правнучка Дашечка; ну, ты мне, на меня посмотри, я ли колдовка</i> [DerAff] (колдунья) <i>или шаманка; сегодня ночью маленько дремнула</i> [DerAff] (вздремнула); <i>старость такая, откуда</i> [DerAff] (откуда) <i>знать</i>
SyntGov	Отклонения от норм падежного управления	<i>Он у нас не работает, около наверно уже 8 лет прошло, как он у нас не работает, после него у нас пять священник</i> [Morph-Gov] (пять священников) <i>поменяли; кассеты есть. Я все прослушала, пять кассеты</i> [MorphGov] (пять

Тип тэга	Пояснение / определение	Пример аннотирования
		кассет); <i>около наверно уже восемь лет прошло</i> [MorphGov] (около восьми лет) <i>прошло; тяжело мы всякое от прошлое думать</i> [MorphGov] (о прошлом думать)
SyntPrep	Отклонение от норм использования предлогов	<i>Берут прямо с фляги</i> [SyntPrep] (<i>из фляги</i>); <i>ну, например, я делаю с толкана</i> [SyntPrep] (<i>из толкана</i>) <i>кашу</i>
SyntAgrGen	Отклонения от норм согласования по роду	<i>Мы говорим, ну ладно, ты там самый этот</i> [MorphAgrGen] от <i>шорского байраму, такая всё-всё можешь сделать</i> (в рассказе о женщине)
SyntAgrGen	Отклонения от норм согласования по числу	<i>Я, это, дети войны</i> [SyntAgrGen] (мы дети войны)
SyntWO	Нарушение порядка слов	<i>Как эти говорят узбеки</i> [SyntWO] (как говорят эти узбеки)
SyntLessW	Пропуск слова, незаконченные предложения / высказывания	<i>Рима говорит, давай новый</i> [SyntLessW] (диван купим). <i>Она говорит, давай позовём</i> [SyntLessW] (мастера), <i>который диван делает</i>
SyntCon	Нарушение норм семантико-синтаксического сочетания элементов	<i>И вот сюда</i> [Lex] (здесь) <i>вот лежу</i>
Lex	Использование диалектизмов, просторечных лексем, заимствований из тюркских языков	<i>Вот у вас Баба Яга, а у нас Чельбень</i> [Lex]; <i>там дерево стоит и человек, это Чельбень</i> [Lex], <i>это баба Яга; пельмени, вот это на рёбрах, называется сало, по-шорски – каза</i> [Lex]
LexId	Использование сочетаний разной степени устойчивости, имеющих фразеологическое значение	<i>Кого там</i> [LexId] (невозможно) <i>спать; Иногда гости за гостями бывают, а другой раз</i> [LexId] (иногда) <i>никого нет; Старость такая, откудова</i> [LexId] <i>знать (не могу знать); Ну, не знаю, я всю дорогу</i> [LexId] (все время) <i>по-шорски говорю</i>
LexSem	Использование общерусского слова в ином значении	<i>Она, во-первых, не курила, не пила, поэтому, наверно, с бабушками не общалась</i> [LexSem] (общалась)
Disc	Использование в качестве средств ритмической организации речи маркеров авторизации	<i>Да, Вера, грит</i> [Disc] (<i>говорит</i>), <i>ты, говорят, гыт</i> [Disc] (<i>говорит</i>); <i>предсказываешь. Я говорю, это мне нехорошо, говорю</i> [Disc]. <i>Мне в глаза, говорю</i> [Disc], <i>человеку умереть говорю</i> [Disc]

Т а б л и ц а 2

Примеры сочетания тэгов

Сочетание тэгов	Пояснение / определение	Пример аннотирования
SyntGov; SyntAgrGen	Отклонение от норм грамматического управления, нарушение норм согласования по роду	<i>Сделала тут такой яма</i> [SyntGov; SyntAgrGen] (такую яму)
Phon; MorphAff; DerAff	Отклонение от нормы образования флексии, использование синонимичного деривационного суффикса	<i>Вот это соседна</i> [Phon; MorphAff; DerAff] (соседская) <i>правнУчка Дашечка</i>
MorphGov; MorphAff	Отклонение от нормы образования флексии, от норм падежного управления	<i>И дорога эта, котора</i> [MorphGov; MorphAff] (которую) <i>сделали</i>

Как было отмечено ранее, аннотирование отклонений от речевого стандарта включает также тэги источника отклонения, в корпусе маркируется внутриязыковое и межъязыковое влияние. Данный тип маркирования обусловлен направленностью создаваемого корпуса на фиксацию речевых практик билингвов, на выявление факторов, определяющих характер и степень проявления интерференции на всех языковых уровнях.

Носители билингвизма, речевые практики которых представлены в корпусе устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири, принадлежат к разным возрастным и социальным группам, имеют различное образование и являются носителями разных вариантов русского языка: литературного, диалектного, диалектно-просторечного, просторечного.

При классификации ОРС в данном аспекте мы ориентировались на работы, в которых содержится анализ особенностей русской разговорной речи на всех уровнях языка ([7–9] и др.), русских сибирских говоров и городского просторечия ([10–14] и др.); на работы по теории интерференции и типологии тюркских языков ([15–18] и др.) и работы по языковому контактированию исследуемого региона ([19–21] и др.).

Отклонения от речевого стандарта, являющиеся проявлением регионального варианта современного русского языка, маркируются тэгом [Reg] – regional, региональный, который объединяет все прояв-

ления региональных вариантов – сибирские говоры, сибирский вариант городского просторечия, региональные варианты литературного языка. Как было отмечено ранее, заключение о внутрисистемном источнике отклонений от стандарта литературного языка выносится на основе данных, зафиксированных в работах, посвященных описанию рассматриваемых подсистем русского языка.

Решение не дифференцировать в разметке, является ли отклонение отражением диалектной, диалектно-просторечной, просторечной речи или проявлением регионального варианта русского литературного языка, определяется тем, что в настоящее время границы между первыми тремя формами существования языка размыты, тем, что некоторые черты диалектной речи могут проникать и в речевые практики носителей литературного языка, например так называемое чёканье произношение: чё, чё-то и под.

Отклонения от речевого стандарта, проявления влияния структурных особенностей материнского языка билингва обозначаем тэгом [Int] – interference, интерференция. Однако в том случае, когда характер таких влияний не представляется очевидным, данный тип тэга пропускается.

Отражения общих закономерностей устной спонтанной разговорной речи в корпусе дополнительными тэгами не маркируются.

Примеры аннотирования с использованием двух типов тэгов представлены в табл. 3.

На рис. 1 представлен вариант совмещения фонетического трека, записанного текста, его морфологической разметки и разметки ОРС, реализованный в программу ELAN.

Т а б л и ц а 3

Примеры сочетания тэгов двух типов в аннотировании

[Phon; Reg]	Регрессивная ассимиляция БМ → ММ, отмечаемая в говорах часто как лексикализованное явление; выпадение [В] в начале слов перед [И] и [О]	<i>Они мне обманули</i> [Phon; Reg] (обманули); <i>А потом от</i> [Phon; Reg] (вот) <i>я одна осталась</i>
MorphPrep; Reg	Диалектно-просторечный вариант предложного управления	<i>Лагушка берут прямо с фляги</i> [MorphPrep; Reg] (из фляги). <i>Прямо с серёдки</i> [MorphPrep; Reg] <i>берут</i> (из середины)

Литература

1. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.
2. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М. : Рус. яз., 1980. 880 с.
4. Коптев М. Введение в корпусную лингвистику. Praha : Animedia Company, 2014. 195 с.
5. RLC. Русский учебный корпус. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC/> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Корпус контактно-обусловленной русской речи. URL: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/ (дата обращения: 14.01.2019).
7. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
8. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1973. 485 с.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1983. 239 с.
10. Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1 / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 201 с.
11. Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 2 / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 323 с.
12. Араева Л.А. Говоры Кузбасса в их современном состоянии // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 38–65.
13. Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987. 164 с.
14. Блинова О.И. Просторечная лексика в системе местного диалекта // Лексикологический сборник. Барнаул, 1977. С. 68–83.
15. Bacanlı E. Inflectional suppletion in Turkic languages // Folia Linguistica Historica. 2011. № 32. P. 1–42.
16. Бурденюк Г.М., Григоревский В.М. Языковая интерференция и методы ее выявления. Кишинев : Штиинца, 1978. 126 с.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 2001. 288 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М. : Наука, 1988. 557 с.
19. Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. 239 с.

20. Гордеева О.И. Об освоении татарами грамматической категории рода существительных в условиях русского старожильского окружения // Лингвистический сборник. Томск, 1962. С. 29–34.

21. Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960. 261 с.

The Oral Speech Corpus of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: The Marking of Deviations from the Speech Standard

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 127–140.

DOI: 10.17223/22274200/15/8

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: bilingualism, corpus of texts, annotation, deviations from the speech standard, interference, Turkic languages, Russian, Siberian dialects.

The article describes approaches to the marking of deviations from the speech standard (error annotation) in the corpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia.

The texts of the corpus are recordings of oral spontaneous speech of Russian-Turkic bilinguals, as a result of which the corpus is bimodal, the sound of speech is synchronized with the transcription, which is realized using ELAN. Morphological annotation is performed automatically using the Mystem console program of the Yandex company with further manual correction.

Along with the traditional morphological annotation, the corpus contains the annotation of the so-called “errors” (error annotation). Two types of labeling “errors” are applied, the first in accordance with the levels of the language system, the second in accordance with their sources. The article describes tags, provides fragments of texts with these tags. The key corpus tags are: Phon – phonetics, Synt – syntax, Morph – morphology, Lex – lexis, Der – derivation, Disk – discourse, Sem – semantics, Acc – accent, Infl – inflexion, Aff – affix,; Decl – declension, Agr – agreement,; Gov – government, Id – idiom, Prep – preposition, preposition; Gen – Gender, Num – number, Con – construction; Red – reduction, etc.

The annotation of deviations from the speech standard also includes tags of the source of the deviation. This type of marking is determined by the focus of the created corpus of texts on fixing speech practices of bilinguals, on identifying the factors that determine the nature and degree of interference manifestation at all language levels. Translingual and intralingual influence is annotated in the corpus. The influence of the norms of the regional variant of the Russian language is marked as an intralingual one.

Regionally determined deviations from the speech standard are marked with a [Reg] – a regional tag. This tag unites all manifestations of regional variants – Siberian dialects, the Siberian variant of urban vernacular, regional variants of the literary language. Deviations from the speech standard, which are a manifestation of the influence of the features of the bilingual’s mother tongue, are indicated by [Int] – interference.

The peculiarities of oral colloquial speech in the corpus of texts of Russian-Turkic bilinguals are not marked with additional tags.

The article provides examples of annotation using two types of tags.

The morphological annotation and marking of deviations from the speech standard define a wide range of the search engine of the corpus of oral speech of the Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia. Connecting to the body corpus meta-markup system expands the search capabilities by matching the types of deviations with the types of bilingualism and the sociocultural types of speakers.

References

1. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7
2. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”. *Rusin*. 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
3. Zaliznyak, A.A. (1980) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language: Word Change]. Moscow: Rus. yaz.
4. Kopotev, M. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to corpus linguistics]. Prague: Animedia Company.
5. RLC. *Russkiy uchebnyy korpus* [Russian Learner's Corpus]. [Online] Available from: <http://www.web-corpora.net/RLC/>. (Accessed: 14.01.2019).
6. *Korpus kontaktno-obuslovlennoy russkoy rechi* [Corpus of contact-influenced Russian speech]. [Online] Available from: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/. (Accessed: 14.01.2019).
7. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryaev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.
8. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka.
9. Zemskaya, E.A. (ed.) (1983) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.
10. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University.
11. Palagina, V.V. (ed.) (1989) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob]. Pt. 2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Araeva, L.A. (1991) Govory Kuzbassa v ikh sovremennom sostoyanii [Kuzbass dialects in their present state]. In: Belousova, G.G. (ed.) *Koordinatsionnoe soveshchanie po problemam izucheniya sibirskikh govorov kafedr russkogo yazyka vuzov Sibiri, Urala i Dal'nego Vostoka* [Coordination meeting on the problems of studying Siberian

dialects of the Russian language at departments of universities in Siberia, the Urals and the Far East]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.

13. Bankova, T.B. (1987) *Leksika tomskogo gorodskogo prostorechiya (tipologiya opisaniya)* [Vocabulary of Tomsk vernacular (a typology of the description)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

14. Blinova, O.I. (1977) Prostorechnaya leksika v sisteme mestnogo dialekta [Vernacular vocabulary in the system of the local dialect]. In: Arzhanykh, L.M. (ed.) *Leksikologicheskiy sbornik* [A lexicological collection]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute.

15. Bacanlı, E. (2011) Inflectional suppletion in Turkic languages. *Folia Linguistica Historica*. 32. pp. 1–42. DOI: 10.1515/flih.2011.002

16. Budrenyuk, G.M. & Grigorevskiy, V.M. (1978) *Yazykovaya interferentsiya i metody ee vyavleniya* [Language interference and methods for its detection]. Kishinev: Shtiintsa.

17. Tenishev, E.R. (ed.) (2001) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka.

18. Tenishev, E.R. (ed.) (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow: Nauka.

19. Gordeeva, O.I. (1965) *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivaemyy yazyk v protsesse stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov)* [Some regularities of the influence of the native language on the adopted language in the process of the formation of bilingualism (on the material of the Russian and Tatar Siberian dialects)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

20. Gordeeva, O.I. (1962) Ob osvoenii tatarami grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitel'nykh v usloviyakh russkogo starozhil'cheskogo okruzheniya [On the development by the Tatars of the grammatical category of the gender of nouns in the context of the Russian old-timer environment]. In: Palagina, V.V. (ed.) *Lingvisticheskiy sbornik* [A linguistic collection]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Abdrakhmanov, M.A. (1960) *K voprosu o zakonomernostyakh dialektnoyazykovogo smesheniya (na materiale tyurkskogo govora der. Eushta Tomskogo rayona)* [On the patterns of dialectal language mixing (on the material of the Turkic dialect of the village of Eushta, Tomsk Oblast)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161

DOI: 10.17223/22274200/15/9

Л.П. Гарбуль

О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Рассматривается роль исторических словарей русского, белорусского, украинского, польского и чешского языков в изучении межславянских языковых контактов, проводившемся на материале дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства с западноевропейскими державами в конце XVI – первой половине XVII в., а также приводятся обобщенные результаты этих исследований, которые были получены с привлечением данных исторических словарей.

Ключевые слова: исторический словарь, межславянские языковые контакты, лексическое заимствование, семантическое заимствование / калька.

Истоки русской и – шире – восточнославянской исторической лексикографии восходят к притекстовым словарям к памятникам письменности¹, азбукovníкам и лексиконам XVI–XVII вв., которые с древнейших времен накапливали в себе черты исторического словаря. В этих азбукovníках и лексиконах отражаются исторические контакты двух или более культур и приводятся комментарии древних реалий, библейских и мифологических сюжетов, имен, географических названий, этнографической и архаической лексики.

Предтечей исторического словаря не только русского, но и других восточнославянских языков можно по праву считать «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [2], который заложил традицию составления исторических словарей. Именно он явля-

¹ Например, многие статьи @Изборника Святослава 1073 года содержат разъяснения текстов Писания и являются первыми попытками толкования с элементами энциклопедического и словарного изложения материала (см. [1]).

ется основателем жанра исторической лексикографии восточнославянских языков. Как отмечает О.В. Никитин, «И.И. Срезневский разработал методику анализа, систематизации и классификации словарного материала по памятникам письменности с четкой датировкой языковых фактов» [3. С. 50]. В своем труде особое внимание он «уделил семасиологии слов древнерусского языка, их научному лексикографическому описанию и объяснению» [Там же].

Начало разработки общей программы по развитию исторической лексикографии как особой области лексикографии относится к первой половине XX в., когда в работах Л.В. Щербы [4] и В.В. Виноградова [5] формулируются теоретические принципы создания исторических словарей, ставится задача их составления, намечаются пути ее реализации, а также начинается создание специальных картотечных массивов. Л.В. Щерба следующим образом выразил основное требование к историческому словарю: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [4. С. 303]. Идеи Л.В. Щербы и В.В. Виноградова послужили стимулом для дальнейшего развития теории исторической лексикографии и практики разработки исторических словарей не только русского, но и других восточнославянских языков. С 70–80-х гг. XX в. начинают издаваться фундаментальные исторические словари этих языков с большой глубиной диахронии, создающиеся с опорой на широкий круг письменных источников разных жанров и различного происхождения. В словарях этого жанра устанавливается состав слов и их значений в древнерусском и русском, а также в белорусском и украинском языках XV–XVIII вв., содержится значительное количество хронологически определенных текстуальных примеров, сравнительные языковые материалы, поэтому они дают надежную информацию для точной научной интерпретации текстов (см. [5. С. 196]).

Учитывая изложенное выше, не вызывает сомнений то, что в настоящее время все исследования в области исторической лексикологии невозможны без привлечения материалов исторических словарей. Так, до 70–80-х гг. XX в. исследователи межславянских языковых контактов XV–XVIII вв. сталкивались с труднопреодолимыми проблемами при установлении факта таких заимствований, которые

представляют собой внутриславянские дериваты. До этого времени перечень заимствований пополнялся в основном словами из западноевропейских языков, которые имели формальные признаки заимствования и часто проникали в русский язык через посредничество западнославянских языков. И только в работах последней четверти XX – начала XXI в. благодаря успешной реализации проекта по созданию исторических словарей славянских языков среди вновь выявляемых заимствований в русский письменный язык XV–XVIII вв. значительно возросло число заимствований непосредственно из западнославянских языков. Объясняется это во многом тем, что установление этих заимствований сопряжено с серьезными трудностями. Так, при изучении лексических заимствований, когда речь идет о словах, имеющих общеславянское распространение, применение только формальных (строго лингвистических) критериев мало пригодно. В случае с семантическими кальками это связано с тем, что их природа проявляется не в языковой форме, а исключительно в содержании (см. [6. С. 27–28]). В связи с этим при идентификации межславянских заимствований необходимо опираться на историко-филологические методы, применение которых дает достаточно надежные результаты (см. [7. С. 20; 8. С. 30]). При этом особое значение приобретает учет таких моментов, как степень распространенности слова / значения в заимствующем языке, а также в других славянских языках, история слова / значения в контактирующих языках (время появления, характер памятника (-ов), история функционирования).

Источником этой информации являются исторические словари западнославянских и восточнославянских языков, издание которых, начавшееся в 50–80-е гг. XX в., способствовало оживлению и активизации изысканий в области межславянских языковых контактов. Данные этих лексикографических источников позволяют не только с достаточной степенью надежности выявлять такого рода заимствования, но также дают возможность верифицировать результаты предшествующих исследований. И мы в процессе изучения межславянских языковых контактов XVI–XVII вв. опирались на информацию исторических словарей русского, белорусского, украинского, польского и чешского языков. Основными лексикографическими источниками для интерпретации языковых фактов при анализе польского влияния на русский язык на материале дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства с западноевропейскими держа-

вами¹ в конце XVI – первой половине XVII в.² послужили следующие исторические словари русского языка: «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [9], «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [10], «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» [11], «Словарь русского языка XVIII века» [12]. В своих работах мы также использовали информацию исторических словарей белорусского и украинского языков: «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» [13], «Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі» [14] и «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» [15], «Словник староукраїнської мови XVI – першої половини XVII ст.» [16], «Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.» [17]. Кроме того, в своих изысканиях мы опирались на данные исторических словарей польского и чешского языков: «Słownik staropolski» [18], «Słownik polszczyzny XVI wieku» [19], «Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku» [20] и «Slovník staročeský» [21], «Staročeský slovník» [22].

В процессе анализа языкового материала на предмет установления факта межславянского заимствования мы проводили сопоставление наших данных с информацией вышеперечисленных лексикографических источников. Такое сопоставление имеет особую значимость в тех случаях, когда речь идет о лексических и семантических заимствованиях, которые представляют собой внутриславянские дериваты с праславянским корнесловом и словообразовательными аффиксами. В наших материалах такого рода заимствования составляют около 54% от общего числа лексических заимствований (более 900), а еще 19% – это слова, образованные в польском языке на базе заимствованной корневой морфемы с помощью исконно славянских аффиксов [23. С. 254; 24. С. 2–16]. Среди верифицированных семантических калек (более 330) они составляют 94% [25. С. 423; 26. С. 64–75; 27.

¹ В частности, мы исследовали документы по сношениям Московского государства с Англией, Голландией, Данией, Италией, Молдавским княжеством и Валахией, Речью Посполитой (Польшей и Великим княжеством Литовским), Священной Римской империей, Францией, Швецией. Они представляют собой опубликованные посольские книги и их фрагменты.

² В рамках исторических событий внутренней жизни Московской Руси это период от начала Смуты (1598 г.) до середины XVII в., включая воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Некоторые документы, касающиеся последнего события, относятся к 1655–1656 гг.

С. 36–52]. При этом факт лексического заимствования впервые установлен в 71 случае (66 лексем – это полонизмы¹, 5 – заимствования непосредственно из письменности Великого княжества Литовского) [23. С. 252; 24. С. 5–6; 28. С. 86–87; 29. С. 279–283; 30. С. 67–70, 79–82], а факт семантического калькирования – в 187 случаях (180 калек – это полонизмы, 5 – богемизмы, попавшие в русский письменный язык благодаря посредничеству польского языка, и 2 случая – семантические заимствования непосредственно из письменности Великого княжества Литовского) [23. С. 213; 25. С. 421; 26. С. 70, 75; 27. С. 52; 30. С. 70–73].

В остальных случаях информация исторических словарей западнославянских и восточнославянских языков позволила подтвердить и обосновать или отклонить высказывавшиеся ранее предположения о заимствовании из польского или письменности Великого княжества Литовского. Так, благодаря материалам исторических словарей была проведена процедура верификации значительного числа предполагаемых межславянских заимствований на предмет подтверждения факта заимствования из польского языка, в результате чего факт лексического заимствования был подтвержден для 856 слов, а в 64 случаях заимствование из польского или через его посредничество из других языков обосновать не удалось [23. С. 210–249, 252]. Из 66 случаев потенциальных семантических заимствований из польского, подвергшихся процедуре верификации, факт калькирования удалось подтвердить 52 раза, а в 14 случаях факт калькирования не был подтвержден [25. С. 391–395, 422].

По отношению к общему количеству полонизмов, отмеченных в русском языке XV–XX вв. (см. [31]), обнаруженные нами в дипломатической корреспонденции Московского государства конца XVI – первой половины XVII в. лексические заимствования из польского составляют более 11,5%, а с учетом семантических калек – более 15,5% (см. [23. С. 252; 24. С. 1–16; 25. С. 421–423; 26. С. 63–77;

¹ В понятие «полонизм» мы включаем не только польские по происхождению лексические единицы, но и лексические элементы третьих языков (латынь, немецкий и другие языки), вошедшие в русский язык через посредство польского. Что касается заимствований из третьих языков через польское посредничество, то к полонизмам мы относим лишь те, которые ко времени их проникновения в русскую письменность прочно укоренились в лексико-семантической системе польского языка.

27. С. 35–56]). Эта информация свидетельствует о достаточно высокой интенсивности польского влияния на русский письменный язык XVI–XVII вв. и о том, что именно приказная письменность, в частности дипломатическая документация, служила активным проводником этого влияния в указанный период.

До недавнего времени в работах по польско-русским языковым контактам бытовало мнение, что среди заимствований из польского языка в русский в XVI–XVIII вв. доминирует специальная лексика из таких сфер, как администрация и управление, правосудие, военное дело, медицина, флора и фауна, религия, мораль, культура, средства коммуникации и др. Обогащение словарного состава русского языка в указанный период этими элементами не вызывает сомнений и объяснимо внеязыковыми факторами: культурным влиянием, развитием различных отраслей знаний, науки и производства. И в языке документов Посольского приказа конца XVI – первой половины XVII в. также широко представлены заимствования такого рода, однако наряду с полонизмами указанных тематических групп слов здесь достаточно велика доля заимствований общеупотребительной лексики, установлению которой способствовало обращение к данным исторической лексикографии.

Привлечение информации исторических словарей в наших изысканиях способствовало не только выявлению межславянских заимствований и верификации данных предшествующих исследований в этой области, авторам которых в силу объективных причин¹ не всегда удавалось аргументированно обосновать факт заимствования, но позволило также решить ряд других не менее важных задач. Материалы этих лексикографических источников дали возможность установить не только язык-донор в польско-русских языковых контактах XV–XVII вв., но и язык-посредник, т.е. определить пути проникновения анализируемых заимствований в русский письменный язык указанного периода. Так, по нашим сведениям, в более чем 81% случаев процесс заимствования в русский письменный язык в XV–XVII вв. из польского осуществлялся благодаря посредничеству письменности Великого княжества Литовского [23. С. 253; 24. С. 15; 25. С. 425; 26. С. 75; 27. С. 52]. В ряде случаев межславянские языковые контак-

¹ Кстати, одна из самых важных причин – это неразработанность исторической лексикографии славянских языков до второй половины XX в.

ты в этот период носили еще более сложный характер, когда при заимствовании бегемизмов в роли посредника выступали польский язык и письменность Великого княжества Литовского: в наших материалах такие лексические заимствования составляют почти 11% [23. С. 254; 29. С. 283], а семантические – более 2% [25. С. 425–426; 26. С. 70, 75].

Согласно нашим данным, 15 слов, являющихся лексическими полонизмами, и 43 лексемы в рассматриваемых значениях, представляющие собой семантические кальки с польского, до сих пор не регистрировались в исторических словарях русского языка, а среди заимствований из письменности Великого княжества Литовского количество таких случаев соответственно – 2 слова и 1 слово [23. С. 253; 24. С. 11, 13–14; 29. С. 279–282, 284–285].

Кроме того, в результате сопоставления наших материалов с информацией исторических лексикографических источников русского языка для более чем 39,5% лексических и почти 37% семантических полонизмов, а также для 31,5% лексических заимствований из письменности Великого княжества Литовского было установлено более раннее время их появления в русском письменном языке либо конкретизированы хронологические данные [23. С. 253; 24. С. 15; 25. С. 422; 26. С. 75; 27. С. 53; 28. С. 83–89; 29. С. 282–284; 30. С. 67]. В связи с этим заметим, что при контактировании генетически родственных языков учет хронологических данных играет важную роль, так как помогает установить направление языкового влияния. Из этого следует, что необходимо скрупулезнейшим образом регистрировать все, в том числе окказиональные, случаи заимствований, встречающиеся в памятниках письменности, поскольку именно эта информация позволяет в ряде случаев установить трудно уловимую миграцию отдельных слов или их значений из одного близкородственного языка в другой.

В завершение обзора роли исторических словарей в исследовании межславянских языковых контактов отметим, что установление такого рода заимствований «может внести в некоторых случаях существенные коррективы в этимологию, установленную на основе формальных совпадений, и тем самым уточнить данные о первоначальном распространении того или иного слова, отделяя праславянский лексический фонд от вторичных культурных наслоений» [32. С. 14]. Кроме того, резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о тесной взаимосвязи и взаимозависимости между исторической лекси-

кологией и лексикографией, на которую указывал еще В.В. Виноградов, подчеркивавший, что основой истории русского языка должна быть историческая семантика русского языка, построение которой невозможно без опоры на данные исторической лексикографии (см. [5. С. 192]). Наши изыскания в области межславянских языковых контактов на уровне лексики на материале памятников приказной письменности конца XVI – первой половины XVII в. также показывают, что невозможно достижение надежно обоснованных результатов без использования информации исторических словарей славянских языков. Но в то же время данные, получаемые в процессе исследования различных проблем исторической лексикологии (в нашем случае – межславянских языковых контактов), способствуют уточнению и дополнению новыми фактами информации, содержащейся не только в исторических, но и в этимологических словарях.

Литература

1. Кусков В.В. Святославов изборник 1073 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 113–118. URL: <http://nature.web.ru> (дата обращения: 06.02.2018).
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1893–1912. Т. 1–3.
3. Никитин О.В. Наследие академика И.И. Срезневского: у истоков изучения истории русского языка // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сб. ст. Междунар. науч. конф., 26–28 сентября 2012 года / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин. Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2012. С. 48–56.
4. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 265–304.
5. Виноградов В.В. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв. // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 192–205.
6. Гарбуль Л. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII в. // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2004. № 49 (1–2). С. 27–43.
7. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
8. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. : Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2016. Т. I–XI.

10. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М. ; СПб. : Наука: Азбуковник: Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30.
11. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* СПб. : Наука, 2004–2016. Вып. 1–7.
12. *Словарь русского языка XVIII века.* СПб. : Наука, 1984–2015. Вып. 1–21.
13. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. Вып. 1–37.
14. *Булыка А.М.* (рэд.) Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі. Мінск : Беларуская навука, 2013. Т. 1, 2.
15. *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* Київ : Наукова думка, 1977–1978. Т. 1, 2.
16. *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* Львів : Інститут українознавства ім. Й. Крип'якевича НАН України, 1994–2013. Вип. 1–16.
17. *Тимченко Є.К.* Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. Київ ; Нью-Йорк : Преса України, 2002–2003. Кн. 1, 2.
18. *Słownik staropolski.* Warszawa : Wydawnictwo PAN, 1953–2002. Т. 1–11.
19. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Wrocław ; Warszawa ; Kraków–Gdańsk : PAN: IBL, 1966–2012. Т. 1–36.
20. *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku.* URL: <http://SXVII.pl> (дата обращения: 26.12.2015).
21. *Gebauer J.* *Slovník staročeský.* Praha : Academia, 1970. D. 1–2.
22. *Staročeský slovník.* Praha : Academia, 1977–2008. Seš. 1–26.
23. *Гарбуль Л.* Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 2014. 284 с.
24. *Гарбуль Л.* Межславянские лексические заимствования в дипломатической корреспонденции Московского государства // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2015. № 60 (1). С. 1–19.
25. *Гарбуль Л.* Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 2009. 484 с.
26. *Гарбуль Л.П.* Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII в. // *Slavistica Vilnensis.* 2014. № 59. С. 63–80.
27. *Гарбуль Л.П.* Незамеченные семантические полонизмы в приказном языке Московского государства // *Slavistica Vilnensis.* 2016. № 61. С. 35–61.
28. *Гарбуль Л.П.* Письменность Великого княжества Литовского как источник лексических заимствований в других славянских языках // *Slavistica Vilnensis.* 2010. № 55. С. 77–94.
29. *Гарбуль Л.* О двоякой роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2017. № 62 (2). С. 277–289.
30. *Гарбуль Л.П.* К вопросу о роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах // *Slavistica Vilnensis.* 2017. № 62. С. 65–77.
31. *Witkowski W.* *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim.* Wyd. II rozszerzone. Kraków : Universitas, 2006. 254 s.

32. Золтан А. *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М. : Индрик, 2014. 224 с.

On the Role of Historical Dictionaries in the Study of Inter-Slavic Language Contacts

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 141–153.

DOI: 10.17223/22274200/15/9

Liudmila P. Garbul', Vilnius University (Vilnius, Lithuania). E-mail: liudmila.garbul@flf.vu.lt

Keywords: historical dictionary, inter-Slavic borrowings, lexical borrowing, semantic borrowing/calque.

The article examines the role of the Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish and Czech historical dictionaries in the study of inter-Slavic language contacts carried out on the material of the diplomatic correspondence on relations of the Muscovite state with the western European countries at the end of the 16th – the first half of the 17th centuries. The article demonstrates the significance of these lexicographic sources in the identification and in the verification of borrowings from Polish and from the written language of the Grand Duchy of Lithuania into the Russian written language in the aforementioned period. The article presents the generalized results of the investigation received with the use of the mentioned historical dictionaries. Thus, 54% of the total number of the borrowings (more than 900) are made up by intra-Slavic derivatives; in the semantic calques, such borrowings make up 94% of the total number (more than 330). The author points out that the identification of borrowings of this kind is complicated. The fact of a lexical borrowing has been first stated for 71 words (66 Polonisms, 5 borrowings from the literary language of the Grand Duchy of Lithuania), the fact of a semantic calque has been first stated in 187 cases (180 Polonisms, 5 Bohemisms, 2 borrowings from the written language of the Grand Duchy of Lithuania).

According to the results of the material verification with the use of the historical dictionaries, in 64 cases out of 856 the fact of a lexical borrowing and in 14 cases out of 66 the fact of a semantic borrowing have not been proven.

The present investigation elucidated upon the ways of inter-Slavic borrowings' penetration into the Russian written language in the 15th–17th centuries: in 81% of the cases a borrowing occurred through the mediation of the written language of the Grand Duchy of Lithuania. In 30% of all the cases the data of the present study date the appearance of the lexemes and meanings in the Russian written language under analysis to an earlier period. To sum it up, the author's insights into the historical lexicography of the Russian language show that in order to obtain valid results one should rely upon the materials of historical dictionaries. What is more, the data of such investigations can contribute to the supplementation and refinement of not only historical dictionaries, but etymological dictionaries as well.

References

1. Kuskov, V.V. (2000) Svyatoslavov izbornik 1073 goda [Izbornik of Sviatoslav (1073)]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 1. pp. 113–118. [Online] Available from: <http://nature.web.ru>. (Accessed: 06.02.2018).
2. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Vols 1–3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk,
3. Nikitin, O.V. (2012) [The legacy of Academician I.I. Sreznevsky: at the roots of studying the history of the Russian language]. *I.I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Sreznevskogo* [I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: to the 200th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky]. Proceedings of the International Conference. 26–28 September 2012. Ryazan: Ryazan State University. pp. 48–56. (In Russian).
4. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka. pp. 265–304.
5. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 192–205.
6. Garbul', L. (2004) K voprosu o mezhsлавянских leksicheskikh zaimstvovaniyakh v russkom prikaznom yazyke XVII v. [On the inter-Slavic lexical borrowings in the business Russian of the seventeenth century]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 49 (1–2). pp. 27–43. DOI: 10.15388/SlavViln.2018.63.11850
7. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt sozdaniya “Kataloga semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchrony and diachrony: the project of creating a “Catalog of semantic transitions”]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 13–25.
8. Krysin, L.P. (2002) Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletii [Lexical borrowings and translation loans in the Russian language of the recent decades]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 27–34.
9. Avanesov, R.I. et al. (1988–2016) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th – 14th centuries)]. Vols I–XI. Moscow: Rus. yaz.: Azbukovnik.
10. Anikin, A.E. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Issues 1–30. Moscow; St. Petersburg: Nauka: Azbukovnik: Nestor-Istoriya.
11. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004–2016) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of everyday Russian language of Muscovite Russia of the 16th–17th centuries]. Issues 1–7. St. Petersburg: Nauka.
12. Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984–2015) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the eighteenth century]. Issues 1–21. St. Petersburg: Nauka.
13. Zhurayski, A.I. (ed.) (1982–2017) *Gistarychny slovník belaruskay movy* [Historical Dictionary of the Belarusian language]. Issues 1–37. Minsk: Navuka i tekhnika.

14. Bulyka, A.M. (ed.) (2013) *Padruchny gistorychny sloŭnik substantsyŭnay leksiki* [A handbook historical dictionary of substantive vocabulary]. Vols 1–2. Minsk: Belaruskaya navuka.
15. Gunets'ka, L.L. (ed.) (1977–1978) *Slovník staroukrajinskoy movy XIV–XV st.* [Dictionary of Old Ukrainian of the 14th–15th centuries]. Vols 1–2. Kiev: Naukova dumka.
16. Grinchishin, D. & Chikalo, M. (eds) (1994–2013) *Slovník ukrajinskoy movy XVI – pershoj polovini XVII st.* [Dictionary of Ukrainian of the 16th – first half of the 17th centuries]. Issues 1–16. Lviv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'yakevicha NAN Ukraïni.
17. Timchenko, E.K. (2002–2003) *Materiali do slovníka pisemnoy ta knizhnoïyukrajinskoy movy XV–XVIII st.* [Materials to the dictionary of written and book Ukrainian in the 15th–18th centuries]. Books 1, 2. Kiev; New York: Presa Ukraini.
18. Urbańczyk, S. (ed.) (1953–2002) *Słownik staropolski*. Vols 1–11. Warszawa: Wydawnictwo PAN.
19. Mayenowa, M.R. & Peplowski, F. (eds) (1966–2012) *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Vols 1–36. Wrocław; Warszawa; Kraków–Gdańsk: PAN; IBL.
20. Instytut Języka Polskiego PAN. (n.d.) *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku*. [Online] Available from: <http://SXVII.pl>. (Accessed: 26.12.2015).
21. Gebauer, I. (1970) *Slovník staročeský*. D. 1–2. Praha: Academia.
22. Academia. (1977–2008) *Staročeský slovník*. Seš. 1–26. Praha: Academia.
23. Garbul', L. (2014) *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom yazyke pervoy poloviny XVII veka* [Lexical Polonism in the business Russian of the first half of the seventeenth century]. Vilnius: Vilnius University.
24. Garbul', L. (2015) *Mezhsłavyanskie leksicheskie zaimstvovaniya v diplomaticheskoy korrespondentsii Moskovskogo gosudarstva* [Inter-Slavic lexical borrowings in the diplomatic correspondence of the Muscovite State]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 60 (1). pp. 1–19.
25. Garbul', L. (2009) *Semanticheskie polonizmy v russkom prikaznom ya zyce pervoy poloviny XVII veka* [Semantic Polonisms in the business Russian of the first half of the seventeenth century]. Vilnius: Vilnius University.
26. Garbul', L.P. (2014) *Mezhsłavyanskie semanticheskie zaimstvovaniya v russkom prikaznom yazyke XVII v.* [Inter-Slavic semantic borrowings in the business Russian of the seventeenth century]. *Slavistica Vilnensis*. 59. pp. 63–80.
27. Garbul', L.P. (2016) *Nezamechennyye semanticheskie polonizmy v prikaznom yazyke Moskovskogo gosudarstva* [Unnoticed semantic Polonisms in the business language of the Muscovite State]. *Slavistica Vilnensis*. 61. pp. 35–61.
28. Garbul', L.P. (2010) *Pis'mennost' Velikogo knyazhestva Litovskogo kak istochnik leksicheskikh zaimstvovaniy v drugikh slavyanskikh yazykakh* [The writing of the Grand Duchy of Lithuania as a source of lexical borrowings in other Slavic languages]. *Slavistica Vilnensis*. 55. pp. 77–94.
29. Garbul', L.P. (2017) *O dvoyakoy roli pis'mennosti Velikogo knyazhestva Litovskogo v mezhsłavyanskikh yazykovykh kontaktakh* [On the ambiguous role of the writing of the Grand Duchy of Lithuania in inter-Slavic language contacts]. *Studia*

Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 62 (2). pp. 277–289. DOI: 10.1556/060.2017.62.2.2

30. Garbul', L.P. (2017) K voprosu o roli pis'mennosti Velikogo knyazhestva Litovskogo v mezhslyavianskikh yazykovykh kontaktakh [On the role of the writing of the Grand Duchy of Lithuania in inter-Slavic language contacts]. *Slavistica Vilnensis*. 62. pp. 65–77.

31. Witkowski, W. (2006) *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków: Universitas.

32. Zoltan, A. (2014) *Interslavica: Issledovaniya po mezhslyavianskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica: Studies on inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik.

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/15/10

К.С. Кочергина

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СЛОВАРЕЙ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются подходы к решению проблемы выбора лингвистом-экспертом словарей-источников. Предлагаются критерии оценивания информативных возможностей словарей в аспекте их пригодности для решения лингвоэкспертных задач. Содержится справочная и статистическая информация о методических рекомендациях словарей и сложившейся практике их применения. Намечаются перспективы разработки базы данных источников для лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза, методические рекомендации, практика применения, словарь, источник, база данных.

Постановка проблемы

По последним данным, в отечественной лексикографии за период с конца XVII в. до начала XXI в. накоплено более 3 300 лексикографических продуктов – одноязычных словарей русского языка, общий список которых представлен в справочной книге В.А. Козырева, В.Д. Черняк [1. С. 405–592]. Исследователи выделяют 37 типов словарей, среди которых, например, только толковых словарей насчитывается 59 наименований [2. С. 89–93]. Каждый словарь «характеризуется определ[енной] концепцией, касающейся типа, объема С[ловаря] и разработки в нем разл[ичных] лексикографич[еских] параметров, т[о] е[сть] отбора слов и их аспектов, разъясняемых в С[ловаре]» [3].

Многообразие лексикографических изданий, разнообразие их типов, своеобразие каждого из словарей – все это ставит перед лингвистом-исследователем проблему выбора словаря-источника (одного или нескольких) в соответствии с поставленными целями, т.е. выбор словаря в качестве источника для исследований обуславливает их результаты. При этом его субъективный выбор накладывается на субъективность лексикографа (так называемую интуицию лексикографа [4]) как автора, составителя, автора-составителя, редактора сло-

варя. Так, на результаты исследований оказывает влияние двойная субъективность: выбор лингвиста-исследователя и установка лексикографа.

Соблюдение принципа объективности особенно важно для такого рода лингвистических исследований, как лингвистическая экспертиза, выводы которой могут зависеть, например, от содержащейся в словарях стилистической информации о лексических единицах [5].

В практике лингвистической экспертизы основным источником для выводов эксперта является словарь как наиболее надежный [6. С. 100] и легитимный [7. С. 152] источник. Однако не существует общепринятого списка словарей, рекомендуемых и применяемых для решения лингвоэкспертных задач в качестве источников толкования и стилистической квалификации слов, что обуславливает актуальность данного исследования.

Целью настоящей статьи является выработка критериев оценивания информативных возможностей словарей в аспекте их пригодности для решения лингвоэкспертных задач на основе обобщения теоретических наработок и представления сложившейся практики в области их применения как источников для лингвистической экспертизы.

Источниками материала стали методические издания, книги и сборники статей по лингвистической экспертизе, а также интернет-сайты объединений лингвистов-экспертов – всего 19 источников.

Материалом послужили лексикографические издания, представленные в 6 списках рекомендуемой литературы и 167 текстах экспертных заключений и отобранные из указанных источников методом сплошной выборки. Основной метод анализа, применяемый в данном исследовании, – описательно-аналитический (общенаучный) метод с совокупностью его приемов.

История вопроса

Проблемы лингвистического обеспечения юридической сферы [8] и взаимоотношений лингвистической экспертизы и лексикографии как двух направлений лингвистики [6] активно обсуждаются в научном сообществе, в то время как исследования в рамках лингвистической экспертизы проводятся преимущественно с опорой на данные традиционных и современных толковых словарей русского языка. В юридической лингвистике поставлены вопросы о достаточности

представленных в них сведений и соответствии их целей целям лингвистической экспертизы.

Н.Д. Голев (совместно с О.Н. Матвеевой) в ряде работ [4, 7, 9, 10] обсуждает возникшую потребность в создании специального типа словаря – юрислингвистического, в частности, словаря инвективной лексики, в котором должно найти отражение реальное функционирование инвективных слов в узусе.

Назовем два известных подобных проекта: «Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка» (Н.Д. Голев, О.В. Головачева, А.В. Коряковцев) [11, 12] и «Юрислингвистический фразеологический словарь» (В.И. Макаров, О.С. Макарова, А.К. Устюжанина) [13]. В первом словаре объектом лексикографического описания является особая языковая единица – инвективное слово, во втором – фразеологические единицы (в широком смысле), которые могут быть вовлечены в инвективное функционирование языка.

Ввиду незавершенности в настоящий момент перечисленных проектов основное внимание лингвистов-экспертов сосредоточено на имеющихся лексикографических изданиях. Исследователи придерживаются разных взглядов на то, к словарям какого типа, каким именно словарям и какому их количеству следует обращаться.

Наиболее распространенной представляется точка зрения о толковых (нормативных) словарях как эффективном инструменте лингвистической экспертизы (см., например, [14]). Н.Д. Голев отмечает сложившуюся в лингвоэкспертной практике положительную тенденцию, связанную с их применением – тенденцию «к совмещению лингвистического качества и легитимности данных: первое здесь как бы предполагает второе» [10. С. 25–26].

В.А. Ефремов указывает на невозможность ограничиваться в экспертной деятельности исключительно толковыми (нормативными) словарями русского литературного языка по ряду причин [15. С. 42].

По мнению И.А. Стернина, для установления значений слов в лингвоэкспертной практике необходимо опираться на несколько разных наиболее полных авторитетных толковых (в широком смысле) словарей современного русского языка (в том числе на словари сленга и разговорной речи) [16. С. 203].

Несмотря на разные подходы к выбору словарей-источников для лингвистической экспертизы, данные исследователи сходятся во мнении относительно двух словарей: так, Н.Д. Голев и И.А. Стернин

предлагают опираться на «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, а В.А. Ефремов и И.А. Стернин – на «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика.

Таким образом, выбору словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы должно предшествовать оценивание их информативных возможностей в аспекте пригодности для решения лингвоэкспертных задач. Проведенный анализ предлагаемых исследователями подходов к решению данной проблемы позволяет сформулировать следующие критерии для обоснования выбора словаря-источника: 1. Общая характеристика словаря и его специфика. 2. Объём и состав словника словаря. 3. Способы толкования значений слов в словаре. 4. Система стилистических помет и стилистическая характеристика слов в словаре. 5. Специальные возможности применения словаря в ходе лингвистической экспертизы. Кроме того, в данной работе также предлагается учитывать следующие критерии, влияющие на выбор словаря-источника: 6. Наличие рекомендации по применению словаря в методических изданиях. 7. Сложившаяся практика применения словаря.

1. Рекомендации по применению словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы в методических изданиях. На первом этапе данного исследования проанализировано 6 находящихся в открытом доступе методических изданий, разработанных за период с 2002 по 2016 г. Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (далее – ГЛЭДИС) [17–20] и Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (далее – РФЦСЭ при Минюсте России) [21, 22].

Обращение к данным методическим изданиям показало, что списки рекомендуемых в них словарей составляются с учетом практики их применения при производстве лингвистической экспертизы, сопровождаются комментариями, аннотациями, обосновывающими их выбор, а также частными замечаниями (например, о том, какие именно издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова следует использовать). Отметим, что также встречаются непоследовательные рекомендации источников других типов: энциклопедических, справочных, научно-методических изданий, электронных ресурсов.

В книге *«Цена слова»* [17] в разделе «Вопросы – ответы» на вопрос «14. Какими словарями следует пользоваться при анализе текста?» дается ответ в виде списка словарей и справочников, использованных в текстах содержащихся в данной книге экспертных заключений, в котором присутствует 25 наименований собственно лингвистических словарей различных типов и 9 терминологических словарей. Кроме того, при ответе на данный вопрос приводится ссылка на размещённый в данной книге в разделе «Некоторые издания и публикации, рекомендуемые по теме книги “Цена слова”» список рекомендуемой литературы, в числе которой можно выделить 16 наименований словарей.

В научно-методическом издании *«Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы»* [18] в разделе «Рекомендуемая литература» приводятся список основных монографий, справочников и список основных словарей, в котором перечислено 9 наименований словарей, сопровождающихся комментариями, свидетельствующими о преимуществах того или иного словаря в аспекте его применения при производстве лингвистической экспертизы: о составе словника словаря, о наличии дополнительной информации в словаре, о назначении словаря, о наличии интернет-версии словаря.

Памятка *«Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?»* [19] является самостоятельным учебно-методическим изданием, однако включенный в него раздел «Рекомендуемая литература» содержит информацию, идентичную представленной в охарактеризованной выше *«Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы»*, в связи с чем список рекомендуемых в нем словарей в данной статье не приводится, однако учитывается при дальнейших подсчетах.

В научно-методическом издании *«Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ»* [20] в разделе «Основные словари русского языка и интернет-ресурсы, рекомендуемые сотрудникам Роскомнадзора» дается краткий перечень современных толковых словарей с аннотациями к ним, раскрывающими специфику каждого словаря и поясняющими их выбор. При этом словари подразделяются на две группы: базовые и дополнительные¹ (4 и 5 наименований словарей соответственно).

¹ К дополнительным авторы данного методического издания относят словари, фиксирующие «новую лексику, – как возникшую непосредственно в русской речи, так и заимствованную» [20. С. 154]).

В примечаниях к данному списку авторы отмечают, что «сотрудник Роскомнадзора, осуществляющий в рамках должностных обязанностей оценку спорного текста СМИ, должен также представлять, что среди современных лексикографических изданий существует немало словарей, описывающих лексику ограниченной, специфической сферы употребления – от, например, школьного жаргона до матерной брани» [20. С. 154], и далее приводится список из 8 словарей¹, который можно расценивать как продолжение рекомендуемого перечня дополнительных словарей.

В *«Теоретических и методических основах судебной психологической лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму»* [21] в приложение вынесен аннотированный список некоторых лексикографических источников², в который включено 49 словарей, а именно: 11 словарей мата, ненормативной лексики, арго³, 10 словарей субстандартной лексики⁴, 17 словарей разговорного языка, 2 словаря заимствований, 5 антропологических словарей (словарей именований лиц), 2 словаря политических метафор, эвфемизмов, а также 2 «лексикографических источника, содержащих нейтральные этнонимы» [21. С. 263]. Также в «Списке литературы (к приложениям 2, 3)» дается более полный список рекомендуемой литературы, включающий 8 наименований словарей, которые не представлены в приведенном выше списке из приложения.

В кратком варианте (проспекте) *«Методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении»* [22] рекомендуется использовать по 4 наименования словарей каждого из 2 типов: академические словари современного русского литературно-

¹ Данный список завершается «и др.», т.е. указанием на его возможное продолжение.

² Отметим, что в данном списке приведены только фамилии авторов словарей и года их издания, поэтому названия словарей восстанавливались по «Списку литературы (к приложениям 2, 3)», а в случае отсутствия в нем таковых – по другим источникам.

³ Данный пункт списка завершается «и др.», т.е. указанием на его возможное продолжение. Также авторы данного методического издания предлагают обратиться к исчерпывающему списку словарей мата, ненормативной лексики, арго в следующих источниках: «“Злая лая матерная...”» Л.В. Бессмертных (2005), «Литература и словарь по русскому субстандарту (вышедшие вне России)» Вальтера Харри (2002).

⁴ Данный пункт списка завершается «и др.», т.е. указанием на его возможное продолжение.

го языка и словари субстандартной лексики (однако список рекомендуемых словарей имеет ограничение: «Только следующие лексикографические источники» [22. С. 96]).

В охарактеризованных выше 6 методических изданиях рекомендуется в общей сложности 93 наименования словарей различных типов, при этом:

– ни один из словарей не рекомендуется одновременно во всех 6 методических изданиях;

– в 5 методических изданиях рекомендуются следующие 3 словаря (3% от общего количества рекомендуемых словарей): «Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений» В. Буй (1991, 1995, 2005), «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной (1999), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1997 и послед.);

– в 4 методических изданиях рекомендуются следующие 3 словаря (также 3%): «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998 и послед.), «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998. Т. 1), «Словарь русской брани. Матизмы, общесленизмы, эвфемизмы» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2003);

– в 3 методических изданиях рекомендуются 2 словаря (2%): «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1994), «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998, 2000);

– в 2 методических изданиях рекомендуется 20 словарей (22%), среди которых: «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2000), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика (2004), «Живая речь. Словарь разговорных выражений» В.П. Белянина, И.А. Бутенко (1994), «Молодежный сленг: толковый словарь» Т.Г. Никитиной (2003, 2004), «Поле русской брани: словарь бранных слов и выражений в русской литературе (от Н.С. Баркова и А.С. Пушкина до наших дней)» Н.П. Колесникова, Е.А. Корнилова (1996), «Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской брани» Л.А. Арбатского (1999), «Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов» В.Б. Быкова (1992, 1994), «Русский мат. Толковый словарь» Т.В. Ахметовой (1997, 2000), «Словарь молодежного жаргона» Р.И. Мальцевой (1998), «Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.)»

В.С. Елистратова (1994), «Словарь обидных слов. Наименования лиц с негативным значением» Л.В. Дуличенко (2000), «Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.)» В.С. Елистратова (2000, 2001), «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984, 1985–1988, 1999), «Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» В.Ю. Меликяна (2001), «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина (1998, 2000, 2007), «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича (2003, 2005), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (2007, 2008), «Толковый словарь русской брани» Л.А. Арбатского (2000), «Толковый словарь современного русского языка» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной (2008, 2009), «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» Г.Я. Солганика (2002, 2007);

– 65 наименований словарей (70%) имеют единичные рекомендации в данных методических изданиях.

Таким образом, в большей степени рекомендации совпадают в отношении словарей двух типов: *толкового (нормативного) словаря русского литературного языка* («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой) и *словарей жаргонной лексики* («Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений» В. Буй, «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной).

2. Применение словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы по данным экспертных заключений. На втором этапе данного исследования проанализировано 167 находящихся в открытом доступе текстов экспертных заключений, представленных в 17 источниках, среди которых рассмотренные выше методические издания ГЛЭДИС [17–20], а также книга А.Н. Баранова по лингвистической экспертизе [23], сборники статей «Юрислингвистика» [24–31], интернет-сайты ГЛЭДИС (rusexpert.ru), Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов (siberia-expert.com), Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (lexis.webservis.ru), Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России (ling-expert.ru).

Изучение текстов экспертных заключений показало, что при проведении исследований в рамках лингвистической экспертизы лингвисты-эксперты опираются не только на *лексикографические издания* (словари различных типов), но и *нормативно-правовые документы*

(например, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»), *теоретико-методологические источники* (энциклопедические издания, справочные материалы, научные публикации), *электронные ресурсы* (в том числе *интернет-ресурсы*). Отметим, что в числе *электронных ресурсов* встречаются ссылки на такие представленные только в электронном виде в сети Интернет словарные издания, как «ABBY Lingvo 11», «Общий толковый словарь русского языка» (tolkslovar.ru), «Словарь жаргона» (f-death.narod.ru), «Словарь жаргонов» (gramota.ru/forum/read.Php), «Словарь рейдера» (zahvat.ru), «Словарь рекламных терминов» (advesti.ru/glossary), «Словарь ругательств» (chudakov.net.ru).

В рамках данного исследования представляют интерес лексикографические издания (словари) как источники информации о лингвистических фактах (например, о значении слов, их стилистической окраске).

В 167 текстах проанализированных экспертных заключений содержится в общей сложности 687 ссылок на 146 наименований источников, из которых 623 ссылки приходится на 117 словарей, т.е. в среднем на один словарь дается 5 ссылок, а в одном экспертном заключении в среднем применяется 4 наименования словарей.

Для дальнейших исследований отобранные словари-источники сгруппированы по их типу с опорой на классификацию В.А. Козырева, В.Д. Черняк [2. С. 70].

Помимо *толковых (нормативных) словарей русского литературного языка*, которых насчитывается 17 наименований (в том числе 4 академических словаря, по 1 толково-этимологическому, толково-идеографическому, толково-словообразовательному словарю, а также 1 словарь народно-разговорной речи¹), активно привлекаются *словари других типов*, среди которых: 29 словарей жаргонной лексики; 9 словарей лингвистических терминов²; по 8 словарей иностранных слов и терминологических словарей³; 6 двуязычных словарей; по 3 лингвокультурологических, орфографических, стилистических сло-

¹ Данный тип словаря является особым подтипом в системе общих толковых словарей в соответствии с классификацией Н.А. Лукьяновой [32].

² В.А. Козырев, В.Д. Черняк относят словари лингвистических терминов к числу собственно филологических словарей, однако они могут быть отнесены и к терминологическим словарям.

³ За исключением словарей лингвистических терминов.

варя¹, словаря идиоматики, синонимов; по 2 наименования грамматических, динамических, исторических, ономастических словарей, словарей крылатых слов, неологизмов, разговорной речи и городского просторечия, редких и устаревших слов, словообразовательных словарей; по 1 ассоциативному, идеографическому, комплексному, синтаксическому словарю, словарю сокращений, сочетаемости, языка писателей (авторскому словарю), частотному и этимологическому словарю.

Проведенное исследование показало, что в качестве источников для лингвистической экспертизы из выделяемых исследователями 37 типов словарей применяется 24 (65% от их числа) и не применяется 13 таких типов словарей (35%), как словари антонимов; словари омонимов; словари паронимов; тематические словари; ортологические словари (и их подтипы: орфоэпические словари, словари трудностей русского языка); словари рифм; этимологические словари; диалектные словари; словари профессиональной лексики; словари детской речи; лингвострановедческие словари; обратные словари; учебные словари, а также такие подтипы словарей идиоматики, как словари пословиц и поговорок, словари афоризмов, и такие подтипы ономастических словарей, как словари прозвищ, топонимические словари, словари ономастической лексики. Отсутствие фактов обращения лингвистов-экспертов к указанным типам словарей объясняется рядом причин, в числе которых представленная в данном исследовании выборка экспертных заключений и не востребованность данных типов словарей в процессе производства лингвистической экспертизы.

Полученные результаты позволяют сделать ряд наблюдений:

– чаще всего в экспертных заключениях обращаются к «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, который применяется в более чем половине проанализированных экспертных заключений (87 раз, что составляет 52% от числа экспертных заключений);

– также среди наиболее часто применяемых словарей представлены следующие: «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (48 раз), «Современный толковый словарь русского языка» под ред.

¹ Согласно классификации В.А. Козырева, В.Д. Черняк, *стилистические словари* также могут являться *словарями лингвистических терминов*, поскольку «представляют основные понятия стилистики как науки, иллюстрируя описываемые явления выразительными примерами» [2. С. 236].

С.А. Кузнецова (36 раз), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (27 раз), «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (24 раза), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (22 раза), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (18 раз), «Сводный словарь современной русской лексики» под ред. Р.П. Рогожниковой (18 раз), «Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» Г.А. Золотовой (16 раз), «Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой (15 раз), «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складневской (15 раз);

– менее чем по 15 раз в экспертных заключениях ссылаются на 106 словарей (что составляет 90,6% от их общего числа), при этом единичными ссылками обладает 52 словаря-источника (44,4%).

Таким образом, полученные данные о частотности применения словарей свидетельствуют о преобладании типа *толковых (нормативных) словарей русского литературного языка* (среди них «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, который встречается в 2 раза чаще, чем второй по частотности применения словарь), а данные о количественном распределении типов словарей – о преобладании типа *словарей жаргонной лексики*, 29 наименований которых составляют 25% от общего количества применяемых словарей (ср.: 17 наименований *толковых (нормативных) словарей* – 14,5%).

3. База данных источников для лингвистической экспертизы.

Полученные в ходе исследования результаты (справочная и статистическая информация о рекомендациях в методических изданиях словарей и сложившейся практике их применения) представлены в виде соответствующих таблиц, формирующих «Базу данных источников для лингвистической экспертизы», обращение к которой может помочь лингвисту-эксперту при выборе источников для лингвистической экспертизы.

«База данных источников для лингвистической экспертизы» включает информацию о рекомендуемых и применяемых как лексикографических изданиях, так и источников других типов и состоит из следующих таблиц:

– таблица источников, рекомендованных в методических изданиях, иллюстрирующая совпадения рекомендаций в отношении них;

– таблица источников, представленных в экспертных заключениях, отражающая частоту их применения на практике;

– сводная таблица источников для лингвистической экспертизы, которая содержит их наименования, фамилию и инициалы автора и год издания (для словарей), а также указание на тип источника (в том числе тип словаря).

Формат базы данных позволяет проводить анализ и сопоставление данных, например, о совпадениях в списках рекомендуемых в методических изданиях и применяемых на практике словарей. Так, 27 наименований словарей встретились и в методических изданиях, и в текстах экспертных заключений (что составляет 29% от списка рекомендуемых и 25% от списка применяемых словарей), соответственно, в методических изданиях отсутствует 71% словарей из числа применяемых на практике, а в текстах экспертных заключений не встретились ссылки на 75% словарей из числа рекомендуемых, что свидетельствует о расхождениях в теории и практике применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы.

Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть учтены при отборе словарей-источников для «Лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц)» [33–35], разрабатываемой для целей лингвистической экспертизы. Объединение обеих баз данных позволит сопровождать семантико-стилистическую информацию об отрицательно-оценочных словах в словаре данными о наличии его рекомендации в методических изданиях и сложившейся практике его применения.

Выводы

Выбор словарей-источников лингвистом-экспертом может как основываться на рекомендациях экспертного сообщества, зафиксированных в методических изданиях, так и зависеть от его субъективных предпочтений или других внешних факторов, например, от наличия доступа к определенным лексикографическим изданиям. При этом выбор того или иного словаря способен повлиять на результаты лингвистической экспертизы.

Оценивание информативных возможностей словарей в аспекте их пригодности для решения лингвоэкспертных задач по ряду выделен-

ных критериев (в числе которых наличие рекомендации словаря в методических изданиях и сложившаяся практика применения словаря) позволяет обосновать выбор словаря-источника.

Полученные в результате анализа методических изданий данные подтверждают тезис о том, что не существует единого списка рекомендуемых словарей: в каждом методическом издании предлагается свой подход к решению задач лингвистической экспертизы, и как следствие, свой вариант списка словарей-источников для нее.

Количество рекомендуемых и применяемых словарей позволяет сделать вывод об отсутствии какого-либо одного «универсального» лексикографического издания, претендующего на полноту представления лексической системы современного русского языка во всем его многообразии и с учетом его изменчивости.

Отмечается совпадение теоретических и практических подходов к применению в качестве источников для лингвистической экспертизы двух типов словарей: *толковых (нормативных) словарей русского литературного языка* (в частности, «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой) и *словарей жаргонной лексики*.

Проведенное исследование показало, что лингвист-эксперт в качестве источников для лингвистической экспертизы использует комплекс информационно-справочных материалов, основу которого составляют лексикографические издания. Кроме того, активно применяются энциклопедические и справочные издания, а также электронные ресурсы (в том числе интернет-ресурсы). Другие типы источников, применяемых на практике помимо лексикографических изданий, не получают последовательного описания в методических изданиях, что вызывает необходимость проработки рекомендаций в отношении них.

При производстве лингвистической экспертизы лингвисты-эксперты обращаются не к одному, а к нескольким словарям: так, в среднем в одном экспертном заключении приводится 4 ссылки на словари-источники, что может свидетельствовать о недостаточности данных, представленных в одном словаре, или необходимости сопоставлять, проверять информацию по разным источникам.

Лингвисту-эксперту требуется список словарей, но таких списков может быть несколько в зависимости от категорий дел (например, по делам об оскорблении и делам, связанным с оборотом наркотиков, основу списков составят *словари жаргонной лексики*, однако эти списки будут различаться по составу входящих в них словарей). При

их составлении могут учитываться предложенные в данной статье критерии выбора словарей-источников, а результаты проведенного исследования, представленные в виде «Базы данных источников для лингвистической экспертизы», могут быть использованы для дальнейших исследований в области лексикографии и лингвистической экспертизы.

Литература

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. СПб. : Свое издательство, 2016. 594 с.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.
3. Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 688 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/462a.html> (дата обращения: 05.11.2018).
4. Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики : матер. Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 92–98.
5. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.
6. Иваненко Г.С. Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 98–118.
7. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 146–157.
8. Демешкина Т.А., Наумов В.Г. Проблема лингвистического обеспечения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4 (16). С. 5–12.
9. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 9–45.
10. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 14–29.
11. Коряковцев А.В., Головачева О.В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 227–237.

12. *Голев Н.Д., Головачева О.В.* Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 123–151.

13. *Макаров В.И.* Словарная статья в юрислингвистическом фразеологическом словаре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 384–386.

14. *Крысин Л.П.* Нормативные словари как инструмент лингвистической экспертизы текста // Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М. : Знак, 2008. С. 262–272.

15. *Ефремов В.А.* Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 41–49.

16. *Стернин И.А.* Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69). С. 202–207.

17. *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации* / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Галерея, 2002. 424 с.

18. *Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов* / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Медея, 2004. 104 с.

19. *Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов* / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Юридический Мир, 2006. 112 с.

20. *Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В.* Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов. М. : Информкнига, 2010. 208 с.

21. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с.

22. *Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М.* Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. 2016. № 1 (41). С. 92–98.

23. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта: Наука, 2007. 592 с.

24. *Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 263 с.

25. *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 370 с.

26. *Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование русского языка* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 419 с.

27. *Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2006. 400 с.
28. *Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 531 с.
29. *Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 454 с.
30. *Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева, Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 452 с.
31. *Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово* : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. К.И. Бринева, Н.Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кемер. ун-та, 2011. 600 с.
32. Лукьянова Н.А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология. 2006. Т. 3, вып. 1. С. 20–44.
33. Кочергина К.С. Проектирование базы лингвистических данных (на материале оценочной лексики) // Материалы XIX Открытой конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2016 года) / отв. ред. С.И. Монахов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. С. 170–174.
34. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018620042. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц) / К.С. Кочергина. 10.01.2018. М. : Роспатент, 2018.
35. Кочергина К.С. Применение технологии базы данных в лингвистических исследованиях // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посв. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмшова, Е.В. Пурицкая. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 158–169.

The Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Examination

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 154–173.

DOI: 10.17223/22274200/15/10

Kristina S. Kochergina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: tinakochergina@gmail.com

Keywords: juridical linguistics, linguistic examination, methodological publications, practice, dictionary, source, database.

This article is devoted to the theory and practice in the use of dictionaries as sources for linguistic examination. The aim of this article is to develop criteria for assessing the informative capabilities of dictionaries in terms of their suitability for solving forensic linguistics tasks. The criteria are based on summarizing the recommendations of dictionaries in methodological publications and presenting the current practice of their use as sources for linguistic examination.

The sources of the material are methodological publications, books and collections of articles on linguistic examination, as well as Internet sites of associations of linguistic experts, a total of 19 sources. The material for the research is works on lexicography, 167 expert conclusion texts and texts selected from the sources by the method of continuous sampling. The main method of analysis in the research is a descriptive-analytical (general scientific) method with a combination of its techniques.

The article proposes to assess the informative capabilities of dictionaries in the aspect of their suitability for solving forensic linguistics tasks according to the following criteria: (1) general characteristics of the dictionary and its specifics; (2) the volume and content of the dictionary; (3) methods of word meaning interpretation in the dictionary; (4) the system of stylistic labels and stylistic characteristics of words in the dictionary; (5) special features of using the dictionary during a linguistic examination; (6) the presence of recommendations on the use of the dictionary in methodological publications; (7) the current practice of using the dictionary.

There are 93 names of dictionaries of different types recommended in the six analyzed methodological publications: none of them is recommended by all the six. Five out of six recommended three similar dictionaries (3%), four recommended three other dictionaries (3%), three recommended two dictionaries (2%), two recommended 20 dictionaries (22%); 65 dictionaries (70%) have single recommendations.

According to expert conclusion texts, linguistic experts rely not only on lexicographic publications, but also on encyclopedic, reference books, as well as on electronic resources (including Internet resources) when conducting linguistic examination.

The 167 analyzed expert conclusion texts contain a total of 687 references to 146 sources, of which 623 references are to 117 dictionaries, that is five references are given on average to one dictionary, and four dictionaries are used on average in every expert conclusion text.

The obtained data on the quantitative distribution of dictionary types indicate the prevalence of slang dictionaries, 29 of which make up 25% of the total number of dictionaries used.

Most often, experts refer to the *Explanatory Dictionary of the Russian Language* by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova; it is used 87 times (52% of the number of expert conclusions).

The findings of the research were presented as a database of sources for linguistic examination, which can become a support tool for linguistic experts when choosing a source dictionary for linguistic examination.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2016) *Kto est' kto v russkoy leksikografii: spravochnaya kniga* [Who is who in Russian lexicography: A reference book]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
2. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian language: the current and the past centuries]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.

3. Gak, V.G. (1990) Slovar' [Dictionary]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [A Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya. [Online] Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/462a.html>. (Accessed: 05.11.2018).
4. Golev, N.D. (2003) [Juridical linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language (on the formulation of the problem)]. *Aktual'nye problemy russistiki* [Topical issues of Russian studies]. Proceedings of the International Conference. Is. 2 (1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–98.
5. Kochergina, K.S. (2017) Stylistic labels in dictionaries of the modern Russian language: a comparative analysis. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 20–38. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/2
6. Ivanenko, G.S. (2018) Lexicography and linguistic expertise: prospects of mutual relations. *Yurislingvistika – Legal Linguistics*. 7–8. pp. 98–118. (In Russian).
7. Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2003) Yurislingvisticheskaya ekspertiza: na styke yazyka i prava [Juridical linguistic expert examination: at the junction of language and law]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 146–157.
8. Demeshkina, T.A. & Naumov, V.G. (2011) The problem of linguistic support of the Russian federal law “On Resistance to Extremist Activity”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (16). pp. 5–12. (In Russian).
9. Golev, N.D. (2000) Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak yurislingvisticheskaya problema [Juridification of the natural language as a legal problem]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Legal Linguistics-2: Russian in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University.
10. Golev, N.D. (2002) Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoy ekspertizy [On the objectivity and legitimacy of the sources of linguistic expert examination]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-3: Problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy* [Legal Linguistics-3: Problems of legal linguistic expert examination]. Barnaul: Altai State University.
11. Koryakovtsev, A.V. & Golovacheva, O.V. (2004) K probleme invektivnogo funktsionirovaniya yazyka i leksikograficheskogo opisaniya russkoy invektivnoy leksiki [On the problem of invective language functioning and the lexicographical description of Russian invective vocabulary]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-5: Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Legal Linguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law]. Barnaul: Altai State University.
12. Golev, N.D. & Golovacheva, O.V. (2005) *Yurislingvisticheskiy slovar' invektivnoy leksiki russkogo yazyka* [Juridical Linguistic Dictionary of Russian Invective Vocabulary]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie russkogo yazyka* [Legal Linguistics-6: Invective and manipulative functioning of the Russian language]. Barnaul: Altai State University.
13. Makarov, V.I. (2014) Dictionary entry in the forensic phraseological dictionary. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3. pp. 384–386. (In Russian).

14. Krysin, L.P. (2008) *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [A word in modern texts and dictionaries: essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow: Znak. pp. 262–272.

15. Efremov, V.A. (2015) Dictionaries of substandard language in lingvo-expert's practice. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (24). pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1502.03

16. Sternin, I.A. (2017) Main principles of semantic analysis in linguocriminalistic text examination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1 (69). pp. 202–207. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207

17. Gorbanevskiy, M.V. (ed.) (2002) *Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekстов SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii* [The price of words: From the practice of linguistic examinations of media texts in judicial proceedings for the protection of honor, dignity and business reputation]. Moscow: Galeriya.

18. Gorbanevskiy, M.V. (ed.) (2004) *Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: Dlya sudey, sledovateley, doznateley, prokurorov, ekspertov, advokatov i yuriskonsul'tov* [Memo on the appointment of judicial linguistic examination: For judges, investigators, inquirers, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers]. Moscow: Medeya.

19. Gorbanevskiy, M.V. (ed.) (2006) *Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokatov, prokurorov, sledovateley, doznateley i ekspertov* [How to conduct a linguistic examination of a controversial text? Memo for judges, media lawyers, lawyers, prosecutors, investigators, inquirers and experts]. Moscow: Yuridicheskii Mir.

20. Bel'chikov, Yu.A., Gorbanevskiy, M.V. & Zharkov, I.V. (2010) *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekстов SMI* [Methodological recommendations on linguistic examination of controversial media texts]. Moscow: Informkniga.

21. Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. & Sekerazh, T.N. (2011) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekстов po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu* [Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic examination of texts in cases involving countering extremism]. Moscow: RFTsSE pri Minyuste Rossii.

22. Izotova, T.M., Kuznetsov, V.O. & Plotnikova, A.M. (2016) Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh – Theory and Practice of Forensic Science*. 1 (41). pp. 92–98. (In Russian). DOI: 10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98

23. Baranov, A.N. (2007) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.

24. Golev, N.D. (ed.) (2002) *Yurilingvistika-3: Problemy yurilingvisticheskoy ekspertizy* [Legal Linguistics-3: Problems of legal linguistic expert examination]. Barnaul: Altai State University.

25. Golev, N.D. (ed.) (2004) *Yurislingvistika-5: Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Legal Linguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law]. Barnaul: Altai State University.
26. Golev, N.D. (ed.) (2005) *Yurislingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie russkogo yazyka* [Legal Linguistics-6: Invective and manipulative functioning of the Russian language]. Barnaul: Altai State University.
27. Golev, N.D. (ed.) (2006) *Yurislingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii* [Legal Linguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication]. Barnaul: Altai State University.
28. Golev, N.D. (ed.) (2007) *Yurislingvistika-8: Russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo* [Legal Linguistics-8: Russian language and modern Russian law]. Barnaul: Altai State University.
29. Golev, N.D. (ed.) (2008) *Yurislingvistika-9: Istina v yazyke i prave* [Legal Linguistics-9: Truth in language and law]. Barnaul: Altai State University.
30. Golev, N.D. (ed.) (2010) *Yurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Legal Linguistics-10: Linguistic conflictology and law]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
31. Brinev, K.I. & Golev, N.D. (eds) (2011) *Yurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Legal Linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University.
32. Luk'yanova, N.A. (2006) Tipologiya russkikh lingvisticheskikh slovarey [Typology of Russian linguistic dictionaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 3 (1). pp. 20–44.
33. Kochergina, K.S. (2017) [Designing a linguistic database (on the basis of evaluative vocabulary)]. *Proceedings of the XIX Open Conference of Philology Students*. St. Petersburg. 18–22 April 2016. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 170–174. (In Russian).
34. Kochergina, K.S. (2018) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2018620042. Lingvisticheskaya baza dannykh otritsatel'no-otsenочноy leksiki (imena sushchestvitel'nye so znacheniem nominatsii litsa i gruppy lits)* [Certificate of state registration of database No. 2018620042. Linguistic Database of Negative Evaluation Vocabulary (Nouns with the meaning of the nomination of a person and a group of persons)]. Moscow: Rospatent.
35. Kochergina, K.S. (2018) [Application of database technology in linguistic research]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Russian academic lexicography: current state and development prospects]. Proceedings of the International Conference on the 70th anniversary of the first volume of the academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 158–169.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

УДК 811.16

DOI: 10.17223/22274200/15/11

А.Т. Хроленко

«ХОРОШО БЫ СОСТАВИТЬ СЛОВАРЬ БЫЛИН...» (И.А. ОССОВЕЦКИЙ О ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Впервые публикуются письма известного диалектолога И.А. Оссовецкого (1908–1995 гг.), адресованные курским филологам, разрабатывавшим основы фольклорной лексикографии. Показана роль ученого в формулировке идей словарного описания народно-поэтического языка. Поддержанные советами своего наставника, куряне разработали оригинальную концепцию лексикографического представления лексики фольклора, положив в основу принцип концептографии.

Ключевые слова: словарь, фольклорная лексикография, лингвофольклористика, И.А. Оссовецкий, концептография.

Недавно в свет вышла книга «История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах» [1], сложившаяся на материале личного архива автора данной статьи. В эпистолярии возрастом в пятьдесят лет сохранились письма известных советских филологов, так или иначе способствовавших становлению того научного сообщества, которое позже назовут курской школой лингвофольклористики, занявшей свое место в ряду других – воронежской и петрозаводской – школ.

Авторами писем в Курск были основоположники новой научной дисциплины – лингвофольклористики – А.П. Евгеньева, И.А. Оссовецкий, Е.Б. Артёменко, С.Е. Никитина, З.К. Тарланов, основатели отечественной этнолингвистики Н.И. и С.М. Толстые, известные фольклористы Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, А.А. Горелов, В.М. Гацак, авторитетные представители русистики В.П. Григорьев, Н.Ю. Шведо-

ва, Н.А. Кондрашов, зарубежные филологи Е. Фарино, Е. Бартминский и др.

Среди проблем, которые интересовали молодых курских исследователей, особое место заняли вопросы лексикографии. Это было связано с размышлениями о методологической оснащенности формирующейся научной дисциплины. Если вначале филологов, обратившихся к устнопозитической речи, интересовали отдельные яркие приметы фольклорного текста, что не требовало особых размышлений методологического характера, то когда настала очередь исследования глубинных, внешне не очень выразительных элементов фольклорно-языковой структуры, отношение к инструментарию изменилось. Разработка методологии лингвофольклористики стала весьма актуальной. Корпусность исследуемого речевого материала предопределила повышенный интерес к лексикографическим формам упорядочения материала. Внимание молодых исследователей к словарю как исследовательскому инструменту познания совпало с общемировым интересом к практике словарного дела.

Обнаружилось, что феномен лексикографизации шире интересов лингвистики. Словарная форма осваивает поле всей словесности. Опора на большие массивы текстов неизбежно ставит вопрос об упорядоченном представлении эмпирического материала, идеальной формой которого считается словарь. Словари, бесспорно, занимают первое место среди других форм, представляющих данные в сжатом виде. Не случайно итоги лингвистических работ нередко оформляются в виде словарей, имеющих четкую и обобщимую общую структуру, строгость подачи разных признаков и аспектов описания, возможность избирательного обращения к отдельным параметрам без детального вхождения во весь текст словаря, лаконизм метаязыка, системность и т.д. [2; 3. С. 5]. Этим объясняется лексикографизация методов лингвистики, столь активная к концу XX столетия.

Примером того, как словарная форма нарратива актуализировалась в гуманитарной науке XX в., может служить опыт французского лингвиста Э. Бенвениста. Одна из глав его книги «Общая лингвистика» представляет собой «Словарь индоевропейских социальных терминов», а последняя посвящена термину *цивилизация*, истории слова в английском и французском языках. «Мы только начинаем понимать, какой интерес представляло бы точное описание истоков <...> словаря современной культуры» [4. С. 386]. Сюда же можно отнести и

опыт Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [5]. Более того, нарратив в лексикографической форме возможен и в художественной литературе. Яркий пример тому – «роман-лексикон в 100 000 слов» сербского писателя – крупнейшего прозаика XX в. – Милорада Павича «Хазарский словарь» (1983). Эта книга преодолевает традицию линейного повествования и по сути приближается к электронному гипертексту. Показателен опыт Н.И. и С.М. Толстых, которые колоссальный объем этнолингвистической информации представили в форме словаря-указателя с элементами толково-функционального словаря [6]. Выбор для «Славянских древностей» жанра словаря обусловлен алфавитным расположением статей, что экономно и удобно, когда необходимо упорядочить и систематизировать большой и разнородный материал. Словарная статья, заметила как-то Н.Ю. Шведова, – это «маленькое законченное лингвистическое исследование» [7. С. 167]. В словарной форме научное исследование идет от «формы» к смыслу и функции.

Курские исследователи в свое время интуитивно почувствовали, что решение теоретически сложных вопросов складывающейся филологической дисциплины потребует фундаментальной базы эмпирического материала, которой могут быть исключительно словари языка фольклора.

Не случайно то, что особое место в эпистолярном архиве автора занимают письма Иосифа Антоновича Оссовецкого, одного из основоположников науки о языке русского фольклора, работы которого «Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне» [8], «О языке русского традиционного фольклора» [9], «Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора» [10] стали теоретической основой подготовки молодых лингвофольклористов. И.А. Оссовецкий – известный диалектолог, автор монографии «Лексика современных русских народных говоров» [11]. Никто кроме него не представлял себе характер взаимосвязи и взаимоотношений бытовой диалектной и народно-поэтической форм речи. И.А. Оссовецкий – разносторонний и опытный лексикограф. В его активе работа над составлением словаря языка Пушкина и руководство проектом «Деулинский словарь» – лексикографического описания говора с. Деулино Рязанской области, уникального опыта системного представления русской диалектной речи. Этот словарь – результат многолетнего наблюдения над рече-

выми особенностями жителей конкретной территории. Составители этого словаря учитывали функционирование всех без исключения слов носителей говора.

Так получилось, что И.А. Осовецкий в своих публикациях лексикографических вопросов применительно к изучению народно-поэтического творчества специально не обсуждал. И только его письма в Курск содержат изложение основ фольклорной лексикографии в понимании этого замечательного ученого.

По причине уникальности материала предъявляем читателям абсолютно все полученные нами письма или фрагменты писем, которые так или иначе затрагивают вопросы фольклорной лексикографии.

Для курян призывом к планомерной работе в лингвофольклористике стал фрагмент письма:

Идея словаря русских народных песен мне очень по душе, давно пора за такой словарь приняться (и за словарь былин и сказок), но это дело очень сложное, надо как-то сочетать и органически слить фольклористику, лексикологию и лексикографию. С интересом буду ждать присылки проекта, чем смогу, тем помогу (12.05.1980).

Как эти мечтательные строки И.А. Осовецкого перекликаются с мыслями Ф.И. Буслаева: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным» [12. С. 286].

Через несколько лет И.А. Осовецкий повторил свои мечтательные слова теперь уже по поводу былин:

Действительно, хорошо бы составить словарь былин, ведь былины – это наше драгоценное наследие, с которым наша интеллигенция знакома преимущественно из вторых рук (картина Васнецова и т.п.) (16.11.1986).

И тут же практический вопрос:

Какой сборник былин думаете использовать как материал для словаря? Думаю, что лучшие всего подходит сборник Гильфердинга.

Есть ли у Вас «Беломорские былины» А. Маркова? Если нет, хотел бы Вам подарить (в качестве посильного вклада в будущую Вашу работу) (16.11.1986).

Месяц спустя пришло самое главное письмо, которое мы до сих пор воспринимаем как руководство к практической работе.

Дорогой Александр Тимофеевич, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам самого важного – здоровья и творческих успехов. Вполне понимаю Ваши раздумья по поводу словаря фольклора, это ведь очень сложная проблема. Вероятно, Вы уже многие вопросы так или иначе решили для себя, но тем не менее хочу высказать некоторые свои соображения. По-моему, словарь должен быть только одножанровым, да и в пределах жанра, может быть, тоже ограничить материалом, например, – только героические и фантастические былины, а новеллистические исключить (последнее, впрочем, может быть, и не стоит).

Мне кажется, что начать лучше всего со словаря былин, а не песен, ведь в песнях материал необъятен.

Словарь былин – это словарь художественного языка, поэтому надо познакомиться с техникой составления аналогичного словаря на материале литературного языка. В первую очередь это Словарь языка Пушкина. Я когда-то участвовал в его составлении и кое-что помню.

1. Служебные слова не включались в словник (за редким исключением, если такое слово несло определённую эстетическую нагрузку).

2. Слова, не изменившие своего значения (типа рука, нога, ходить, пить, есть и т.п.), не толковались, а только иллюстрировались цитатами.

3. В сочетаниях (за ромбом) приводились только факты поэтической фразеологии (напр. рука Феба, дорога жизни и под.). Как быть с былинами, где почти сплошь поэтическая фразеология, пока не знаю.

4. Указывалось общее количество употреблений в каждом значении (кажется, так).

5. Словарь П. – исчерпывающий, там помещены все слова (кроме служебных).

Материал – собрание сочинений П. в 16 томах (тогда оно было полное).

Если вы решите делать словарь былин, то надо прежде всего определить круг источников. Лучшие всего (даже обязательно) использовать классические сборники. Я бы выбрал «Онежские былины» Гильфердинга, этого, пожалуй, будет достаточно. У Рыбникова почти те же сказители, но варианты записаны хуже.

Надо также (надо ли? По-моему – да) учесть местность, где произведены записи и «школы сказителей» (об этом есть книга В.И. Чичерова, это его кандидатская диссертация). Хороши, конечно,

сборники Киреевского, Маркова, Григорьева и др., но нельзя объять необъятное.

Очень хотелось бы поговорить обо всем этом с Вами лично, но, как сами понимаете, приехать в Курск я не могу, а вот Вы Москву...

Очень может быть, что обо всем, о чем я пишу, Вы уже подумали и приняли решение, но не мог удержаться, чтобы как-то не высказаться по этому очень интересному и близкому мне вопросу. А может быть, это обычное желание старика поучать молодых?

Есть ли у Вас «Онежские былины» Гильфердинга, издание 2^е (80^е годы прошлого столетия)? Эти былины не то в 50^х, не то в 60^х годах нашего столетия переиздавал Баранов, но он позволил себе править текст, поэтому я и не стал его покупать. А издание 80^х годов у меня есть, и я хочу отдать его Вам. «Отдать», а не «подарить», потому, что хочу кое-что получить взамен (но это вовсе не обязательно, если у Вас Гильфердинга нет, то обязательно отдам Вам при всех условиях). Дело в том, что сборник Гильфердинга у меня последний сборник былин, а остаться совсем без былин как-то не хочется. Так вот, нет ли у Вас двухтомника «Былины», составленного Путиловым и Проппом. Там со всех сборников собраны лучшие записи былин, с этой точки зрения эти «Былины» великолепны. Но... ни Путилов, ни Пропп не лингвисты, они тоже позволили себе правку текстов, так что для работы (словаря) этот сборник не годится. Если он у Вас есть, то мы могли бы поменяться. Но даже если его и нет у Вас, всё равно я вам Гильфердинга подарю. Одно только: «Онежские былины» – это три тома и еще предметный указатель, так что это довольно тяжело нести, тем более, что почтовое отделение недалеко. Надо бы использовать какую-нибудь «оказию» <...>.

И у Гильфердинга, и у Маркова есть предметные указатели. М.б., они натолкнут Вас на мысли о структуре словаря.

P.P.S. «Онежские былины», которые я хочу вам подарить – это второе издание. Судя по всему (*например, по «Предметному указателю») оно вполне идентично первому, которое стало библиографической редкостью и которого у меня нет. Это второе издание – это соответствующие тома Сборника ОРЯС, будем думать, что академия не позволила себе что-либо менять при втором издании.

В самом начале переписки Иосиф Антонович изложил свое понимание специфики фольклорного слова с целью мобилизовать молодых исследователей на трудную, но очень интересную работу, предупредить от поверхностности решений и скоропалительности выводов.

Слово – это сложнейшая система, а в художественном языке – сложная в квадрате. Комплекс фонем (красный, зеленый и т.п.) это всего лишь один из параметров этой системы, это еще не «слово» (есть много определений слова, в том числе и фонетическое, см. Кузнецов), если словом считать данный комплекс фонем и все его прямые и переносные значения, семантические ассоциации, его стилистическую маркированность, всю его парадигматику и синтагматику, которые определяются всей лексической системой в целом. И это в нехудожественном тексте, а что же говорить о тексте художественном, да еще стихотворном, да еще фольклорном. По говорам, в нефольклорном языке цветообозначение очень разнообразно и часто не такое, как в литературном языке. А уж в языке художественном, где у каждого слова есть «эстетическое приращение смысла», и подавно. А при устойчивом сочетании двух слов возникает «третий» смысл. Поэтому, например, красный в красная девица скорее надо сопоставить не с красный в каком-нибудь красный цветок, а с добрый в сочетании добрый молодец, т.к. красная девица и добрый молодец на уровне художественного языка близки друг другу и, примерно, соотносятся с одним и тем же поэтическим денотатом. Это условно-идеальные главные персонажи лирической песни. Кстати о «микрополе красного цвета»: по-моему, не все перечисленные Вами прилагательные относятся именно к этому микрополю. Взять хотя румяный: это, скорее, не цвет, а обозначение чего-то красивого, молодого, здорового, полного сил, и в этом (примерном) значении румяный можно включить в микрополе именно с таким значением с такими, примерно, компонентами, как красивый (но только от красная девица), кучерявый, добрый (от добрый молодец), сырой (от сырой дуб 'могучий, полный силы, соков и т.д.') и др. На лексикографическом уровне эти слова объединить нельзя, а на уровне языка песен – можно.

Необходимо учитывать также и еще один вид значения – фразеологический. Что такое калина малина лазоревый цвет? И не 'калина', и не 'малина', а лазоревый не известно, какой цвет и вообще цвет ли? Без разрушения поэтического значения это выражение нельзя расчленять, это поэтический фразеологизм, определенная семантикостилистическая единица со своим собственным поэтическим значением, не сводимым к сумме значений компонентов <нрзб.> тех значений, которые эти слова имеют вне этого поэтического фразеологизма. Если в одной песне есть калина малина лазоревый цвет, а в другой что-нибудь вроде я калину ломала, на дорожку бросала, то можно ли делать вывод, что в этом случае наблюдается два слово-

употребления слова калина? Думаю, что нет: один и тот же комплекс фонем, действительно, употреблен два раза, но слова – разные, это своего рода омофоны. Калина малина лазоревый цвет с бОльшим основанием можно сопоставить с каким-нибудь ой-лю-шеньки-люли или винограде зеленое мое или еще с чем-либо в этом же роде, потому что в замкнутой системе языка лирических песен художественная функция у них, примерно, одна и та же (в данном случае для простоты не будем учитывать композиционную структуру песен, потому что эти поэтические фразеологизмы функционально неодинаковы в запеве, или в основном корпусе песни, или в припеве; не будем, для той же простоты учитывать и жанр песни). Всю эту специфику слова на уровне художественной речи необходимо со всей тщательностью учитывать, это, в сущности, один из основных объектов наших исследований (3.2.1977).

Цели своей Иосиф Антонович, кажется, достиг. Его заветы вспоминались не только в процессе словарной работы, но и в ходе работы над итоговой монографией «Семантика фольклорного слова» [13]. Более того, учитывая специфику народно-поэтического текста, как никто другой, Иосиф Антонович ощущал многотрудность занятий фольклорной лексикографией.

Что касается словаря русского фольклора, то это огромная и трудоемкая работа, с которой Вам одному не справиться (10.9.1984).

Уместно заметить, что наши контакты с Иосифом Антоновичем письмами не ограничивались. Были поездки в Москву и долгие беседы с интересным человеком и специалистом высочайшего уровня. И не всегда наши мнения совпадали. Согласившись с советами нашего замечательного наставника в выборе жанра (былина) и в выборе базы словаря (онежские былины из собрания А.Ф. Гильфердинга), мы разработали свою концепцию словарного представления лексики фольклора, положив в основу принцип концептографии, когда внимание сосредоточивается не на лексеме, а на концепте, который вербализован той или иной лексемой (или словоформой).

Вслед за воронежскими учеными З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [14] под концептами мы понимаем глобальные мыслительные единицы, представляющие собой квант знания. Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода, а в

языке – лексемами. Концепты не сводятся к понятиям, шире их, содержат периферию, которая и состоит из «щупальцев», обеспечивающих жизнь слова, его аккумулирующей способности и креативных возможностей.

Идея положить в основу фольклорной лексикографии концептографию поддерживалась не только нашим детальным знакомством с фольклорным языковым материалом. Эта идея подсказывалась опытом тех, кто исследовал различные массивы языкового материала различной принадлежности и свойства. Выше мы уже упоминали словарный подход Э. Бенвениста к базовым понятиям культуры.

Написанная в начале XX века статья А. Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» [15] – это убедительная демонстрация эффективности изучения концептуальной картины мира. Автор показал наличие индивидуальной картины мира у Пушкина, Баратынского и Тютчева. У поэтов, живших в одно и то же время в одной и той же стране, – это три разные картины неба: пушкинский «небосвод» (синий, дальний), тютчевская «благодарная твердь», у Баратынского небо «родное», «живое», «облачное». Пушкин скажет: «Небосвод дальний блещет»; Тютчев: «Пламенно твердь глядит»; Баратынский – «Облачно небо родное».

В работе «У водоразделов мысли» П.А. Флоренский, размышляя о языке, воспользовался яркой метафорой: «Слово и неподвижно, устойчиво и, наоборот, неопределенно, безгранично, зыблемо, хотя, и зыблясь, оно не оттягивает места своего ядра. Невидимые нити могут протягиваться между словами там, где при грубом учете их значений не может быть никакой связи; от слова тянутся нежные, но цепкие щупальцы, охватывающиеся с таковыми же других слов, и тогда реальности, недоступные школьной речи, оказываются захваченными этою крепкою сетью из почти незримых нитей» [16. С. 251] – в этой формуле вся креативность языка, его потрясающие возможности. «Между тем, о чем мы говорим, и тем, что мы говорим, содержится весь простор мысли» [Там же. С. 224].

Наш проект словаря былинной лексики как раз и был ориентирован на фиксацию в словарной статье этих самых «щупальцев» – всех точек соприкосновения описываемого концепта с другими концептами, тоже явленными лексемами.

Обнаружилось, что концептографическая лексикография – надежное средство для сопоставительных (контрастивных) исследований

разнородного материала в пределах одной этнической культуры и в случае фольклора разных этносов.

К достоинствам концептографии можно отнести предельную объективность (исключительно свидетельство элементов текста и отсутствие необходимости интерпретации составителя) и повышенную информативность словарной статьи.

Выпуски «Словаря языка русского фольклора» стали эмпирической и инструментальной базой для совершенно новых, предложенных курянами направлений изучения языка фольклора – кросскультурной лингвофольклористики и фольклорной диалектологии.

В результате настойчивых поисков появился сборник научных трудов «Фольклорная лексикография» [17], в котором были опубликованы пробные словарные статьи. В 2000 г. в свет вышел первый выпуск «Словаря языка русского фольклора», а в 2006 г. словарь вошел в научный обиход [18].

В изучении русского народно-поэтического слова и в фольклорной лексикографии И.А. Осовецкий видел не только узко профессиональный интерес, но и культуuroобразующие перспективы.

Очень меня радует, что в лингвофольклористике появилась такая надежная и мощная смена и что исследование языка фольклора находится в надежных руках. В конце концов поймут же, наконец, люди, что народная песня – это особое специфическое художественное образование со своими, только ему присущими музыкой и текстом. Поймут и перестанут называть народными песнями всякую музыкально-текстовую дребедень, ничего общего не имеющую с подлинно народным творчеством, перестанут подменять поэтические жемчужины песенного фольклора собственным плетением словес на продажу. Эта тема меня очень волнует, хочу даже написать статью на эту тему для какого-нибудь журнала, хотя и не знаю, соберусь ли. А кроме того, если и напишу, то вряд ли напечатают, потому что уж очень хочется назвать вещи своими именами (16.06.1984).

В суждениях Иосифа Антоновича намечалось то, что в конце XX столетия назовут экологией языка и культуры.

В итоге опыт творческого наставничества известного диалектолога, лексикографа и лингвофольклориста оказался продуктивным как для самого наставника, который сформулировал свою концепцию фольклорной лексикографии, так и для курских исследователей, реализовавших несколько лексикографических проектов. Эти проекты

стали основой для новых направлений в изучении фольклорного слова – кросскультурной лингвофольклористики и фольклорной диалектологии.

Литература

1. Хроленко А.Т. История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2018. 198 с.
2. Герд А. С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии : сб. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 191–203.
3. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. 240 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
7. Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М. : Наука, 1981. С. 166–188.
8. Оссовецкий И.А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7. С. 466–504.
9. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.
10. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М. : Наука, 1979. С. 199–252.
11. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М. : Наука, 1982. 198 с.
12. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1992. 512 с.
13. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. 137 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.
15. Бельй А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 551–556.
16. Флоренский П.А. Сочинения : в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 447 с.
17. Фольклорная лексикография : сб. научн. ст. / отв. ред. А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова. Курск : Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1994–2002. Вып. 1–19.
18. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины : в 2 ч. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2006. Ч. 1–2.

“It Would Be Great to Compile a Dictionary of Bylina” (I.A. Ossovetsky About Folklore Lexicography)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 174–187.

DOI: 10.17223/22274200/15/11

Alexander T. Khrolenko, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

Keywords: dictionary, folklore lexicography, linguistic folklore studies, I.A. Ossovetsky, conceptography.

The article deals with the problems of folklore lexicography. The aim of the work is to bring into science the ideas connected with compiling a dictionary of the Russian folklore that belong to the well-known dialectologist and lexicographer Iosif A. Ossovetsky (1908–1995) and to show the role of the scholar in formulating the problems of folklore lexicography, in organizing practical work on the dictionary that contains the vocabulary of the bylina, in developing the Kursk School of Linguistic Folklore Studies that formed the original concept of a conceptographic approach to the dictionary presentation of folklore texts.

The research is based on Ossovetsky's letters addressed to his young colleagues from Kursk State Pedagogical Institute, in which the research school was developing. The correspondence covers the period from 1974 till 1988. The foundation for the research was Ossovetsky's works concerning the language of the Russian traditional folklore, the ideas of the classical scholars of the world and Russian science (F.I. Buslaev, A. Bely, P.A. Florensky, E. Benveniste), the publications of Kursk linguofolklorists on the theory of a Russian folklore dictionary, and various implemented lexicographic projects of Kursk lexicographers.

In the course of the research, Ossovetsky's lexicographic conception of the dictionary description of a folklore lexicon unit was modeled; the peculiarities of folk poetic words Ossovetsky specifically mentioned were analyzed. The results received were assessed from the standpoint of the existing practice of compiling dictionaries. The author has found that the established structure of entries in explanatory dictionaries, in dictionaries of poetic words and of dialect speech will prevent an adequate presentation of a folklore word's function and semantics. Experimental entries have been made that prove the potential of a conceptographic approach to a lexicographic description of folklore texts. The author used methods that Kursk philologists worked out specifically for folklore lexicography.

The author makes a conclusion that the experience of Ossovetsky's creative work proved to be productive both for him (he worded his conception of folklore lexicography) and for the young researchers who implemented several projects. This contributed to the formation of a scientific discipline that was called “linguistic folklore studies” and of a research school that offered several new directions in studies of the folklore word: cross-cultural linguistic folklore studies and folklore dialectology. Ossovetsky saw folklore lexicography not only as an object of professional interest but also as a perspective in the culture development. He outlined the future of a new science that at the end of the 20th century was called the ecology of language and culture.

References

1. Khrolenko, A.T. (2018) *Istoriya kurskoy shkoly lingvofol'kloristiki v pis'makh i dokumentakh* [The history of the Kursk school of linguistic folklore studies in letters and documents]. Kursk: Kursk State University.
2. Gerd, A.S. (1997) K opredeleniyu ponyatiya "slovar'" [On the definition of the concept of "dictionary"]. In: Gerd, A.S. & Sergeev, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Problems of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg.
3. Bobunova, M.A. (2004) *Fol'klornaya leksikografiya: stanovlenie, teoreticheskie i prakticheskie rezul'taty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk: Kursk State University.
4. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French by Yu.N. Karaulova et al. Moscow: Progress.
5. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture: Experience of research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
7. Shvedova, N.Yu. (1981) Odnatomnyy tolkovyy slovar' [One-volume explanatory dictionary]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya. Vinogradovskie chteniya IX–X* [The Russian language. Problems of literary speech. Lexicology and lexicography. Vinogradov Readings IX–X]. Moscow: Nauka.
8. Ossovetskiy, I.A. (1957) Stilisticheskie funktsii nekotorykh suffiksov imen sushchestvitel'nykh v russkoy narodnoy liricheskoy pesne [Stylistic functions of some suffixes of the nouns in the Russian folk lyric song]. In: Vinogradov, V.V. et al. (eds) *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
9. Ossovetskiy, I.A. (1975) O yazyke russkogo traditsionnogo fol'klora [On the language of Russian traditional folklore]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 66–77.
10. Ossovetskiy, I.A. (1979) Nekotorye nablyudeniya nad yazykom stikhotvornogo fol'klora [Some observations on the language of poetic folklore]. In: Kozhin, A.N. (ed.) *Ocherki po stilistike khudozhestvennoy rechi* [Essays on the stylistics of literary speech]. Moscow: Nauka.
11. Ossovetskiy, I.A. (1982) *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow: Nauka.
12. Buslaev, F.I. (1992) *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching a national language]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Khrolenko, A.T. (1992) *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of the folklore word]. Voronezh: Voronezh State University.
14. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (1999) *Ponyatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The notion of "concept" in linguistic research]. Voronezh: Voronezh State University.

15. Belyy, A. (1983) Pushkin, Tyutchev i Baratynskiy v zritel'nom vospriyatii prirody [Pushkin, Tyutchev and Baratynsky in the visual perception of nature]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga.

16. Florenskiy, P.A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.

17. Khrolenko, A.T. & Bobunova, M.A. (eds) (1994–2002) *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore lexicography]. Issues 1–19. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

18. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2006) *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the language of Russian folklore: The vocabulary of the epic]. In 2 parts. Kursk: Kursk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРИАНОВА Дарья Витальевна – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: yakonukdar@yandex.ru

БАЛАНЧИК Николай Андреевич – канд. филол. наук, ученый секретарь Института повышения квалификации (г. Новокузнецк).
E-mail: balan4ick@yandex.ru

БАЛАНЧИК Нина Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.
E-mail: balan4ick@yandex.ru

БЕЛЯКОВА Светлана Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета.
E-mail: smbelyakova@gmail.com

БУЛЫГИНА Елена Юрьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

ГАРБУЙО Илариия – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Миланского католического университета Святого Сердца (Италия).
E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

ГАРБУЛЬ Людмила Павловна – д-р гуманитарных наук, доцент кафедры русской филологии Вильнюсского университета (Литва).
E-mail: liudmila.garbul@flf.vu.lt

КАЗАКОВА Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета.
E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

КОЧЕРГИНА Кристина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: tinakochergina@gmail.com

КРАЕВСКАЯ Ирина Олеговна – аспирант отделения русского языка Томского политехнического университета.
E-mail: kr.sobaka@gmail.com

ПУШКАРЕВА Ирина Алексеевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.
E-mail: pial1@yandex.ru

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: timur@radbil.ru

РЕБРОВА Наталия Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Рыбинского государственного авиационного университета им. П.А. Соловьева.
E-mail: natasharebrova@rambler.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: rezanovazi@mail.ru

САЙГИН Вадим Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: saigin@unn.ru / secretar@ahch.unn.ru

ТРИПОЛЬСКАЯ Татьяна Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: tr_tatiana@mail.ru

ХРОЛЕНКО Александр Тимофеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета.
E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

ФРИК Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета.
E-mail: tfrik@tpu.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: [**katunin@mail.tsu.ru**](mailto:katunin@mail.tsu.ru)

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2019. № 15

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 10.06.2019 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 12; усл. печ. л. 11,2. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет 14.06.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru